УДК 902/904
DOI 10.24411/2219-8857-2018-00004

М.Ю. Трейстер

ПАРФЯНСКИЕ И РАННЕСАСАНИДСКИЕ «ИМПОРТЫ» В ПОГРЕБЕНИЯХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (II В. ДО Н.Э.— III В. Н.Э.)*

Статья посвящена анализу археологических материалов, свидетельствующих о контактах кочевников Сарматии и Парфии и сопоставлению их с данными письменных источников. Анализ показал, что изделия, которые с большей или меньшей вероятностью можно атрибутировать как парфянские, попадали к кочевникам Сарматии на протяжении всей истории Парфии. Мотивы парфянского искусства нашли отражения в предметах, изготовленных и за пределами Парфии, вероятно в кочевнической среде. Для разных периодов характерно поступление определенных категорий изделий и их локализация. Отдельные находки и комплексы находок можно связать с известными нам по письменным источникам событиями — контактами кочевников с Ираном. В целом рассматриваемые археологические свидетельства контактов не позволяют говорить о попадании парфянских изделий в результате регулярных торговых контактов, а скорее являются свидетельством даров, дани, платы за службу, военной добычи. В каких-то случаях можно предполагать и перемещение вещей в качестве личных вместе с первоначальными владельцами в результате угона в плен или брачных контактов.

Ключевые слова: Парфия, Сарматия, контакты, письменные источники, археологические данные, серебряные и золотые сосуды, фалары, ювелирные украшения, глазурованная керамика, оружие, поясные наборы.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), научный сотрудник Германского археологического института.

Контактная информация: 14195, Федеративная республика Германия, г. Берлин, Германский археологический институт, Подбельскиаллее 69—71; тел.: +49-228-242-87-67, e-mail: mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de.

Mikhail Treister

PARTHIAN AND EARLY SASANIAN “IMPORTS” IN THE BURIALS OF THE NOMADS OF EASTERN EUROPE (2nd CENTURY BCE — 3rd CENTURY CE)

The article is devoted to the analysis of archaeological materials testifying to the contacts of the nomads of Sarmatia and Parthia and their comparison with the data of written sources. The analysis has shown that the items, which more or less likely can be attributed as Parthian, fell to the nomads of Sarmatia throughout all the history of Parthia. The motifs of Parthian art found reflection in objects made outside Parthia, probably in a nomadic environment. For different periods characteristic is the inflow of certain categories of objects and their localization. Separate finds and find complexes may be associated with events known to us from written sources, the contacts of the nomads with Iran. In general, the archaeological evidence of contacts in question does not allow us to speak of the penetration of Parthian products as a result of regular trading contacts, but rather as evidence of gifts, tributes, service fees, or booty. In some cases we can assume also the movement of objects as personal belongings, together with the original owners as a result of theft captive or marriage contacts.

* Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. — III в. н.э.» (FL-334/15-1).

Статья поступила в номер 12 декабря 2018 г.
Принята к печати 28 декабря 2018 г.

© *МАИАСК.* Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.
© М.Ю. Трейстер, 2018.

Key words: Parthia, Sarmatia, contacts, written sources, archaeological data, silver and gold vessels, phalerae, jewelry, glazed pottery, arms, belt sets.

About the author: Mikhail Treister, Dr. phil. habil. (RUS), Researcher at the German Archaeological Institute.

Contact information: 14195, Federal Republic of Germany, Berlin, German Archaeological Institute, Podbielskiallee 69—71; tel. +49-228-242-87-67, e-mail: mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de.

Введение

Контакты кочевых племен Евразии с Парфией неоднократно привлекали внимание исследователей. При этом в работах превалировало использование письменных источников, а также, особенно в последнее время, археологических материалов. Так некоторые ученые пытались иллюстрировать выводы о контактах: военных набегах, службе в качестве наемников.

Последние включают как доказательства непосредственного пребывания кочевников на территории Парфии (Берлизов 1997: 41—53; Olbrycht 1998: 208—210, 235—249; 2009: 549; Таиров 2014: 227—230), так и в некоторых случаях, монет или предметов предполагаемого парфянского происхождения, найденных на территории Азиатской Сарматии, в том числе в погребениях кочевников (Olbrycht 1998: 210—212). Такие находки могли бы быть ценнейшим источником для реконструкции отношений кочевников Евразии и парфянского государства. Но проблема заключается в том, что исследователи этих отношений сами, как правило, не занимаются атрибуцией памятников, а значительная часть таковых до сих пор остается не опубликованной и не исследованной.

С другой стороны, специалисты по археологии кочевников Евразии, за редкими исключениями[1], ограничиваются либо общими фразами, используя избранные сведения письменных источников в качестве иллюстрации причин попадания «парфянских импортов» в погребения кочевников, как правило, не затрудняя себе вообще какими-либо доказательствами парфянской атрибуции предметов, либо опираясь на чье-то мнение, либо исходя из общих соображений.

В качестве примера приведу точку зрения И.В. Сергацкова, который объяснял происхождение целой серии серебряных и золотых сосудов из Косики, курганов № 28 группы Высочино-VII, № 28 Жутовского могильника, № 3 у ст. Бердия и из кургана Хохлач аланскими походами в Закавказье в 72 и 133 гг. н.э. (Сергацков 1994: 26—27), развивая мысль, высказанную Б.А. Раевым о связи находок из Хохлача с походом 72 г. н.э. (Раев 1978: 93; 1992: 79; Raev 1979, 238; 1986: 67—68).

Я. Харматта (Харматта 1965: 127—147) объяснял попадание пряслица с парфянской (?) надписью, которую он читал «от отца — такой-то», на дюнном поселении у с. Джангалы, расположенном на р. Малый Узень в Западном Казахстане аланским набегом 135 г. н.э., построив на этом основании следующие вероятные реконструкции: либо пряслице принадлежало плененной аланами парфянской женщине, либо находившийся в аланском плену парфянин изготовил пряслице для своей дочери и снабдил его надписью (Харматта 1965: 146—147).

Гипотеза Харматты используется некоторыми учеными при описании и анализе истории контактов аланов и Парфии (Кузнецов 1992: 49; Гутнов 2001: 130—131; Перевалов 2006: 330,

[1] Системный анализ представлен в работе С. Винкельман, в которой подробно рассматривается происхождения зафиксированных изобразительными источниками в Парфии различных типов оружия (Winkelmann 2003). О парфянской глазурованной керамике в Поволжье см.: (Сергацков 1989: 236, 239).

прим. 57; Туаллагов 2014: 73). При этом за редкими исключениями никто не обращает внимания на то, что статья написана на основании, как пишет сам Харматта, некачественной фотографии, опубликованной в 1953 г., с которой он сделал прорисовку (Харматта 1965: 127—128, рис. 1—3). Еще 40 лет назад Б.А. Литвинский (Литвинский 1978: 150, прим. 72) указывал на мнение В.А. Лившица, о том, что чтение Я. Харматты «очень сомнительно, что подрывает все это построение», однако на этот комментарий, как правило, внимания не обращают.

Так, С.И. Лукьяшко (Лукьяшко 2000: 168) утверждает, что серебряный кувшин, найденный в кургане № 28 могильника Высочино-VII, был изготовлен в Парфии на основании того, что изображения на нем отражают иранскую мифологию, не анализируя ни форму сосуда и его элементов, ни стиль и детали изображений. О парфянской глазурованной керамике и серебряных сосудах[2] без каких-либо аргументов пишет И.В. Сергацков (Сергацков 2006а: 45, 58, рис. 6). Если в случае с глазурованными сосудами из Царева и Аксая, автор имеет в виду свои собственные наблюдения и заключения Ю.Л. Щаповой, о которых он писал в своей более ранней публикации (Сергацков 1989: 236, 239), то с парфянским серебром ситуация следующая. Не исключено, что И.В. Сергацков, включая в список парфянского серебра чашу с ручкой в форме грифона из Бердии, имел в виду определение таких чаш из Бердии и Жутово В.И. Мордвинцевой. Впрочем, и В.И. Мордвинцева не приводит ни одного аргумента в пользу того, что эти чаши парфянские. Она пишет, что: «Наиболее вероятным мне представляется ближневосточное, возможно, парфянское производство этих сосудов» (Мордвинцева 2000: 152). А в публикации материалов из Бердии (Сергацков, Мордвинцева 1995: 121) грифон на чаше сопоставляется с образами ахеменидского и сасанидского искусства, с одной стороны, а с другой — сравнивается в изображением на фаларах из Новоузенска, которые, в свою очередь, вслед за К.В. Тревер, определяются как «возможно, греко-бактрийские», а с третьей — с протомами на турибулуме из Хохлача[3]. Отметим, что сама В.И. Мордвинцева впоследствии признала, что ее точка зрения «о том, что такие сосуды были изготовлены в Парфии или на Востоке в целом, видимо, ошибочна» (Мордвинцева 2007: 218), и с этим (отсутствием аргументов в пользу парфянского происхождения сосудов) согласны и другие исследователи[4].

Отмеченные выше факторы приводят к тому, что фактически археологический материал исключается (или лишь отчасти используется, или используется ошибочно) в реконструкциях. Очевидно, что есть только один путь устранения этих противоречий, а именно введение в научный оборот и научная атрибуция памятников. Опираясь на такие атрибуции, которые в каких-то случаях позволят аргументированно говорить о происхождении вещей и их датировке, можно будет построить модель отношений Парфии и Сарматии, основанную на археологических свидетельствах. В данном случае, поскольку речь идет о находках в погребальных комплексах Сарматии, речь идет о парфянских артефактах в Сарматии.

[2] В том числе указанном выше сосуде из Высочино; сюда же причислены и кубки с крышками из Косики и Вербовского, а также чаша с ручкой в форме грифона из Бердии.

[3] О том, что это сосуд, несомненно, западного происхождения, уже неоднократно писалось (Трейстер 2007а: 40—41).

[4] См. в частности, развернутую критику И.П. Засецкой (Засецкая 2011: 185—189; 2012а: 82—90).

1. Изделия II—I вв. до н.э.

1.1. Фалары

В погребениях кочевников Азиатской Сарматии была найдена серия серебряных с частичной позолотой крупных фаларов (рис. 1), украшенных либо сценами из греческой мифологии (Беллерофонт, сражающийся с Химерой: Володарка (Mordvinceva 2001: 14, 35, Abb. 6: *3*; 75, Nr. 36, Taf. 16—17; Трейстер 2011: 104—117; Treister 2012: 69—77), либо изображением боевого слона с погонщиком (Сибирская коллекция (Спицын 1909: 49, рис. 74—76; Treister 1999: 582—589; 2012, 66, note 16 с лит.; Mordvinceva 2001: 74, Nr. 32, Taf. 13), либо образами свернувшихся по кругу грифонов: Новоузенск (Спицын 1909: 51, рис. 79; Treister 1999: 67, note 18, с лит.; Mordvinceva 2001: 75, Nr. 33, Taf. 14); Сидоровка, восточный берег р. Иртыш (Матющенко, Татаурова 1997: 12, 47, 141—142, рис. 18—20; Treister 1999: 67, note 19 с лит.; Mordvinceva 2001: 75, Nr. 35, Taf. 15), либо грифона с телом морского дракона — Новочеркасский музей (рис. 2) (Ильюков 2000a, 133—135; Дедюлькин 2015: 131—133, рис. 2) или кошачьего хищника — берег р. Ишим (Мордвинцева и др. 1997: 176—180; Трейстер 2011: 139—144; Treister 2012: 96—100; Сеитов 2013: 193—200). Есть основания рассматривать их как изделия парфянских мастерских (Treister 2017: 151—152, fig. 1—2; 2018).

Из шести пар фаларов — лишь две происходят из известных контекстов в Володарке (Gutsalov 2012: 40, 43, fig. 6) и в Сидоровке (Матющенко, Татаурова 1997: 12, 133, рис. 9) и поверхность их не имеет следов повреждений. Многочисленные отверстия клиновидной или ромбовидной формы, пробитые с лицевой стороны фаларов, присутствуют на трех парах фаларов (Новоузенск, Новочеркасский музей, Сибирская коллекция) — практически нет сомнения, что это следы преднамеренной порчи — фалары, судя по форме отверстий, были пробиты ударами ножей.

Ближайшей параллелью является пробоина клиновидной формы в донной части серебряной чаши из погребения № 3 кургана № 4/2002 могильника Майеровский-III, Поволжье (рис. 4: *1—3*) (Skvorcov, Skripkin 2006: 258, 259, 261, Nr. 14, Abb. 14: *2*, 18; Скворцов, Скрипкин 2008: 101, № 14, рис. 11: *2*, 15: *5*). Сходство следов преднамеренной порчи на трех парах фаларах и на серебряной чаше настолько велико, что нельзя исключать, что эти предметы были испорчены в ходе одной и той же акции.

Вероятно первой половиной I в. до н.э. датируются крупные фалары из Косики с декоративными пластинами, украшенными в центральной части рядом из трех протом орлиных грифонов, обрамленных рядом из 14 волчьих (?) голов; глаза, уши животных и треугольный каст в центре были инкрустированы (рис. 3) (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 161—163, рис. 13; Mordvintseva 2001: 85, Nr. 106, Taf. 53; Fedorov-Davydov 2001: 15, 147, No. 8, 115, pl. 27—28; Мордвинцева 2003: 87, № 53, рис. 22; Cat. Rome 2005: 132, No. 86; Мордвинцева, Трейстер 2007: 42, № A114.12; Засецкая 2012a: 362, № 15, рис. 5: *7—8*; 2012c: 108—110, рис. 4, 5: *1*). По мнению В.И. Мордвинцевой (Мордвинцева 2003: 80; 2007: 239—240), они относятся к стилистической группе предметов, которые могли быть изготовлены в Иране «или же в любом другом месте (например, в Северном Причерноморье), но мастерами данной производственной традиции», что вызвало критику И.П. Засецкой (Засецкая 2012c: 130—131). Возможное иранское происхождение косвенно подтверждается очень близким по декору несколько меньшим по размеру бронзовым фаларом в собрании Музея Барбье-Мюллера, который, по музейным данным, происходит с территории Ирана (Трейстер 2018b: 117—118, 132, прим. 8, с лит.).

1.2. Серебряные сосуды

Чаша из могильника Майеровский-III (рис. 4: *1—3*) (Skvorcov, Skripkin 2006: 258, 259, 261, Nr. 14, Abb. 14: *2*, 18; Скворцов, Скрипкин 2008: 101, № 14, рис. 11: *2*, 15: *5*) и аналогичные ей серебряные с частичной позолотой чаши сегментовидной формы, украшенные с внутренней стороны фризами в виде гирлянд или плетенки на дне: из кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V (рис. 4: *4—6*) (Мыськов и др. 1999: 150, № 8; рис. 3: *1*; Мордвинцева, Хабарова 2006: 122, № 166; Трейстер 2007a: 30; Мордвинцева, Трейстер 2007: 56, № A163.3, табл. 16, 34, рис. 3; Скрипкин, Мыськов 2009: 249—250, рис. 7), и чаши такой формы без декора — из кургана № 11/1977 могильника Ново-Александровка-I (Кат. Ст. Петербург 2008: 130, № 44; Kat. Leoben 2009: 252, Nr. 105) или украшенные лишь фризом ионийского киматия по краю — из кургана № 28/1964 в Жутово (Кропоткин 1970: 86, № 729; Шилов 1975: 150, рис. 58: *1*; Мордвинцева 2000: 147—148, рис. 3: *1*; Cat. Rome 2005: 160—161, No. 136; Мордвинцева, Трейстер 2007: 30, № A72.3; Археологическое наследие 2013: 109, № 4, илл.) также можно относить к парфянской работе (Treister 2017: 152).

Чаша подобной же формы с хорезмийской надписью, украшенная фризом с чередующимися изображениями дельфинов и уток и с розеттой на донце, обрамленной изображениями пальметт и дельфинов, происходит из погребения № 6 в кургане № 3/1989 могильника Исаковка-I на берегу р. Иртыш (Лившиц 2002: 51—55, № 2, рис. 5—7; Livshits 2003: 161—165, fig. 5—7). В этом же погребении найдена и серебряная с позолотой чаша конической формы, украшенная фризом из плетенки и гирляндой с перевязями, со сложной розеттой на донце (т.е. с декором, сопоставимым с упомянутыми выше чашами из могильников Майеровский-III и Октябрьский-V), с парфянской весовой надписью (Лившиц 2002: 54—55, № 3, рис. 8—9; Livshits 2003: 165—169, fig. 8—10). Серебряные чаши из Исаковки рассматривают как «Arsacid gifts presented to the nomadic rulers» (Olbrycht 2015: 341).

Центральная часть розетты чаши из могильника Октябрьский-V находит близкую аналогию на круглодонном золотом кубке из тайника № 2 в кургане № 28/1982 могильника Высочино-VII (рис. 5) (Трейстер 2007a: 23; Мордвинцева, Трейстер 2007: 22, № A45.5 с лит.; Кат. Ст. Петербург 2008: 123, № 38; Kat. Leoben 2009: 246, Nr. 99), украшенном горизонтальными рядами шестиугольных фасет с круглыми углублениями в центре, подражающими декору поверхности сосудов из горного хрусталя, которые уменьшаются в размерах от устья ко дну — признак, являющийся прототипом декора более поздних чаш сасанидского времени и имеющий аналогии на сосудах эллинистического времени, предположительно происходящих из Северного Ирана (Carter 2015: 76—79, No. 8). Одна из двух ручек кубка из Высочино была отломана и припаяна «вверх ногами» в древности.

В качестве парфянских изделий (Treister 2017: 153) следует рассматривать также полусферические чаши с туловом, украшенным вертикальными каннелюрами, подобно находке из кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V (рис. 4: *7—9*) (Мыськов и др. 1999: 150, № 4; 163, рис. 3: *3*; Мордвинцева, Хабарова 2006: 122, № 164; Мордвинцева, Трейстер 2007: 56, № A163.2, табл. 34; Трейстер 2007a: 29; 2007b: 192; Скрипкин, Мыськов 2009: 245, 247, рис. 5, 6; Археологическое наследие Волгоградской области 2013: 263, № 209), из комплекса конца II в. до н.э. в Сузах и погребения первой половины I в. до н.э. в Соносаре в Армении (Трейстер 2016: 218, с лит.).

Имеется также, по крайней мере, два свидетельства переделки полусферических чаш II в. до н.э. парфянского типа, происходящих с территории Ближнего или Среднего Востока, в кубки с одной трехчастной ручкой с горизонтальной пластиной, украшенной завитками —

кубки происходят из Нижнего Поволжья (Жутово) (рис. 6) и Прикубанья (Усть-Лабинская). При этом переделка происходила, скорее всего, не ранее середины I в. до н.э. и, вероятно, не позднее первой половины I в. н.э. (так датируют комплекс из Жутово), с наибольшей вероятностью можно предполагать существование такой мастерской на территории Боспорского царства, не исключено, что и в Танаисе (Трейстер 2016: 215—225), в некрополе которого в погребении II в. до н.э. в 2012 г. была найдена серебряная сегментовидная чаша с орнаментикой селевкидского круга (Беспалый 2014: б/н), напоминающая и по форме, и по декору чаши, хранящиеся в Музее Гетти (Pfrommer 1993: 21—46, 110—141, No. 1—16) и найденные в Исаковке и в могильнике Майеровский-III.

Можно осторожно предположить парфянское происхождение чаши с сетчатым декором («net-pattern») из погребения в кургане № 1/1986 в Сидоровке (Матющенко, Татаурова 1997: 42, 68, 145, рис. 23: *5*). Хотя такие чаши до недавнего времени были известно только по находкам в Южной Италии или Сицилии, Западном и Северо-Западном Причерноморье (Трейстер 2007a: 26—27; Treister 2012: 88—89), пара таких чаш в коллекции аль-Сабаха дает определенные основания предполагать и возможность их изготовления на Востоке (Carter 2015: 172—175, No. 38).

Плоскодонный кубок с расширяющимся к верхней части туловом, украшенным широкими, сужающимися ко дну, вертикальными каннелюрами, низким горлом, венчиком в форме валика с двумя канавками и с припаянной к плечикам вертикальной петлевидной пластинчатой ручкой с прямоугольным атташем был найден в погребении № 1 кургана 38/1987 могильника «Царский» (рис. 7) (Ильюков 1994: 200, рис. 1: *14*).

Форма кубка своеобразна и не имеет параллелей ни среди эллинистических и римских, ни парфянских серебряных сосудов. Вертикальные каннелюры на тулове, признак, характерный как для сосудов из драгоценных металлов еще ахеменидского времени (Трейстер 2012c: 53, с лит.), так и для серебряных и стеклянных чаш из Восточного Средиземноморья и Парфии, может свидетельствовать в пользу атрибуции сосуда как изделия парфянской мастерской. Находки серебряных кубков, правда, без ручек и других форм, но украшенных вертикальными каннелюрами известны в Грузии, где найдено три каннелированных кубка (Тагилони и Бандза), датируемых I в. н.э. (Мачабели 1976: 28—29, табл. 3: *1*). Из Бори происходит серебряный кувшин, нижняя часть которого также оформлена вертикальными каннелюрами — кувшин датируют II—III вв. н.э. (Мачабели 1976: 73—74, табл. 26: *3*). Вертикальными каннелюрами оформлены и раннесасанидские стеклянные кубки (Simpson 2015: 80, fig. 2: *11—12*).

Скорее всего, в пользу этого же предположения говорит также вертикальная петлевидная ручка, которая находит параллели на сосудах различных форм. О том, что такие ручки появляются на предметах торевтики селевкидской или бактрийской работы III—II вв. до н.э., свидетельствует подобная ручка на плечиках серебряного с позолотой флакона с крышкой из коллекции аль-Сабаха (Carter 2015: 167—169, No. 36). Они были в употреблении в Парфии в I в. н.э. Подобные ручки известны на серебряных сосудах разных форм из клада в Таксиле (Marshall 1951: 611, 614, No. 1, 18, 19, pl. 187—188). Подобная ручка на небольшом прямоугольном атташе со скошенными гранями имеется и у неопубликованного серебряного кубка из саркофага № 2 склепа II/1975 в Горгиппии, кувшина из погребения III в. н.э. в Багинети (Мачабели 1983: 106, № 42). Аналогичная ручка украшает и золотой круглодонный кубок из посылки князя Гагарина Петру I, который датируют I в. до н.э. — I в. н.э. (Тревер 1940: 103—104, № 23, табл. 31; Kat. Wien 1996: 263, Nr. 128). Вероятно, подобная же ручка имелась и у кубка с плавно расширяющимся кверху туловом на трех сегментовидных ножках-подставках, найденного в погребении № 1 кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V

(Мыськов и др. 1999: 150, № 7; рис. 3: *4*; Кияшко, Мыськов 2000: 47, № 7, рис. 6: *1*; Мордвинцева, Хабарова 2006: 33, рис. 17; 122, № 165; Трейстер 2007а: 25; Мордвинцева, Трейстер 2007: 56, № А163.1, рис. 2; Скрипкин, Мыськов 2009: 247, рис. 8; Археологическое наследие Волгоградской области 2013: 262, № 207). Судя по следу припоя, атташ имел прямоугольную форму с сильно вогнутыми сторонами. Чрезвычайно похожие неорнаментированные бокалы со следами припоя одной ручки, которые датируются I в. н.э., происходят из Грузии: Бори (Придик 1914: 101, № 7, табл. V, во втором снизу ряду, второй справа), во втором снизу ряду, второй справа (Мачабели 1976: 24, 26), Тагилони (Мачабели 1976, 24—26, табл. 1).

Хотя кубки из могильников «Царский» и Октябрьский-V и происходят из погребений I в. н.э., как было показано выше, есть некоторые основания считать, что они могут датироваться и I в. до н.э. В случае с кубком из могильника Октябрьский-V это косвенно подтверждается и тем фактом, что все остальные серебряные сосуды из набора, найденного в погребении, однозначно датируются не позднее I в. до н.э.

1.3. Глазурованные сосуды

К ранней волне парфянских импортов можно отнести и глазурованные сосуды различных форм (фляга, бутыль, кувшин) из погребения № 4 кургана № 23/1975 у с. Царев (рис. 8: *4—7*) (Сергацков 1989: 238, рис. 2: *3*; 2006: 45, рис. 6: *6*), погребения № 15 кургана № 8/1997 могильника Аксай-I в Нижнем Поволжье (рис. 8: *1—3*) (Дьяченко и др. 1999: 102, рис. 11: *3*; Сергацков 2006: 45, рис. 6: *5*), а также погребения № 2 кургана № 11/1972 могильника Крепинский-I в Нижнем Подонье[5], которые по заключению К. Ремер-Стрель[6] могут быть датированы в рамках второй половины (последней четверти) II — начала I в. до н.э. Интересно, что ручка кувшина, найденного в могильнике Крепинский-I, была утрачена в древности. Не исключено, что, по крайней мере, в двух комплексах парфянские глазурованные сосуды на момент погребения были антикварными вещами (Treister 2017: 153).

Еще одна фляга, покрытая глазурью коричневого цвета, была найдена в кочевническом погребении в Прикубанье — во впускном погребении кургана «Острый» у ст. Ярославской, открытом в 1896 г. (Гущина, Засецкая 1989: 95, № 19; 128, табл. I: *19*; Marčenko, Limberis 2008: 335, Nr. 3.3; Taf. 3: *1*)[7]. Погребение датируется первой половиной I в. н.э. (Гущина, Засецкая 1989: 88)[8] а небольшая фляга (в. 9,6 см, дм. 7,5 см), так называемая фляга пилигрима (Ghirshman 1976: pl. XL: *1*; Eiland 1995—1996: 113—114, fig. 8—9), с отбитыми в древности ручками, с одной стороны — украшена концентрическими линиями. Эта фляга и по размерам, и по форме, и по цвету глазури (коричневой) близка фляге, хранящейся в Британском музее (инв. 92094). Еще одна фляга аналогичной формы с голубой глазурью и концентрическими валиками, хранящаяся в Британском музее, происходит из Суз и датируется I в. до н.э. — I в. н.э. (инв. 136784, 1976,0724.2). Поливные фляги близкой формы

[5] Не опубликован. См. отчет: (Лагоцкий 1973: рис. 77).

[6] В статье о глазурованной керамике из погребений Азиатской Сарматии, подготовленной совместно для материалов проекта вместе с А. Гебель: «Werkstoffanalysen von glasierten Gefäßen aus Sarmatien — Importobjekte in sarmatischen Fundkontexten des 2 Jh. v. Chr. bis 3 Jh. n. Chr.».

[7] В другом месте цвет глазури определен как голубой (Гущина, Засецкая 1989: 86) и указано на аналогии в Северной Пальмире.

[8] По мнению Н.Е. Берлизова (Берлизов 2011: 217) — с большей вероятностью началом I в. н.э., на основании аналогии фляге в погребении № 23 некрополя Дура-Европос вместе с монетой Орода II (58—39 гг. до н.э.) (Toll 1946: 139, pl. XLIII).

с зеленой и голубой глазурью были найдены в гробнице второй половины I в. до н.э. в Сисиане в Армении (Khachatryan 2011: 55, 61, fig. 14: *1—3*). Известны они и в Нисе (Пилипко 2001: 311, рис. 222: *1, 4, 7*, 312). А.С. Скрипкин опубликовал в рисунках еще две фляги близкой формы: из неопубликованного погребения № 18 кургана № 4/1982 могильника Эвдык-I в Калмыкии (Скрипкин 1990: рис. 17: *20*), а также из кургана № 19 у Высочино — какой именно могильник А.С. Скрипкин (Скрипкин 1990: рис. 17: *23*) не указал.

2. Предметы, возможно, изготовленные в парфянских мастерских, или демонстрирующие влияние парфянских изделий

2.1. Серебряные сосуды

Заслуживают внимания две серебряные чаши, одна — конической формы с добавленной ручкой (рис. 9: *1—2*) (Кропоткин 1970: 86, № 728; Мордвинцева, Трейстер 2007: 18, № A32.2, с лит., табл. 24; Трейстер 2007a: 29), и вторая — полусферической формы с рельефами-аппликациями в виде гирлянды и с двумя фигурками юношей (одна из них утрачена) (рис. 9: *3—6*) (Кропоткин 1970: 86, № 728; Мордвинцева, Трейстер 2007: 18, № A32.1, с лит., табл. 15, 24; Трейстер 2007a: 27—28) из погребения № 2 кургана № 5/1953 у с. Верхнее Погромное, датируемого II—I вв. до н.э. Вопрос о месте изготовления кубка с аппликациями из Верхнего Погромного, учитывая его уникальность, пока остается открытым, хотя, весьма вероятно происхождение сосуда из мастерской селевкидского круга (Treister 2017: 153). В этом же комплексе была найдена и поясная пластина Р-образной формы со сценой терзания китайского типа II в. до н.э. в декоре которой использованы касты со вставками в форме «кружков с крылышками», характерными для украшений из Сибирской коллекции, а также для ювелирных изделий круга клада Окса в Бактрии, свидетельствующие о пост-ахеменидской традиции, которую В.И. Мордвинцева (Мордвинцева 2007: 201, 214, 227) определяет как «ахеменидский вариант полихромного звериного стиля», а Е.Ф. Королькова как «изделие восточного иранского круга» (Кат. Ст. Петербург 2008: 87, № 8). Таким образом, есть все основания предполагать возможность того, что и серебряные сосуды, найденные в Верхнем Погромном, могли попасть к кочевникам через Парфию или Бактрию, где могла быть изготовлена бляха (Treister 2017: 153).

Что касается серебряного кувшина со сливом на кольцевом поддоне с крышкой и с полой ручкой, обтянутой золотой фольгой, в виде сидящей фигурки пантеры или гиены, украшенный фризами с позолотой в пределах контуров изображений из тайника № 1 кургана № 28 группы Высочино-VII, а также близких ему по технике декора: кубков с крышками со сценами сражений и охоты и ручками в форме фигурок животных из погребения № 1 в Косике и погребения № 2 кургана № 4/1988 могильника Вербовский-II, полусферической чаши на поддоне и таза из Косики (Трейстер 1994: 172—203; 2007a: 47—50; Treister 2005: 206—223, 240—245), то эти сосуды не имеют параллелей по форме среди известных нам серебряных сосудов, происходящих с территории Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии.

Я не стал бы, конечно, полностью исключать возможность их изготовления в мастерских Парфии, тем не менее, традиция изготовления кубков с ручками в форме фигурок животных имеет очень широкое распространение (Королькова 2003: 54; Трейстер 2007a: 48; Мордвинцева 2007: 216—218; Засецкая 2011: 166, 172). Безусловно, на фризах кувшина из Высочино, кубков из Косики и Вербовского, чаши и таза из Косики и цилиндрического сосуда из коллекции С.И. Григорьянца имеется целый ряд орнаментальных мотивов, сцен и

изображений, которые в большей или меньшей степени имеют параллели в Иране или на Ближнем и Среднем Востоке в целом, на что я уже неоднократно обращал внимание. К приведенным наблюдениям можно сейчас добавить удивительное сходство в композиции элементов фризов с изображением рыб на чаше, крышке кубка, пиксиде из Косики и фриза из рыб на внутренней стороне тазе из Косики и на внешней стороне серебряной позолоченной полусферической чаши из коллекции аль-Сабаха, которая убедительно отнесена к сасанидской работе IV—V вв. н.э. (Carter 2015: 310—311, No. 86).

Однако это не означает автоматически, что рассматриваемые сосуды обязательно вышли из мастерских Парфии — они, в частности, тот же кувшин из Высочино, могли быть изготовлены и в кушанских мастерских Северо-Западной Индии (Treister 2005: 242—245), в том числе с использованием парфянских (кушанских) прототипов, в мастерских Северного Причерноморья, ориентированных на вкусы заказчиков-номадов. Аргументы в пользу этого предположения, в том числе основанные и на надписи Ампсалака на бортике таза из Косики, уже приводились мною ранее (Трейстер 1994: 197—202; Treister 2005: 223).

В этой связи могу обратить внимание еще на одно косвенное свидетельство — ручку в форме кошачьего хищника (тигра?) на серебряном лутерии из Ново-Александровки (Cat. Paris 2001: 192—193, No. 210; Трейстер 2007a: 50; Мордвинцева, Трейстер 2007: 50, №А151.5; Кат. Ст. Петербург 2008: 130—131, № 45; Kat. Leoben 2009: 253, Nr. 106; Засецкая 2011: 194, рис. 98: *II*, 195). Очевидно, что изначально таз, форма которого находит почти точное соответствие в маленькой серебряной чаше из Палеокастро в Фессалии, предположительно, туалетном сосуде для масла или благовоний, имел лишь две горизонтальные ручки с миндалевидными вырезами под пальцы, конструктивно напоминающие оформление ручек (другого типа) бронзовых тазов из Помпей и Геркуланума (Трейстер 2007a: 50; 2010a: 79—80). Таким образом, если принять «парфянскую» гипотезу, то следует предположить, что таз, выполненный в позднеэллинистическую эпоху в Италии или Греции, был усовершенствован в I в. н.э., для чего его отвезли в Парфию, а затем доставили в Нижнее Подонье. Такое объяснение представляется маловероятным — есть гораздо больше оснований для предположения о том, что такие переделки, задача которых состояла в адаптации изделий к вкусам номадов, вероятно, производились вблизи места обитания заказчиков, скорее всего — на Боспоре (в частности, в Танаисе), где, как я постарался аргументировано доказать, в рассматриваемое время осуществлялась переделка и парфянских полусферических чаш в кубки на ножках с горизонтальными ручками (Трейстер 2016: 215—225). Таким образом, не думаю, что имеет смысл, как это предлагает И.П. Засецкая, с одной стороны, на мой взгляд, справедливо, отрицать возможность изготовления чаш типа находки из Жутово в Парфии (Засецкая 2011: 185—189), с другой — принимать точку зрения С.И. Лукьяшко (Лукьяшко 2000: 168) об изготовлении кувшина из Высочино в Парфии (Засецкая 2011: 195), а с третьей писать о том, что кубки с зооморфными ручками были изготовлены в неких «восточных центрах» (Засецкая 2011: 184).

2.2. Поясной набор из Косики

Найденные в погребении № 1/1984 в Косике выполненные в одном стиле пряжка и наконечник пояса имеют близкую форму и представляют собой выполненное в высоком рельефе изображение лежащего ежа с вытянутыми вперед передними лапками, которого обвивают по бокам и сзади две змеи, образующие сзади ежа «Гераклов узел» (рис. 10) (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 172, 173—174, рис. 19; Fedorov-Davydov 2001: 147, No. 9, pl. 29—30; Мордвинцева 2003: 87, № 55, рис. 22; Cat. Rome 2005: 128—129, No. 77—78; Трейстер 2018b: 108—143, с лит.).

Как показал проведенный нами анализ этих предметов (Трейстер 2018b: 108—143), конструкция пряжки и наконечника ремня и представленный на них сюжет дает основание предположить, что элементы этого поясного гарнитура создавались специально для кочевника, выходца из Восточной Евразии. В композиции были введены элементы декора, характерные для эллинистического ювелирного дела — «Гераклов узел», и использован типичный для Восточного Средиземноморья II—I вв. до н.э. прием двойных кастов, при котором в углубление для вставки помещался камень со своим кастом, края которого были загнуты внутрь. С учетом всех этих наблюдений логично предположить изготовление элементов поясной гарнитуры из Косики специально для заказчика-кочевника в высокоспециализированной мастерской торевта. С наибольшей вероятностью это могло произойти во второй половине II—I в. до н.э. в Иране или в Малой Азии. Пояс, к которому относились публикуемые пряжки, учитывая их уникальное конструктивное и художественное исполнение, а также, безусловно, высокую материальную ценность[9], был статусным предметом и, возможно, даже инсигнией царской власти — не случайно на позднепарфянских скульптурах из Хатры пояса с подобными бляхами носят либо цари, либо представители высшей знати (Curtis 2001: 308—310).

2.3. Парадный меч из Косики

Короткий меч или кинжал, найденный в погребении № 1/1984 у с. Косика (рис. 11), относится к типу парадных кинжалов, которые были распространены в Евразии в I в. до н.э. — I в. н.э. и стали одной из инсигний власти, о чем свидетельствуют их находки в княжеских погребениях кочевников и их изображения на царских фигурах на стелах из Коммагены. Датированная (238 г.) пуансонная надпись, открытая нами на золотой обкладке перекрестья в 2015 г. и полностью очищенная от оксидов железа в 2017 г., содержит указание на мастеров и вес золота, подтвержденный эклогистом, что означает оценку на самом высоком государственном уровне. Надпись позволяет с большой степенью уверенности предполагать, что кинжал мог быть изготовлен либо в качестве налогового платежа ремесленной корпорации государству, либо в качестве подарка какому-то царственному лицу. Кроме того, анализ надписи позволяет предположить, что кинжал мог быть сделан в Малой Азии, возможно, в Коммагене, причем в 74 г. до н.э. (т.е. датировка по селевкидской эре), а не в 59 г. до н.э. (по понтийской эре), т.к. существование эклогистов в Понтийском царстве не было пока подтверждено ни нарративной традицией, ни эпиграфическими документами (Белоусов, Трейстер 2018: 92—128).

[9] Общий вес 53,72 г, проба золота 920 (КП 35529) и 52,99 г, проба золота 900 (КП 355298).

2.4. Бляшки в форме мерлонов

Золотые нашивные бляшки в форме мерлонов, трех- или четырехступенчатых пирамидок, как сплошных, так и с вырезами в центральной части, как правило, повторяющими внешние контуры бляшек или Т-образными (рис. 12: *1—8*), появляются в погребениях, датирующихся не ранее второй половины II в. до н.э. Наиболее ранние комплексы с такими бляшками, помимо указанного погребения в кургане № 5/1953 у с. Верхнее Погромное (рис. 12: *1*) — погребение № 4 кургана № 27/1965 в Жутово (рис. 12: *4*), но они встречаются в комплексах вплоть до рубежа I—II в. н.э. (рис. 12: *2—3, 5—8*). Они получает особенно широкое распространение в Нижнем Поволжье, но известны также в Крыму и в Северном Причерноморье, в Нижнем Подонье, в Прикубанье (Мордвинцева, Хабарова 2006: 21, 22; Королькова 2012: 134—135, рис. 1: *1—12*) и в Западном Казахстане (Самашев и др. 2007: 54, илл.). Наряду с аккуратно исполненными образцами встречаются и бляшки с неровными и кривыми ступенями и вырезами, о прототипах которых можно только догадываться (Мордвинцева, Хабарова 2006: 21, 22, рис. 7: *90, 191*). Очевидно, что многие из них изготовлены кустарно — вырезаны ножницами из листа металла.

Ступенчатые пирамидки (мерлоны), *stepped battlements* — архитектурный элемент, типичный для ахеменидской архитектуры и получивший широкое распространение в эпоху эллинизма и первые столетия н.э. в архитектуре (Porada 1967a: 1—12; Королькова 2012: 134—143) и мозаиках[10] Восточного Средиземноморья, Передней и Центральной Азии, который широко использовался в торевтике, в частности, для украшения серебряных чаш II—I вв. до н.э., в том числе, предположительно изготовленных в Северо-Западном Иране (Pfrommer 1993: 22, 39; No. 4, 6, 7, 9—11). Очевидно, что бляшки в форме мерлонов, найденные в сарматских погребениях, вряд ли следует рассматривать как импорты из Парфии — скорее всего, их изготавливали в кочевнической среде, хотя не исключено, что в каких-то случаях они могли украшать парадные парфянские одежды. Впрочем, также очевидно, что сама форма бляшек свидетельствует о переднеазиатском влиянии в их появлении — не случайно, что самые ранние образцы таких бляшек происходят из комплексов второй половины II в. до н.э., времени первых контактов кочевников с Парфией.

3. Изделия I — первой половины II в. н.э.

Следующий этап поступления парфянских предметов к кочевникам Азиатской Сарматии охватывает I, и, возможно, начало II в. н.э. В отличие от предыдущего времени среди них нет таких статусных вещей, как парадные серебряные с позолотой фалары конской упряжи, драгоценные поясные наборы и столовое серебро. В то же время среди вещей, предположительно изготовленных на территории Парфии, выделяется серия крупноформатных ювелирных изделий, а также предметов из резной кости, в том числе уникальных: гребня с изображением женских бюстов в арках и ножа с рукоятью в форме портретного изображения, предположительно, парфянского царя, которые, скорее всего, также являлись статусными. Кроме того, нельзя исключать возможность парфянского изготовления такого статусного предмета, как парадного меча из тайника кургана на окраине Азова и некоторых поясных блях, а также парадного табурета с серебряными обкладками ножек из кургана Хохлач.

[10] Делос — (Bruneau 1972: 50, 147—150, No. 50, fig. 43—46), Арсамея — (Dörner, Goell 1963: 161, Abb. 16; 192, Taf. 47A).

3.1. Ювелирные украшения

В.И. Мордвинцева отмечала, что особенностью браслета из Дач (рис. 13: *4—6*) (Беспалый 1992: 185, рис. 10; Мордвинцева 2003: 90, № 79, рис. 33; Мордвинцева, Трейстер 2007: 50, №А67.5, с лит., рис. 44; Кат. Ст. Петербург 2008: 106—107, № 25; Kat. Leoben 2009: 230—231, Nr. 86; Засецкая 2011: 112—114, илл. 54: *1, 2а*) является и то, что он выполнен в виде круглой скульптуры: представлены два оленя, а также животное, составленное из двух передних половин копытного, что находит прототипы в искусстве ахеменидской эпохи Передней и Центральной Азии, а также параллели — в торевтике юго-западного Ирана парфянского времени. Расположение вставок по телу в три ряда, представляют собой вариант полихромной разработки тела животного в ахеменидской художественной традиции (Мордвинцева 2003: 40; 2007: 213, 224—225, 228). С этим нельзя не согласиться. Расположение вставок очень близко расположению выделенных канавками и позолотой «пятен на туловище оленя — серебряной ручки сосуда из Сибирской коллекции в собрании Эрмитажа, которую относят к изделиям мастерской в Восточном Иране V—IV вв. до н.э. (Rudenko 1962: 54, Taf. XII: *1*; Засецкая 2011: 113, 115, илл. 54: *2б*). На это сходство уже обращалось внимание И.П. Засецкой (Засецкая 2011: 113). Использование шарнирных соединений также восходит к ювелирным украшениям, выполненным в пост-ахеменидской традиции III в. до н.э.: из погребения могильника Бердянка-V в Южном Приуралье (Трейстер 2012а: 162, № А2.2.1.7, цв. табл. 42); ажурных пластинчатых браслетов из Музеев Пешавара и Кельна (Damm 1990: 239—243). В.И. Мордвинцева (Мордвинцева 2003: 78—79; 2007, 227—228; Mordvintseva 2010: 187, 191, 194, fig. 10: *3*) указывает на то, что форма вставок, их выпуклость, свидетельствуют в пользу происхождения браслетов из того же источника, что и ножны меча, и наконечник ремня из того же кургана, при этом все указанные предметы исследовательница относит к группе Тилля-тепе. На мой взгляд, не менее существенны для атрибуции браслета является указанные выше особенности его моделировки, конструкции и расположения вставок, которые, как видно, достаточно очевидно указывают скорее на иранские прототипы.

Заслуживает внимания и ожерелье с центральной частью в виде медальона, фланкированных фигурками грифонов из погребения конца I — начала II в. н.э. № 1 кургана № 14/1978 у х. Сладковского (рис. 13: *1*) (Cat. Tokyo 1991: 110, No. 129; Cat. Paris 2001: 242—243, No. 279; Мордвинцева 2003: № 75, рис. 30; Treister 2004a: 298—299, 312, fig. 1, No. 1; Трейстер 2007а: 85; Мордвинцева, Трейстер 2007: 79, № А249.1, с лит., табл. 39, 78, рис. 41; Кат. Ст. Петербург 2008: 138, № 53; Kat. Leoben 2009: 262—263, Nr. 114). Близкая параллель и по форме, и по стилю пластинкам в форме грифонов на ожерелье из Сладковского происходит с территории Ирана (Дайламан) (Ghirshman 1962: 101, Abb. 114c) и представлена деталью ожерелья с изображением Эрота, сидящего на грифоне. Еще одной близкой параллелью являются элементы подвески серьги из клада середины I в. н.э. в Таксиле, также изображающие эротов, сидящих на грифонах, по сторонам от подвески в форме амфорки (Marshall 1951: 623—624, No. 2; pl. 190; Musche 1988: 101, 103 (тип 14.5.2 с датировкой ок. 19—70 гг. н.э.), Taf. XIX; Belaňová 2016: 118, 119, fig. 4).

Ожерелье, состоящее из пятнадцати одинаковых овальных медальонов со вставками, к каждому из которых, за исключением крайних, подвешена ромбовидная плоская подвеска со вставкой, происходит из погребения первой половины II в. н.э. у с. Старицы в Нижнем Поволжье (рис. 14) (Шилов 1968: 312—314, рис. 3; Cat. Rome 2005: 156—157, No. 126; Трейстер 2007а: 77; Мордвинцева, Трейстер 2007: 81, № А252.1, с лит., табл. 40). Аналогичные: структуру, но трехъярусную, и оформление кастов демонстрируют ожерелья

из клада середины I в. н.э. в Таксиле (Marshall 1951: 627, No. 56—58, pl. 193; Musche 1988: 129—130, 132, Nr. 2.4.1—2.4.3 с датировкой ок. 19—70 гг. н.э., Taf. XXXII; Belaňová 2016: 121, fig. 7). Близкую трехъярусную структуру имеет также ожерелье в собрании К. Рабену, предположительно происходящее из Дайламана (Ghirshman 1962: 100, Abb. 112; Porada 1967b: 103; Musche 1988: 144, Nr. 4.6, Taf. XLI). Многоярусная структура характерна для не только для ожерелий, происходящих с территории Ирана, Афганистана (Тилля-тепе) и Пакистана, а также для известных и по изображениям на рельефах Пальмиры и Хатры (Musche 1988: 137, 155, Nr. 3.4, Taf. XXXVI, L). Таким образом, есть определенные основания предполагать восточное (Парфия ?, Гандхара ?) происхождение ожерелья из Старицы.

Ожерелье с амфоровидными подвесками происходит из погребения № 3 кургана 11/1977 могильника Кос-Оба (рис. 13: *2—3*) (Железчиков 1998: 17, рис. 6: *13*). Не исключено, учитывая характерную форму ножки (из четырех шариков зерни), что в случае с подвесками из Кос-Обы мы имеем дело с парфянским ювелирным украшением (Musche 1988: 101—102) — аналогичным образом оформлены ножки амфоровидных подвесок ожерелья в собрании П. Берч, приобретенного в Тегеране и предположительно происходящего из Северного Ирана, которое предположительно датируется Б. Муше I в. до н.э. — I в. н.э. (Musche 1988: 128, 132, Nr. 2.3.6.2, Taf. XXXI). Еще одна близкая аналогия с подобным оформлением ножек — амфоровидные подвески ожерелья из так наз. княжеского погребения второй половины I в. до н.э. в Сисиане в Армении (Хачатрян 2007а: 207, табл. CXI: *1*; 2009: табл. XVI: *8*; Cat. Nantes 1996: 231, No. 232; Khachatrian 2011: 36).

Среди предположительно парфянских ювелирных украшений преобладают серьги. Отметим серию украшений с дужками, образованными выгнутыми женскими или мужскими фигурками (или фигурками без признаков пола), с припаянной к спине иглой, и к ногам — приемником-застежкой, происходящих из Южного Приуралья: погребения № 1 кургана № 8/1993 могильника Покровка-I (рис. 15: *1*) (Яблонский и др. 1994: 15, 113, рис. 34: *1*), кургана № 2/1977 (Железчиков 1998: 11, рис. 3: *7*) и погребения № 3 кургана № 11/1977 (рис. 15: *2*) (Железчиков 1998: 17, рис. 6: *17*; Tasmagambetov 2003: 234, слева вверху; Самашев и др. 2007: 75, вверху) могильника Кос-Оба, Поволжья — погребения № 1 кургана № 34/2006 могильника Аксай-II (рис. 15: *3—4*) (Археологическое наследие 2013: 115, 266, № 240; Дьяченко и др. 2017: 20, № 3, рис. 14: *10*) и Калмыкии — погребения № 8 кургана № 6/1988 группы КВЧ-37 (Очир-Горяева, Сергацков 2012: 196—197, рис. 2: *5*). На серьги рассматриваемой группы уже обращали внимание исследователи (Очир-Горяева, Сергацков 2012: 195—200), которые указали на их распространение в погребениях кочевников I в н.э. и сопоставили их с серьгами из некрополя Дура-Европос. Очень близкой параллелью трактовке женской фигурки на серьгах из могильников Аксай-II и Кос-Оба является изображение женского торса на парфянской глазурованной терракоте из Иракского музея в Багдаде (Kat. Berlin 1978: 208, Nr. 178). Хотя точные аналогии указанным серьгам среди ювелирных изделий Парфии нам не известны, тем не менее, связь их с парфянскими серьгами с дужками, оформленными в виде изогнутых обнаженных мужских и женских фигурок, в том числе с крыльями, очевидна и весьма вероятно, что они относятся к продукции одной из парфянских мастерских.

Заслуживают также внимания подвеска серьги в форме треугольного щитка, украшенного вставками и с дополнительными подвесками в форме объемных полуовалов (рис. 16: *2*) из разграбленного женского погребения II в. н.э. в кургане № 1/2003 могильника «Горелый-I» в Саратовском Поволжье (Балановский, Тихонов 2009: 10, № 4, рис. 11: *8*). Обращает на себя внимание не только форма подвески, но и конструкция шарнирного замка

(рис. 16: *1*) и петли для подвески. Известные параллели таким замкам имеются на серьгах, хоть и происходящих из Ирана, но без известного археологического контекста (Musche 1988: 79—80, Nr. 7.3.2.2—7.3.2.8, Taf. XV), тем менее, замки подобной конструкции имели длительную историю развития в Иране (Musche 1988: 81).

Ближайшая параллель подвеске серьги из могильника «Горелый-I» — одна из двух пар серег с треугольными щитками, которые были обнаружены в 1909 г. при раскопках погребений II в. н.э. Ашнакского могильника Эчмиадзинского района в Армении (ОАК 1913: 218, рис. 249; Кинжалов 1961: 52, 58, 61, № 3—4, рис. 1, внизу справа; Хачатрян 2007b: 222—223, табл. CXXII: *1—4*). Структура декора щитка этих серег очень близка серьге из могильника «Горелый-I» — верхнюю часть занимает крупный каплевидный каст с выпуклой вставкой граната, ниже — над краем щитка располагаются в горизонтальном ряду три более мелких каста, овальной и каплевидной формы. К трем петлям, припаянным по нижнему краю щитка, подвешены подвески в форме четырехгранных пирамидок (ОАК 1913: 218, рис. 249, слева; Кинжалов 1961: 52, 58, 61, № 3—4, рис. 1, внизу слева; Хачатрян 2007b: 222, табл. CXXII: *1—2*). У второй пары серег из Ашнакского могильника вместо нижних мелких кастов со вставками расположено два пояса декора в технике клуазоне с гнездами треугольной формы, а подвесок в форме четырехгранных пирамидок — по четыре (ОАК 1913: 218, рис. 249; Кинжалов 1961: 52, 58, 61, № 1—2, рис. 1; Хачатрян 2007b: 222, табл. CXXII: *3—4*). Среди находок из Ашнакского могильника имеются и шарнирные дужки серег (ОАК 1913: 218, рис. 249, вверху второй ряд, слева), аналогичные дужкам серег из могильника «Горелый-I». Чрезвычайно близки серьгам из Ашнакского могильника и две пары серег из раскопок С.З. Мачавариани в Бори недалеко от Кутаиси в Грузии (Придик 1914: 97, № 6—7, табл. II: *8, 11*). У первой из этих пар, как и у первой пары серег из Ашнакского могильника, имеется три аналогичные подвески в форме четырехгранных пирамидок, при этом крупные касты щитка имеют не каплевидную, а овальную форму (Придик 1914: 97, № 6, табл. II: *8*), у второй пары серег — каплевидные касты занимают практически всю поверхность щитка, а нижний ряд кастов отсутствуют, при этом три подвески — дисковидной формы (Придик 1914: 97, № 7, табл. II: *11*).

Подвески в виде объемных полуовалов в I—II вв. н.э. использовались для украшения парфянских серег и амулетов (Porada 1967b: 103—109). Известны они и в некрополе Мцхеты (Апакидзе и др. 1958: 35, 84, рис. 11, *5*; табл. XXXVII: *14a*, № 108, рис. 43: *5*, табл. LXVI: *42*; Musche 1988: 160, Nr. 17, Taf. LIII) и в кладе из Гонио (Lordkipanidze et al. 1980: 41—42, No. 33, pl. XLVII—XLVIII). Что интересно, в ряде случаев они крепились к щиткам серег именно не на цепочках, а на колечках, припаянных непосредственно к щиткам, как в случае с подвесками из Горелого и Селевкии (Braidwood 1933: 67—68, pl. XXIV, fig. 6; Ackerman 1967: pl. 139A; Musche 1988: 105, Nr. 15.7, Taf. XX). Учитывая тот факт, что элементы серьги из могильника «Горелый-I» находят близкие параллели среди парфянских ювелирных изделий, а их ближайшими параллелями по форме и структуре декора щитков являются находки с Кавказа и из Закавказья, вряд ли есть основания сомневаться в том, что серьги могли быть изготовлены в мастерской парфянского круга, которая могла находиться как на территории Ирана, так и в Закавказье.

3.2. Резная кость

В мужском погребении № 1 кургана № 18/1989 могильника Красногоровка-III в окрестностях Азова был найден железный нож с резной костяной рукоятью в виде фигуры мужчины, сидящего на троне. Изображение диадемы на голове персонажа и спинки трона на оборотной стороне рукояти свидетельствуют о том, что на рукояти ножа из Красногоровки представлен портрет парфянского царя, который по особенностям прически и деталей диадемы находит ближайшие параллели на монетах Вологеза I (ок. 51—78 гг. н.э.), которого считают сыном Артабана II, отчеканенных после подавления восстания Вардана (ок. 55—58 гг. н.э.) (рис. 17: *1—3*) (Гудименко 1990: 8, рис. 1: *4*; 10; Трейстер 2001: 195—206; Treister 2001: 37—51).

В Нижнем Поволжье и Южном Приуралье в комплексах II—III вв. н.э. в женских погребениях № 1 кургана № 18/1999 могильника Красный Яр (Мещеряков 1999: 11—12, рис. 15; 17, 18: *2*) и кургана № 1/2003 могильника «Горелый-I» (рис. 17: *5*) (Балановский, Тихонов 2009: 10, № 3, рис. 10) были найдены ножи с костяными рукоятями, украшенные гравированными изображениями, затертыми краской. Использование в декоре рукояти ножа из Красного Яра двойных арок (ср. ниже декор гребня из могильника «Горелый-I»), а также ступенчатых пирамидок (мерлонов), *stepped battlements*, архитектурного элемента, типичного для ахеменидской архитектуры и получившего широкое распространение в эпоху эллинизма и первые столетия н.э. в архитектуре и торевтике Переднего Востока и Центральной Азии, дает основания считать нож с костяной рукоятью работой парфянской мастерской (Трейстер 2018a: 152—153; 2019c). В погребении мальчика 6—7 лет № 3 кургана № 24/1980 могильника Кардаиловский-I был найден положенный вдоль правого бедра железный кинжал с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием, деревянные ножны которого украшали костяные пластины, в том числе с гравированными изображениями Эрота и гирлянды из листьев плюща (рис. 17: *4*) (Моргунова 1996: 18, 41, рис. 20: *6*). Особенности изображений плюща на пластинах из Кардаилово — тройные параллельные извивавшиеся линии побегов и крупные листья позволяют сопоставить этот декор с памятниками II в. н.э. из Хатры (Kat. Berlin 1978: 206, Nr. 176) и Сурх Котала (Ghirshman 1962: 279, Abb. 361) (отличие заключается в том, что побеги показаны не тройными, а двойными линиями) (Трейстер 2018a: 152—153; 2019c).

В кургане № 1/2003 могильника «Горелый-I» был найден резной костяной гребень с погрудными изображениями женских персонажей в арках (рис. 18) (Балановский, Тихонов 2009: 10, № 2, рис. 9). Из известных находок костяных гребней рассматриваемого времени на территории Передней и Центральной Азии и Индостана ближайшие по форме гребни, украшенные гравированными изображениями, происходят из раскопок Сиркапа (Таксила) и из Беграма, находки из Тилля-тепе и Дальзверзин-тепе, могли быть изделиями индийских мастеров — Д. Поттс определяет их как «indianesque» (Potts 2011: 335—344). Тем не менее, ни сюжеты, ни иконография изображений на указанных выше гребнях не находят параллелей на гребне из могильника «Горелый-I». Женские фигуры, например, изображенные на упомянутых выше гребнях, всегда представлены с обнаженным торсом, а не задрапированным, как на рассматриваемом гребне, или выглядят иначе, как на нанесенным черной тушью изображении на гребне из Кампыртепа (Никоноров 2000: 131—138, рис. 2).

Близкую прическу демонстрируют изображения танцовщиц (Pharmakovsky 1907: 149—150, Abb. 18, 20—21; 1909: 135, fig. 63; ОАК 1909: 40—41, рис. 37, 40, 42; Ghirshman 1962: 268, Abb. 348, первое и третье слева; Луконин 1977: рис. 130) и мальчиков-флейтистов

(Pharmakovsky 1907: 149—152, Abb. 22—28; 1909: 135, fig. 64; ОАК 1909: 40—42, рис. 36, 44—47; Ghirshman 1962: 268, Abb. 348, первое справа; Луконин 1977: рис. 131) на резных костяных пластинах из Ольвии. Однако значительно чаше такие трехчастные прически носили мужчины. Чрезвычайно близка прическа, особенно трактовка «буклей», на изображениях т.н. царя (Cumont 1926: 265, pl. XCIX: *2*; Yatsenko 2013: 122—123, fig. 8) и всадника-лучника (Downey 2003: 17, fig. VI; James 2004: 40, 42, fig. 17E) на граффито из Дура-Европос. Укажем, что такие трехчастные прически с буклями по сторонам представлены на царских (?) изображениях костяных пластин из Ольвии (Pharmakovsky 1907: 147—148, Abb. 16; 1909: 134—135, fig. 61; ОАК 1909: 41, рис. 41; Ghirshman 1962: 268, 271, Abb. 352, слева; Луконин 1977: рис. 128; Mathiesen 1992: 187, No. 151 с лит.; Kat. Wien 1996: 228, Abb., 397, Nr. 73, в центре; Пилипко 2010: 106, 110—111, рис. 5; Olbrycht 2013: 86, Abb. 9) и Меле Хайрам в Юго-Западной Туркмении (Kaim 2010: 325—329, 334, pl. 3; Olbrycht 2013: 86, Abb. 10; 2015: 359, fig. 17), на глазурованной керамике из Дура-Европос (Toll 1943: 9—10, fig. 3: *H—I*, pl. XX: *1934: 608*; Olbrycht 2013: 86, Abb. 11), на терракотовых плакетках из Мерва (Пилипко 2010: 103—115, рис. 1—4, 9), а также на царских портретах на монетах II—III вв. н.э. Осроя I и Вологеза V (Sellwood 1980: types 80, 86; Kaim 2010: 327; Пилипко 2010: 114, прим. 5).

Подобным образом, в обрамлении из арок, в парфянской терракоте изображались богини: на форме для оттиска вотивов, приобретенной в Алеппо и датированной II—III вв. н.э. (Cumont 1926: 266, fig. 58; Ghirshman 1962: 107, Abb. 123; Mathiesen 1992: 219, No. 227, fig. 85; Kat. Wien 1996: 229, Abb., 398, Nr. 75; Downey 2003: 39—44, fig. III), на терракотах из Дура-Европос (Downey 2003: 53—55, No. 7—8, fig. 6—7), Селевкии на Тигре (Menegazzi 2005: 89, fig. 15—16) и Арташата (Cat. Nantes 1996: 242—243, No. 250, 252; Khachatrian 2011: 20, fig. 5: *2*). Аналогичным образом арками с полукруглыми сводами обрамлены фигуры танцовщиц и мальчиков—флейтистов на резных костяных пластинах из Ольвии (Pharmakovsky 1907: 149—152, Abb. 22—28; 1909: 135, fig. 63, 65; ОАК 1909: 40—43, рис. 36, 43—48; Ghirshman 1962: 268, Abb. 348).

Рукояти ножей, детали декора ножен кинжала и гребень являются работами II в. н.э. Их объединяет плоскостная манера декора, выполненного прорезанными линиями с применением дополнительной раскраски, использование мотивов соединенных между собой арок (двойных и тройных), фризы бегущей волны.

Есть все основания предполагать изготовление гребня и рукояти ножа, найденных в кургане № 1 могильника «Горелый-I», в одной мастерской. Об этом, в частности, свидетельствует использование характерных дугообразных линий с выступами для обозначения буклей персонажей на гребне и в обрамлении элементов декора на рукояти ножа. Локализация мастерской в пределах Парфянской державы представляет, однако, на сегодняшний день трудно разрешимую задачу ввиду отсутствия близких аналогий и довольно ограниченным кругом парфянских художественных изделий из кости рассматриваемого времени (Трейстер 2018a: 152—153; 2019c).

3.3. Глазурованная керамика

Как в предыдущую эпоху к кочевникам попадает небольшое количество парфянской глазурованной керамики, найденной только в Нижнем Поволжье — фрагменты тонкостенной чаши, покрытой изнутри голубой глазурью, были найдены в погребении № 1 кургана № 3/2006 могильника Аксай-III, а фрагменты столовой амфоры — в погребении № 1 кургана № 71/1974 у с. Жутово (не опубликованы).

4. Предметы, возможно, изготовленные в парфянских мастерских в I — первой половине II в. н.э.

4.1. Фалары и бляхи конской узды

Предположение о возможности изготовления в Иране «или же в любом другом месте (например, в Северном Причерноморье), но мастерами данной производственной традиции» высказала В.И. Мордвинцева (2007: 238—239) по отношению к фаларам из Садового кургана (Raev 1986: pl. 34; Cat. Paris 2001: 199—200, No. 224—225; Mordvinceva 2001: 85, Nr. 103, Taf. 51; Мордвинцева 2003: 89, № 67, рис. 27; Kat. Frankfurt 2003: 132—133, Nr. 99—100; Мордвинцева 2007, 238—239; Мордвинцева, Трейстер 2007: 77—78, № А244.10—11, рис. 38; Засецкая 2011: 142—143, илл. 70: *а—б*; 2012a: 356—357, № 3—4; 2012b: 106–107, № 2, рис. 2: *1*, 3: *3*; 2018: 126—137; Клейн 2016: 106, 111—113, рис. 78—81; Mordvintseva 2017: fig. 3). И.П. Засецкая приходит к выводу, что большие фалары из Садового кургана и кургана № 28/1964 у с. Жутово (Cat. Rome 2005: 171, No. 151; Мордвинцева, Трейстер 2007: 31, № А72.9с лит.; Засецкая 2010a: 114—129, рис. 1—2; 2012b: 103—105, № 1, рис. 2: *2*) не являются северопричерноморской работой, впрочем, не отвечая на вопрос о возможном месте их изготовления (Засецкая 2012c: 130—132) или обозначая их как «античные центры Востока (Засецкая 2010a: 118).

Внимание привлекают найденные в тайнике кургана у пос. Дачи декоративные элементы, украшающие окончания двудырчатых стержневидных псалиев (рис. 19: *2*) (Беспалый 1992: 179, рис. 4; 180, № 3; Cat. Paris 2001: 206, No. 231; Кат. Москва 2005: 19, № 12; Кат. Ст. Петербург 2008: 104, № 23; Kat. Leoben 2009: 226—227, Nr. 84; Brosseder 2011: 406, fig. 53: *3*) и оголовье (рис. 19: *1*) (Беспалый 1992: 180—181, № 4, рис. 5—6; Cat. Paris 2001: 206—208, No. 232; Mordvinceva 2001: 87, Nr. 114, Taf. 57; Кат. Москва 2005: 19, № 12; Кат. Ст. Петербург 2008: 104—105, № 23—24; Kat. Leoben 2009: 228—229, Nr. 85; Brosseder 2011: 406, fig. 53: *3*). Они имеют в основном овальную форму (лишь один — округлый) и представляют собой касты в форме коробочек с бронзовым основанием, золотой торцевой пластиной и верхней декоративной пластиной с вырезом для плоских или слегка выпуклых агатовых вставок различных оттенков. Поле верхних пластин, обрамляющих вставки, украшено двумя фризами: внутренним — с маленькими округлыми кастами из гладкой проволоки со вставками из зеленой стекловидной массы, а также внешним — в форме гирлянды из трилистников: проволочные касты, образующие лепестки, заполнены пастой зеленого цвета.

Е.И. Беспалый (Беспалый 1992: 180) отмечал, что сами касты изначально служили для украшения других предметов и были вторично использованы — «на обороте хорошо видны [следы] разборки для приклепывания задника к псалиям с последующей небрежной сборкой». Можно предположить, что бляхи-касты уздечного набора из тайника кургана у пос. Дачи изначально были элементами поясной гарнитуры, подобно крупным бляхам,

украшавшим пояса на парфянских статуях (Curtis 2001: 301—305; Brosseder 2011: 401, 405, fig. 52; Peterson 2012: 18—23, pl. VII—IX), поясу из девяти, соединенных между собой цепочек с девятью золотыми круглыми бляхами, украшенными рельефными изображениями Диониса (или Наны), на льве из погребения IV в. Тиля-тепе (Sarianidi 1985: 150—154, pl. 88—97; 246—247, No. 4.2; Мордвинцева 2003: 12—13, 16, 83, № 10, рис. 5; Kat. Bonn 2010: 196—197, No. 107; Mordvintseva 2010: 183, fig. 5: *6*; Brosseder 2011: 401, 404, fig. 51: *3—5*; Francfort 2011: 302—304; Boardman 2012: 107—108, fig. 6; Peterson 2012: 7—18, pl. II—III), и бляхам от пояса (также девяти) со вставками камней и гемм из более поздней, середины II в. н.э., гробницы № 1 в Армазисхеви (Апакидзе и др. 1958: 27—32, № 2. табл. Ibis: *2—7*, XXXVIII: *4—12*; Brosseder 2011: 405, 406, fig. 54: *4—12*).

О том, что подобные бляхи украшали пояса кочевников Прикубанья еще во второй половине I в. до н.э., свидетельствуют находки пяти круглых и одной овальной золотых блях, с крупными вставками глухого стекла, имитирующего агат (Думберг 1901: 94—95; Анфимов 1987, 206, внизу; Гущина, Засецкая 1989: 114, № 113, табл. XII; Трейстер 2007с: 272, 284; Мордвинцева, Трейстер 2007: 119, № В13.6—7, с лит., табл. 9, 51), в кургане № 1/1899 у хут. Зубова[11].

Интересно, что и в указанных погребениях в Тилля-тепе и Армазисхеви, как и в тайнике кургана у пос. Дачи и в погребении у хут. Зубова, парадные пояса были найдены вместе с парадными кинжалами в ножнах с золотыми обкладками (во всех случаях кроме кинжала из хут. Зубова[12]) с боковыми выступами, а погребение IV в Тилля-тепе на основании анализа отдельных находок связывают с представителем индо-парфянской династии (Bernard 1987: 763—764; Francfort 2012: 92—93; Olbrycht 2015: 355; Peterson 2012: 40—41; Shenkar 2017: 179—180) или с саками Западной Бактрии (Кангюй) (Рапэн и др. 2014: 87, 95, 106). Несмотря на то, что эти бляхи имеют конструкцию, несколько отличающуюся от кастов уздечного набора из тайника кургана у пос. Дачи, их край также оформлен филигранными кастами, а также пластинчатыми кастами с чередующимися вставками синей и красной эмали. Есть все основания полагать, что пояса, украшенные бляхами со вставками из настоящего агата, послужили прототипами для появления поясов с бляхами, украшенными вставками стекла, имитирующего агат. И именно такой пояс, вероятно датирующийся еще I в. до н.э., и могли изначально украшать касты из Дач. О том, что они интенсивно использовались, косвенно свидетельствуют утраты и переделки на некоторых из них, в частности, замена обломанной петли на одном из фаларов на бронзовую проволоку (Беспалый 1992: 180).

[11] К этому же поясному набору относились и два наконечника ремней с небольшими дисками со вставками на концах, стилистически близкими крупным бляхам (Думберг 1901: 95, рис. 3; Гущина, Засецкая 1989: 114, № 115, табл. XII; Мордвинцева, Трейстер 2007: 119—120, № В13.8, табл. 53; Трейстер 2007с: 272).

[12] Хотя у нас нет информации о том, как выглядели ножны кинжала, но о том, что они могли иметь боковые выступы, украшенные высокими фигурными накладками, свидетельствует факт находки пяти таких накладок в погребении (Думберг 1901: 95, рис. 2a/b; Анфимов 1987: 197, вверху; Гущина, Засецкая 1989: 115, № 119, табл. XI; Мордвинцева 2003: 43, 52, 69, 79, 93, № 99, рис. 37; Treister 2005: 240, fig. 15: *2*; Мордвинцева, Трейстер 2007: 119, № В13.5, с лит., табл. 9, 51, рис. 47а) — их связывали с украшением пояса или конской сбруи, однако, есть все основании по аналогии с аналогичными бляхами из тайника в кургане у пос. Дачи и из погребения IV в Тилля-тепе рассматривать их как детали декора ножен меча, которые возможно, если в описании К.Е. Думберга нет ошибок (К.Е. Думберг описывает курганы по сведениям собранным Н.И. Веселовским у мещанина Забродина, раскопавшего курганы (Думберг 1901: 94), они могли быть вторично использованы для украшения пояса. См. об этом подробно (Treister 2005: 234—240, fig. 15).

4.2. Парадный меч

Относительно парадного кинжала из тайника в кургане у п. Дачи на окраине Азова (рис. 20) (Беспалый 1992: 185—188, №. 8, рис. 11—12; Мордвинцева, Трейстер 2007: 28, № А67.3 с лит., рис. 42—43, табл. 27; Засецкая, Минасян 2008: 44—52; Минасян 2014: 233—238, рис. 91—92; Засецкая 2015a: 189—200, 215—231, рис. 2—11, 26: *2*; 2015b: 101—104, 108—118, рис. 2б; Трейстер 2018e, с лит.). В.И. Мордвинцева (Мордвинцева 2003: 41—42; 2007: 221—222) отмечала, что его ножны «наиболее точно соответствуют всем стилистическим и технико-стилистическим приемам, которые отмечены для предметов группы Тилля-тепе». По мнению И.П. Засецкой (Засецкая 2015a: 228; 2015b: 115), и стилистика изображений свидетельствует о разных художественных традициях, при этом кинжал из тайника кургана у пос. Дачи, «судя по стилистическим особенностям, аналогии которым мы находим большей частью в изделиях сако-массагетского круга», «вероятнее всего, был сделан в одной из античных мастерских Востока». Не исключено, что он мог быть сделан «в Иране, или Средней Азии и даже Бактрии», как считали И.П. Засецкая и Р.С. Минасян (Засецкая, Минасян 2008: 52) в 2008 г., Бактрии, как предположила И.П. Засецкая (Засецкая 2015b: 115) в 2014 г. или «в Иране или Парфии (именно так — М. Т.)», что следует из статьи, опубликованной в 2015 г. (Засецкая 2015a: 228).

Проведенный нами анализ характерной для кинжала из тайника кургана у пос. Дачи формы вставки не дает каких-либо оснований для подтверждения ни «бактрийской», ни «парфянской» теории происхождения кинжала, выдвинутых И.П. Засецкой. К высказанным исследовательницей соображениям о прототипах сцен в зверином стиле в памятниках сако-массагетского круга, следует добавить очевидные алтайские прототипы конца IV — первой половины III в. до н.э. оформления оборотной стороны рукояти. Каким образом эти мотивы, примерно на 300 лет более ранние, чем сам кинжал, нашли применение в его декоре — сложный вопрос. Не исключено, что традиции плоского низкого рельефа с завитками, как на рукояти, могли сохраняться в искусстве кочевников и в последние века до н.э., судя по вероятно происходящей с территории Ирана золотой ажурной обкладке. Аналогичное явление — возрождение в произведениях искусства из Тилля-тепе и сарматского звериного стиля I — первой половины II в. н.э. из Нижнего Поволжья и Прикубанья, характерных для искусства IV—III в. до н.э. Саяно-Алтайского региона, Синьцзяна и Внутренней Монголии, а также юга Западной Сибири изображений животных и фантастических существ с вывернутой задней частью тела. Не вызывает сомнений тот факт, что образы и мотивы, восходящие к прототипам на произведениях искусства сако-массагетского и алтайского круга, отражали вкусы заказчика, тогда как высочайший уровень работы с золотом и камнем свидетельствуют об изготовлении кинжала в высокоспециализированной мастерской торевта. Использование в декоре кинжала вставок из сердолика позволяет, скорее всего, исключить Бактрию из списка возможных регионов, где мог быть изготовлен кинжал. Более вероятным представляются мастерские Парфии, Малой Азии или Боспора, областей, в которых зафиксировано использование подобных кинжалов, в том числе парадных, и где имелись все необходимые условия (мастерские с высококвалифированными торевтами и сырье) для создания таких уникальных произведений (Трейстер 2018e).

4.3. Поясные пластины

Поясная пластина (рис. 21: *1*) (Засецкая 1979: 111, рис. 22; Мордвинцева, Трейстер 2007: 49; № A146.2, рис. 33, табл. 32; Трейстер 2018b: 113 с полной библиографией, рис. 8) из датируемого I— начало II в. н.э. (вряд ли ранее середины I в.)[13] погребения кургана № 12/1965 у с. Никольского была отнесена В.И. Мордвинцевой (Мордвинцева 2003: 42, 88, № 58, рис. 22; 2007: 214, 223, 227, 238) к группе стиля Тилля-тепе. О связи деталей изображения на пряжке из Никольского с изделиями из Тилля-тепе пишет и И.П. Засецкая (Засецкая 2012a: 369), в то же время, отмечая, что целый ряд изобразительных приемов в зооморфном декоре на предметах из Тилля-тепе, в частности, позы животных с перевернутой задней частью и повернутой назад головой, как и на пряжке из Никольского, «продолжают традиции звериного стиля скифской эпохи сако-массагетского круга».

О том, что образ грифона, представленный на пряжке из Никольского, получает распространение в искусстве Парфии, свидетельствуют и находка серебряной статуэтки орлиноголового грифона в Нисе (Пугаченкова 1959: 76—77, рис. 5; Invenizzi 1999: 85—97, tav. E: *a—b*; 12: *i—o*; Пилипко 2001: 324, рис. 233: *3*), и украшения, изображающие орлиноголового грифона с зайцем или копытным в лапах, со вставками из бирюзы и лазурита, которые были найдены в составе одного из кладов, попавших в Музей Гетти (Pfrommer 1993: 63—64, 202, No. 81—84)[14]. Обращает на себя внимание использование декора в виде полулиста аканфа в оформлении спины грифона (не «воротничка, как об этом пишет В.И. Мордвинцева). Мне не известны другие примеры интегрирования аканфа в изображения животных в зверином стиле. Мотив аканфа использовался в декоре наверший булавок из погребения № 3 (Sarianidi 1985: 78—79, 242, Taf. 51, Nr. 3.51; Мордвинцева 2003: рис. 69: 2; Kat. Bonn 2010: 191, Nr. 98; Boardman 2015: pl. XXXIII) и рукояти кинжала (Kat. Bonn 2010: 202—203, No. 114; Sarianidi 1985: 214, Taf. 159; 247—248, No. 4.8) из погребения № 4 в Тилля-тепе. Не меньшего внимания заслуживает интегрирование листьев аканфа в образ Тритона (?) с веслом и дельфином на бляшках из погребения № 1 в Тилля-тепе (Sarianidi 1985:Taf. 86, 226, Nr. 1, 1; Boardman 2003: 142, 143, fig. 13; 2012: 108, 109, fig. 8; 2015: 114, fig. 62). Впрочем, мотив аканфа был широко распространен в эллинистическом искусстве и получил распространение и в искусстве Парфии, в том числе, в архитектурной терракоте из Селевкии и Старой Нисы (Invernizzi 1995: 3—12, pl. I—II), костерезном деле (Lippolis 2010: 40, 41, fig. 5), в торевтике (Pfrommer 1993: 31; Invernizzi 1999: 145—1478, tav. G: *b—e*; 20: *c, f*) и в декоре пряжек из Нихавенда (см. прим. 14), таким образом, в данном случае, примечателен не сам факт изображения листа аканфа, а его интеграция в образ животного. Итак, сама схема изображения животного выдержана в традиция сакского или сибирского звериного стиля более раннего времени, которая получает распространение и на полихромных пряжках и поясных бляхах, найденных в погребениях кочевников I в. до н.э. в Западной Сибири и на бляхах из погребений кочевников I в. н.э., найденных в Прикубанье. Ни материал вставок (стекло)[15], ни техника изготовления (бронзовая основа, обтянутая

[13] В погребении найдена также бронзовая патера типа Миллинген (Шилов 1975: 150—154, рис. 58: *2*; Засецкая 1979: 107—110, рис. 20).

[14] Ср. композицию с орлом с добычей в когтях на парфянских золотых ажурных пряжках (I в. до н.э. — I в. н.э.) в Британском музее (Curtis 2001: 306, 327, pl. XIV: *b*; Rahbar et al. 2014: 301, 313, pl. 2: *3*) и в Музее Метрополитен (Ghirshman 1962: 100, Abb. 112, вверху; Cat. New York 2000: 124—125, 208, No. 95), предположительно происходящих из гробницы, открытой в 1910—1911 в районе Нихавенда в Ирана (Herzfeld 1928: 21—27; Rahbar et al. 2014: 301).

[15] В публикации И.П. Засецкой (Засецкая 1979: 111) отмечалось, что бордюр украшен 15 вставками голубой пасты. В настоящее время вставки или их следы в углублениях бордюра отсутствуют.

золотым листом) не дают никаких оснований для вывода о возможном происхождении пряжки из Никольского именно из Бактрии. Использованные в оформлении тела грифона элементы ахеменидского и эллинистического искусства не исключают и возможность изготовления пряжки в парфянской мастерской с учетом вкусов заказчика-номада.

Образ, представленный на пряжке из погребения № 1 кургана № 13/1972 у с. Барановка (рис. 21: *2*) (Fedorov-Davydov 2001: 145, No. 1, pl. 13; Cat. Rome 2005: 155, No. 120; Brosseder 2011: 398, 401, 421, fig. 48, list 5, No. 1; Трейстер 2018b, 113, с лит., рис. 9), которую вероятно можно датировать в широких рамках I в. до н.э. — I в. н.э., на первый взгляд может быть определен как изображение сирены. Особенностью же изображения крылатого существа на пряжке из Барановки в отличие от изображений сирены в эллинистическом искусстве (Invernizzi 1999: tav. 12: *b*—*i*), в том числе на изображениях из Парфии (Invernizzi 1999, 66, 71—84, tav. 10: *f*, D: *d*, 11: b, 12: *i*), являются симметричные профильные изображения задней части тулова сидящего кошачьего хищника с проработанными вертикальными параллельными канавками ребрами и хвостом с косыми параллельными насечками, закрученным кольцом вокруг задних лап. Более того, очевидно, что у фигурки на пряжке — под туловом изображена не одна лапа, как это было принято изображать у сирен в эллинистическом искусстве, а две, как у сфинкса. Это обстоятельство заставляет предположить, что на пряжке представлен сфинкс с передней частью, изображенной *en face* и со сдвоенным туловом, показанным в профиль по сторонам. Интересно, что изображение сфинкса также было найдено в Нисе — в форме фигурной ручки сосуда (Ghirshman 1962: 30, Abb. 40; Invernizzi 1999: 63—69, tav. C: *d*—*e*, D: a—b). Оба образа: и сфинкса, и сирены представлены на прометопидии из клада I в Музее Гетти (Pfrommer 1993: 13—19, 153, No. 26; Invernizzi 1999: 66, tav. 10: *f*).

Иконография изображения т.н. двойного сфинкса (*Doppelsphinx, double-bodied sphinx*), представленного на пряжке из Барановки, получает распространение в греческом искусстве еще в архаическую эпоху (Rasmussen 1991: 62—63; Hurwit 2002: 10, fig. 6). При всей очевидности того, что для декора пряжки, относящейся к типу, использовавшемся кочевниками, был выбран образ сфинкса в редкой греческой архаизирующей иконографии, вышедший из употребления в греческом искусстве к III в. до н.э., трудно предположить, как основания для выбора именно этого мотива (кроме того, что он мог иметь апотропеическое значение) и в этой иконографии. Могли ли появлиять каким-то образом на выбор этой иконографии древневосточные образы львов с двойными туловищами? Так или иначе, судя по тому, что данный мотив украшает типичную для кочевников форму пряжки и вероятно, изготовленную на заказ, можно предполагать, что пряжка из Барановки могла быть создана в контактных зонах с античной цивилизацией, т.е. или в Парфии, или в Северном Причерноморье (вероятнее всего, в этом случае — на Боспоре). Косвенным аргументом в пользу возможного изготовлении пряжки в Парфии является использование на упомянутом выше прометопидии образа сирены, переданной в иконографии, характерной для греческих бронз V в. до н.э. Косвенным аргументом в пользу боспорского происхождения — находка фрагментированной серебряной пряжки (сохранилась центральная часть с тулова и головой *en face* и правая часть) с аналогичным изображением сфинкса но в ажурной манере, с подобными по форме крыльями в склепе Деметры в Пантикапее (Шаров 2016: 331, рис. 10: *1*; Медведева, Шаров 2017: 118, № 16, 122, рис. 98: *1*). По мнению О.В. Шарова (Шаров 2016: 332; Медведева, Шаров 2017: 123—124), эта фрагментированная пряжка относится к инвентарю позднего погребения в склепе, которое он датирует серединой — второй половиной II в. н.э., в чем у меня нет такой уверенности — пряжка, судя по ее стилю вполне

могла относиться и к первоначальному погребению в склепе, совершенному в первой половине I в. н.э.

4.4. Парадный табурет

В кургане Хохлач были найдены серебряные обкладки профилированных ножек предмета мебели; кроме того, сохранилась одна фрагментированная обточенная на токарном станке деталь из дерева (рис. 22). Они были определены как детали ножек деревянного трона (Засецкая 2008: 37, рис. 9; 2011: 235—236, илл. 127, 269, № 31).

То, что эти обкладки принадлежали предмету парадной мебели — сомнений нет. Ближайшей с точки зрения конструкции — деревянная основа, выточенная на станке, с обкладками из листового серебра — являются находки: в районе кургана № 1 в Филипповке, где были найдены две серебряные обкладки ножек парадного табурета, трона или ложа, в одной из которых сохранился фрагмент деревянной основы (Трейстер 2012b: 203—206, кат. № B4.9, цв. табл. I.58, табл. I.134—141, II.34, II.123, рис. I: *97—99*; Manassero 2018: 141, fig. 28, с ошибочной датировкой III в. до н.э.) и в Гейнюк (Болу) на северо-западе Малой Азии (Karagöz 2013: 41, 118—119, Nr. 71, Abb. 172—173).

Судя по размерам, профилированные центральные элементы обкладок ножек из Филипповки с внешним диаметром ок. 7,7—7,8 см внизу и 8,7—9,1 см — вверху относятся к несколько меньшим по размеру, по сравнению с происходящей из Самарии (Tadmor 1974: 37—38, pl. 5: *A—B*, 7: *B*) обкладке, ножкам. Общая высота обкладок из Филипповки составляет 16,5—17 см, что дает возможность, учитывая пропорции отдельных элементов ножек тронов на изображениях из Персеполя, приблизительно реконструировать общую высоту ножки — 30—35 см.

Практические полностью утраченные нижние элементы обкладок из Филипповки могли быть оформлены в виде львиных лап, как на изображениях тронов из Персеполя. Помимо различных изображений парадной мебели ахеменидского типа из Персеполя, Египта, Греции и Малой Азии (Трейстер 2012b: 203—204; Manassero 2018: 125—155), известны находки аналогичных по профилировке деталей из слоновой кости и дерева эллинистического времени из сакского погребения в Семиречье (Амиров, Сейткалиев 2017: 329—334), из Бактрии (Bernard 1970: 332—336, fig. 6—8, pl. XX, слева; Francfort 1984: 9—10, No. 1, 26, pl. 9; pl. II: *1, 26*), Парфии (Пугаченкова 1969: 105, 107, рис. 3, 5; Bernard 1970: 328, 331, fig. 3—4; Пилипко 2001: 327, 332, рис. 245; Kidd 2011: 252, fig. 10) и Хорезма (Kidd 2011: 249—254, fig. 8). По своим размерам (диаметру) и профилировке они приближаются к обкладкам из Самарии и Филипповки, однако значительная часть последних являлась не ножками клине, подобно серебряным обкладкам, которые были обнаружены в гробнице селевкидского времени в некрополе Урука (Frehaten-Nufegi) (Pedde 1991: 526—528, Abb. 3—4, Taf. 61; выс. 51 см, дм. внизу 6,5 см, вверху — 11 см).

Обкладки из кургана Хохлач имеют не только значительно более простую профилировку, но и меньшие размеры. В наиболее узкой части они едва достигают в диаметре 1,6 см. Самая крупная из обкладок в самой широкой части имеет диаметр ок. 6,3 см (при этом в самой узкой части ее — лишь 1,9 см). Вероятно, лишь последняя из них могла быть обкладкой вертикальной ножки, остальные скорее относились к поперечным деталям.

Недавно В.И. Мордвинцева, подвергнув критике предположение о том, что обкладки относятся к трону, высказалась в пользу того, что это детали погребального ложа, указывая в качестве обоснования своего предположения на отсутствие находок деталей тронов в комплексах близкого времени и, наоборот, на бронзовые детали клине в Артюховском

кургане (Mordvintseva 2017: 310), при этом, не уделяя внимания ни аналогиям, ни размерам обкладок. Учитывая размеры обкладок из Хохлача, действительно, вряд ли можно считать их деталями трона, предполагавшего большую монументальность и крупные размеры. Также маловероятно по этим же причинам и их определение как деталей клине. Скорее, они относились небольшому предмету мебели — к стулу или табурету.

Есть все основания предполагать, учитывая конструктивную близость находкам из Филипповки, что серебряные обкладки из Хохлача имеют переднеазиатское происхождение, учитывая то, что известные детали парадной мебели парфянского времени, а также изображения тронов на монетах парфянских (Winkelmann 2006: 134—137, Abb. 1—9) и даже сасанидских (Pfeiler 1977: 107—111) царей вполне сопоставимы с ахеменидскими прототипами. Кроме того, совершенно очевидно, что детали из Хохлача относились именно к стационарному предмету мебели статусного характера, а не складному стулу (табурету), находки которых получили довольно широкое распространение, как в римских провинциях, так и за их пределами, во II—III вв. н.э. и которые связывают с распространением римской культуры мытья (Miks 2009: 429—446; Mráv 2013: 105—144); при этом детали складных табуретов никогда не были серебряными, а изготавливались из бронзы и железа.

5. Изделия второй половины II — III в. н.э.

Парфянские и раннесасанидские импорты, которые можно датировать второй половиной II — первой половины III в. н.э., в погребениях Азиатской Сарматии относительно малочисленны и среди них реже встречаются статусные предметы; впрочем, приток их не прекращался, хотя и был ограничен преимущественно Южным Уралом, где были найдены детали поясной гарнитуры из золота, а также изделия из резной кости и длинные мечи с халцедоновыми дисками-навершиями. Интересно, что в этот период статусные предметы попадают в Прикубанье (чаша с дарственной надписью царя Пакора, вероятно изделие не парфянской, а галльской мастерской) и в Северо-Западное Причерноморье (костяные обкладки ритона из Ольвии).

5.1. Глазурованная керамика

К этому времени относятся фрагменты глазурованной бутыли из разрушенного погребения в кургане в с. Мухраново в Южном Приуралье (не опубликована).

5.2. Оружие и поясная гарнитура

5.2.1. Халцедоновые навершия мечей

Навершия мечей, найденные в комплексах Азиатской Сарматии (Трейстер 2018: 175—177), обычно, халцедоновые (рис. 23—25), реже — изготовлены из других материалов, например, янтаря. Они, как правило, имеют дисковидную, реже — сегментовидную или полусферическую в сечении форму, насаживались через отверстие вверху рукояти и могли дополнительно оформляться бронзовыми или серебряными накладками со штифтами, в некоторых случаях — обтягивались золотым листом и украшались вставками в кастах, обведенных зернью (рис. 23: *1*). Дисковидные халцедоновые навершия отличает высокий уровень изготовления: обточки, сверления и полировки. На поверхности некоторых из них хорошо видны концентрические следы от обработки на станке (рис. 24: *1—2*, 25: *1*).

С.И. Безуглов учел находки десяти наверший из камня, в том числе шесть в форме халцедоновых дисков, из погребений Нижнего Подонья (Безуглов 2000: 172, 186, табл. 1). Значительно меньше их в Волго-Донском междуречье — три экземпляра (два — в виде дисков из халцедона) (Безуглов 2000: 173; Кривошеев 2007: 66, рис. 1: *9*, 67), в Нижнем Заволжье — пять экземпляров (четыре — в виде дисков из халцедона) (Кривошеев 2007: 66, рис. 1: *6—9*, 67), и в Прикубанье — два экземпляра (Безуглов 2000: 173)[16]. На востоке они были более распространены — из Южного Приуралья и Зауралья происходит не менее 20 наверший (17 — в виде дисков из халцедона) (Безуглов 2000: 173; Пастушенко, Бернц 2008: 16; Малашев 2013: 89). К западу от Нижнего Подонья навершия мечей из халцедона неизвестны. Диаметр большинства дисков укладывается в интервал от 5,2 до 7,5 см, при максимальной толщине от 0,6 до 1,8 см.

Значительно больше находок таких халцедоновых дисков происходит из Прикамья, где было найдено более 130 экземпляров на 24 памятниках, датирующихся в рамках второй половины III—IV вв. н.э. (Пастушенко, Бернц 2008: 21, рис. 1 — карта).

Приведенные в статье Пастушенко и Бернц данные о том, что на Боспоре найдено не менее 22 экз. таких дисков (Безуглов 2000: 173; Пастушенко, Бернц 2008: 16), безусловно, также нуждается в уточнении. В свое время А.М. Хазанов (Хазанов 1971: 16) и М.Г. Мошкова (Мошкова 1978: 74, 76), опираясь на наблюдения Н.И. Сокольского (Сокольский 1954: 154—155), предположили, что обычай украшать рукояти мечей навершиями из различных материалов, в том числе полудрагоценных камней, пришел к кочевникам с Боспора. При этом отмечалась чрезвычайная редкость таких мечей у кочевников[17].

Несмотря на очевидные свидетельства того, что в Северном Причерноморье и на Боспоре уже на рубеже нашей эры получает распространение обычай украшать рукояти мечей навершиями из различных материалов, возможная связь оформления рукоятей мечей позднесарматского времени стандартными дисковидными навершиями из халцедона с боспорской традицией на сегодняшний день (до публикации материалов некрополя Пантикапея) не представляется доказанной. По имеющимся неполным сведениям, приведенным выше, можно говорить лишь о том, что начиная со второй половины II в. н.э. длинные мечи с такими деталями появляются как у кочевников Азиатской Сарматии, так и на Боспоре. Более того, географическое распределение находок мечей с такими навершиями, которые преобладают не в Прикубанье или на Нижнем Дону, а в Южном Приуралье, позволяют считать эту связь маловероятной. Не меньше оснований предполагать изготовление мечей с халцедоновыми навершиями из мастерских Среднего Востока или Индии (Безуглов 2000: 178—180; Кривошеев, Скрипкин 2006: 133). В пользу этого свидетельствуют и исследования состава и металлографии клинков (Железчиков, Порох 1993: 88—92; Мошкова, Демиденко 2010: 259; Завьялов и др. 2012: 83), и высокий уровень обработки камня. Есть все основания предполагать, что обычай украшения рукояти крупным навершием из камня дисковидной формы возникает в Центральной Азии, о чем свидетельствует и меч из погребения № 2 Орлатского могильника (Вайнберг 1992: 119—120, табл. 46: *IV.1*; Васильев 2013: 63—64, рис. 1: *2*).

[16] На самом деле их было найдено значительно больше. Так, среди находок из грабительских раскопок 1930-х гг. у ст. Даховской, поступивших в Ростовский музей и утраченных во время Великой отечественной войны, происходит «группа набалдашников или наверший мечей из полудрагоценных камней различных пород камня и форм (пять крупных плоских халцедоновых, одно умбонообразное из агата), все с круглыми сквозными отверстиями посередине (Лунин 1940: 38, № 8).

[17] См. (Хазанов 1971: 16). Термин «кубано-пантикапейская традиция» был использован М.И. Ростовцевым (Ростовцев 1918: 51).

Локализация мастерской (мастерских), однако, представляется трудноразрешимой задачей. Изображений длинных мечей парфянского времени ранее II—III вв. н.э. практически не известно, а на поздних длинных мечах детали оформления рукояти и перекрестий неразличимы (Winkelmann 2003: 58—62); реальные находки парфянских длинных мечей чрезвычайно редки, а среди опубликованных — известны экземпляры с прямыми перекрестиями, но без наверший (Farrokh et al. 2016: 49—53, fig. 21—25).

Отдельные находки наверший, в том числе в форме дисков и полусферической в сечении в форме с отходящими от центра канавками, изготовленные из нефрита и горного хрусталя (James 2004: 141—142, 150—151, fig. 88, No. 531—532; Biborski, Kaczanowski 2013: 424, 425, fig. 4), происходящие из Дура-Европос, подтверждают предположение о возможном иранском изготовлении длинных мечей с рассматриваемым здесь типом каменных наверший. Особого внимания в этой связи заслуживает находка железного меча с нефритовым дисковидным навершием дм. 5,4 см и максимальной толщиной 1,7 см при скелете, обнаруженном в Дура-Европос в башне 19; предполагается, что это был персидский офицер, погибший при штурме Дура-Европос в 256 г. н.э. (du Mesnil du Buisson 1936: 192—199, fig. 16—18, pl. XVIII; James 2004: 34—39, fig. 12—16; 2011: 81, 88)[18]. Интересно, что из грабительских раскопок у ст. Даховской происходит не только большая серия халцедоновых наверший мечей, но и серебряный кубок галльского производства (?) с дарственной надписью царя Пакора на донце, предположительно Пакора III, брата парфянского царя Вологеза III (148—191 гг.), которого последний посадил на престол Армении при Антонине Пие (Лунин 1939: 220—223, рис. 9; 1940: 39—49, рис. 1—2; Тревер 1953: 242—245; Кропоткин 1970: 85, № 721; Трейстер 2007а: 25—26; Мордвинцева, Трейстер 2007: № В/1.2, рис. 16; Treister 2013a: 41, с лит., 44, fig. 6). Таким образом, нельзя исключать и возможность того, что так называемый «персидский офицер» мог быть наемником-сарматом на службе у Сасанидов.

Возможно, что и на Боспор мечи с подобными халцедоновыми навершиями могли попасть с сарматами. Предположение о том, что халцедоновые диски могли проникать в Прикамье из Северного (Северо-Восточного Причерноморья), а тем более объяснение массового попадания таких дисков разграблением одной или нескольких мастерских на Боспоре (Пастушенко, Бернц 2008: 16—17; Голдина, Голдина 2010: 187), явно не состоятельны. Я далек от того, чтобы утверждать, что все халцедоновые диски, в том числе, использовавшиеся в Прикамье в качестве украшений поясов, ожерелий и гривен изначально были навершиями мечей, а потом использовались не по назначению. Конечно, нельзя исключать того, что такие диски могли изначально употребляться и в качестве деталей конской сбруи, также как и нельзя отрицать возможность попадания их в Прикамье не через посредничество сарматов, тем более, что, насколько я понимаю, значительная их часть происходит из комплексов третьей четверти IV в. н.э., тогда как преобладающее большинство кочевнических мечей с такими навершиями было найдено в комплексах первой половины — середины III в. Затрудняет интерпретацию находок в Прикамье и отсутствие четкой классификации материалов по форме, размерам, а также корреляции этих параметров с датировкой комплексов и функциональным их использованием.

Не исключено, что часть наверший из халцедона и горного хрусталя, найденных на Нижнем Дону, могла быть продукцией боспорской мастерской. Это касается, прежде всего, наверший полусферического и сегментовидного сечения, верхняя поверхность которых оформлена канавками, образующими розетту (в большинстве случаев — вихреобразную)

[18]Дамаск, Национальный музей, инв. номер не известен. Навершие опубликовано только в прорисовке.

(рис. 23: *2—4*) (Трейстер 2019b). Дело даже не только в том, что навершия такой формы и декора неизвестны в Южном Приуралье. Они встречаются в некрополе Пантикапея, причем керченские находки представлены изделиями из опала (ОАК 1902: 9; Rostowzew 1931: 215) и янтаря (Сокольский 1954: 156, табл. VII: *3*). Впрочем, утверждать это я не берусь, тем более что навершие близкой формы и декора было найдено и в Дура-Европос (Yale University Art Gallery. Inv. 1938.5999.74).

О том, что в III н.э. либо на периферии Ирана, или в Хорезме, а может быть и в кочевой среде существовали мастерские ювелиров (торевтов), в которых изготовлялись некоторые ювелирные изделия и элементы декора оружия для кочевников, наглядно, как мне кажется, свидетельствует украшение дисковидного халцедонового навершия меча из кургана № 3/1978 могильника Лебедевка-VI в виде очень сильно стилизованной, варваризованной маски Силена (рис. 23: *5*) (Treister 2013b: 738, , 743, Abb. 7, Anm. 98, с лит.; Трейстер 2018: 176, 177, рис. 12: *5*)[19], которая служит фоном для многочисленных вставок из стекла в округлых и овальных пластинчатых кастах, обведенных зернью.

Стремление насытить изображение как можно большим количеством кастов со вставками стекла разных цветов, обведенных зернью, безусловно, отвечало вкусам потребителей оформленных в таком же стиле ювелирных изделий, в том числе и рассматриваемых ниже серег в форме калачиков (рис. 27—28). Если мы учтем, что накладка из Лебедевки украшала навершие меча в виде халцедонового диска, типа, получившего широкое распространение в позднесарматской культуре, есть также основания предполагать, что такое украшение могло быть изготовлено и в кочевнической среде.

5.2.1. Портупейные бляхи из раковин

Еще одно подтверждение существования цепочки связи: Средний Восток, Индостан — сарматы Южного Приуралья — население Прикамья (Малашев 2013: 90; 2014: 133; Голдина, Бернц 2016: 24, 31) дают находки блях из крупных раковин, которые характерны для погребений первой половины III в. н.э. Среднего Прикамья, куда они поступали предположительно сухопутным путем через Центральную Азию (Rapin 1996: 54; Голдина, Красноперов 2012: 84; Голдина, Бернц 2016: 24), что косвенно подтверждают и довольно редкие находки в Южном Приуралье. Важно и то, что эти раковины у кочевников были связаны с портупеями мечей. В Южном Приуралье подобные раковины были найдены вместе с мечами с халцедоновыми навершиями в погребениях III в. н.э. курганов № 37 могильника Лебедевка-VI (Мошкова, Демиденко 2010: 256, 259, рис. 2: *4*; Красноперов 2011: 235, рис. 6: *4*) и № 43 могильника Покровка 10 (Малашев, Яблонский 2008: 18, 52, рис. 41: *8*, 162: *5*; Красноперов 2011: 235, рис. 6: *3*; Малашев 2014: 133, 134, рис. 3: *2*). Аналогичная бляха из раковины была найдена и вместе с мечом в кургане № 8 у ст. Камышевской в Нижнем Подонье (Безуглов 2000: 178, рис. 4: *9*; 2017: 97—98, рис. 9: *6*, 14: *7*; Красноперов 2011: 235, рис. 6: *5*). А в Прикамье такие бляхи использовались и как поясные (Голдина, Бернц 2016: 31). Моллюски *Xancuspyrum*, или *Turbinellapyrum*, из раковин которых изготовлены бляхи, обитают в тропических водах Индийского океана (Rapin 1996: 54; Голдина, Бернц 2016: 24).

В погребении № 1 кургана № 20/1999 могильника Красный Яр в Южном Приуралье была найдена подобная бляха из морской раковины круглой формы с отверстием в центре. Отверстие окружено рядом небольшого диаметра углублений. Аналогичный ряд углублений

[19] По мнению С.А. Яценко (Яценко 2017: 263), она изображает алано-осетинского «хозяина животных» Афсати с ушами копытного.

обрамляет наружный край бляхи. Пространство между ними украшено тремя глубокими выемками округлой формы, окруженными рядами небольших углублений. Между ними расположены шестилепестковые розетты, образованные семью выемками. Углубления розетт украшены неправильной формы вставками синего стекла (рис. 25: *1*) (Мещеряков 1999: 37—38, рис. 15, 17, 97: *1*; Малашев 2013: рис. 55: *3*; 2014: 133, 134, рис. 3: *1*; Красноперов 2014: 187, рис. 5: *4*). Бляха из морской раковины с аналогичным декором происходит из погребения № 4 Тарасовского могильника в Удмуртии, которое датируют первой половиной III в. н.э. — бляха была найдена в области таза (рис. 25: *2*), вероятно, служила поясной (Красноперов 2015: 187, рис. 5: *2*; Голдина, Бернц 2016: 26, рис. 3: *19*; Ясаков 2018: 275—279). Из этого же могильника и других комплексов Прикамья происходит еще несколько блях из раковин с аналогичным декором (Малашев 2014: 133, 134, рис. 3: *5, 7*; Красноперов 2015: 187, рис. 5: *1, 3—5, 7*). Совершенно очевидно, что прототипы их следует искать не в Нижнем Подонье и Прикубанье, как это делает А.А. Красноперов (Красноперов 2015: 187, рис. 3: *4Б*, 5: *9*) — приведенные им примеры дают в лучшем случае представление о более примитивных вариантах декора. Чрезвычайно близкие аналогии с подобными сгруппированными в розетты углублениями для инкрустации происходят из Ай-Ханума (точное место находки в публикации не отмечено — лишь то, что находка сделана за пределами сокровищницы) (Rapin 1992: 181, No. O-34, 342, pl. 79; 1996: 37, 53—54, note 201; 127, fig. 22) и из позднего сако-парфянского слоя в Сиркапе (Таксила) (Marshall 1951: 668, 673, No. 44—45, pl. 203: Sh. *44—45*). Это также диски с отверстиями в центре и углублениями, образующими розетты: диаметр одного из найденных в Таксиле дисков — 1,5, другого — 2,3 дюйма; реконструируемый диаметр раковины из Ай-Ханума — ок. 6 см.

5.2.2. Детали поясных наборов из погребений III в. н.э. в Южном Приуралье

В двух погребениях из Южного Приуралья (№ 2 кургана № 19/2001 могильника Покровка 10[20] и № 1 кургана № 6/1995 могильника Бердянка-V[21]) были найдены массивные золотые пряжки и наконечники поясов (рис. 26).

Нельзя не отметить, что в погребении кургана № 6 могильника Бердянка-V был найден фрагмент янтарного навершия овального сечения (Моргунова, Мещеряков 2012: 212, 215, рис. 4: *1*), сопоставимый по форме с навершием из известняка (?) из кургана № 22/1979 могильника Лебедевка-VI (не опубликовано) и янтарным навершием меча из кургана № 8 могильника Камышевский-I (Ли Джи Ын 2010: 156, табл. 36: *4*; Безуглов 2000: 172, рис. 4: *1*, *5*; 2017, 97, рис. 9: *5*, 14: *5*).

Сердолики на наконечнике ремня из Бердянки (рис. 26: *3*) предварительно помещены в каст из тонкого листа, а затем вставлены в гнезда на наконечнике. Аналогичным образом оформлены вставки в подвесках из Хатры, *terminus ante quem* изготовления которых — 241 г. н.э. (Adams 2003: 171, 174—175, fig. 7; 2011: 13; Мастыкова 2007: 479, рис. 10: *1*; Foietta 2014: 167, pl. IIc) и из датируемой III в. н.э. (*terminus ante quem* — ауреус Валериана 253 г.) гробницы № 2 в Армазисхеви (Апакидзе и др. 1958: № 38, 47—48, рис. 18, табл. II: *2*, XLVI: *10*; Dshawachischwili, Abramischwili 1986: Nr. 55; Мастыкова 2007: 479, рис. 10: *3*; Foietta 2014:

[20] Пряжка (рис. 26: *4*) опубликована в (Малашев, Яблонский 2008: 10—11, 278, рис. 154: *7*; Малашев 2013: 75—76, 135, 141—143, рис. 46: *1*), наконечник пояса (рис. 26: *5*) издан в (Малашев, Яблонский 2008: 11, 56, 278, рис. 154: *8*; Малашев 2013: 78—79, 135, 141—143, рис. 47: *3*).

[21] Пряжки (рис. 26: *1—2*) опубликованы в (Малашев, Яблонский 2008: 69, 71; Моргунова, Мещеряков 2012: 214, 216, рис. 5: *3—4*; цв. вкл. XXIII; Малашев 2013: 136, 141—143, рис. 46: *2—3*). Наконечник пояса (рис. 26: *3*) издан в (Малашев, Яблонский 2008: 69, 71; Моргунова, Мещеряков 2012: 214, 216, рис. 5: *2*; цв. вкл. XXIII; Малашев 2013: 136, 141—143, рис. 49: *18*).

176, fig. 8a), центрального элемента гривны из Клин-Яра (Мастыкова 2007: 478—479, рис. 4: *1*, 7; Foietta 2014: 176, fig. 8d), а также золотой пряжки из погребения середины — второй половины III в. н.э. в Танаисе (Безуглов, Захаров 1989: 45, рис. 2: *17*; Ščukin, Bažan 1995: 64, fig. 1: *19*; Арсеньева и др. 2001: 69, № 1, табл. 83: *1066*, 97: *1142*; Cat. Paris 2001: 136, No. 123; Kat. Frankfurt 2003: 101, Nr. 63). Прямоугольными вставками из гранатов, образующими панель из двадцати ячеек в пять рядов, украшен гагатовый браслет из погребения в Мцхете, открытого в 1981 г. и датированного золотой сасанидской монетой 226—242 гг. н.э. (Dshawachischwili, Abramischwili 1986: Nr. 77; Бажан, Щукин 1990: 86, 88, рис. 1: *11*[22]; Ščukin, Bažan 1995: 65, fig. 4g). Также и щиток золотой пряжки с прямоугольной рамкой из погребения № 13 в Арагвиспири, датированного римской монетой 254—260 гг., украшен 10 ячейками (в два ряда чередующихся красных и зеленых вставок) (Dshawachischwili, Abramischwili 1986: Nr. 76; Бажан, Щукин 1990: 86, рис. 1: *16*; Ščukin, Bažan 1995: 65, fig. 4c).

В.Ю. Малашев справедливо сопоставил пряжку из Покровки (рис. 26: *4*) с находкой из погребения № 905/1985 некрополя Самтавро, отметил особенность крепления кастов и оформления края щитка, которые, по его мнению, свидетельствуют об изготовлении пряжки в иранской мастерской в первой половине — середине III в. н.э. (Малашев, Яблонский 2008: 56, 69).

Обувные (?) пряжки из Самтавро (Apakidze, Nikolaishvili 1994: 42—43, 44, No. 40, fig. 27—28), у которых также, как и у рассматриваемой пряжки из Покровки, вставки украшают не только щиток, но и рамку, действительно являются самыми близкими аналогиями. В отличие от пряжки из Покровки их украшают вставки не только сердолика, но и бирюзы. Наиболее поздняя монета в погребении — ауреус Адриана 125—128 гг. н.э. (Apakidze, Nikolaishvili 1994: 36—37, No. 25, fig. 22), хотя погребение датируют в широких рамках второй половины II — первой половины III в н.э., а высокий социальный статус погребенного подчеркивает находка парфянского серебряного блюда с арамейской надписью (Apakidze, Nikolaishvili 1994: 52—53).

В пользу предполагаемого иранского происхождения пряжки свидетельствует и оформление торцевых сторон рамки рядами напаянных шариков зерни. Подобным же образом была оформлена целая серия ювелирных украшений ахеменидского времени V—IV вв. до н.э.: бляхи из курганов № 1 (погребение № 2) и 17/1990 в Филипповке; бляхи, выполненные в стиле клуазоне, — из погребения на акрополе Суз (Трейстер 2012а: 148, с лит.). То, что эта традиция продолжалось и в первые века н.э., подтверждает аналогичное оформление торца подвески, выполненной в стиле клуазоне серьги (Adams 2003: 174; Foietta 2014: 166—167, pl. Ib), происходящей из Хатры, разрушенной сасанидской армией, вероятно под предводительством Шапура I в 241 г. Аналогичным образом рядом крупной калиброванный зерни по торцу оформлена оправа медальона с инталией из погребения III в. н.э. в Жилкани (Dshawachischwili, Abramischwili 1986: Nr. 67), рядом мелкой зерни — пряжка из погребения середины — второй половины III в. н.э. некрополя Танаиса (Безуглов, Захаров 1989: 45, рис. 2: *17*; Ščukin, Bažan 1995: 64, fig. 1: *19*; Арсеньева и др. 2001: 69, № 1, табл. 83: *1066*, 97: *1142*; Cat. Paris 2001: 136, No. 123; Kat. Frankfurt 2003: 101, Nr. 63).

По мнению В.Ю. Малашева, в комплект с пряжкой входил и золотой двухчастный наконечник пояса (рис. 26: *5*) (Малашев, Яблонский 2008: 56), в чем у меня нет уверенности. Против этого свидетельствуют различные пробы металла пряжки (850) и наконечника (750), а также стилистические соображения — если пряжки богато оформлены вставками, то на наконечнике их нет. Заметим, что и пряжки, и наконечники из указанного выше погребения

[22] Ошибочно назван не «гагатовым», а «гранатовым» браслетом.

в Мцхете выполнены в одном стиле — и на пряжках, и на наконечниках — имеются вставки. Также в одном стиле выполнены пряжки (рис. 26: *1—2*) и наконечник (рис. 26: *3*) из погребения № 1 кургана № 6/1995 могильника Бердянка-V, при этом металл и пряжек, и наконечника имеет одинаковую пробу — 850.

Следующий момент, на который необходимо обратить внимание — сильная изношенность находок из Покровки (рис. 26: *4—5*), найденных в ограбленном погребении пожилого мужчины, — многочисленные потертости и царапины, утрата одной из вставок на язычке пряжки. Очевидно, что они определенное время использовались. Погребение в кургане № 19 датировано первой половиной — серединой III в. н.э. прежде всего на основании рассмотренных предметов. Учитывая изношенность пряжки и наконечника, не исключено, что они могут датироваться скорее началом — первой четвертью, чем серединой III в. н.э.

6. Предметы, возможно изготовленные в парфянских мастерских во второй половине II — первой половине III в. н.э.

6.1. Ювелирные изделия

В погребениях кочевников III в. н.э. преимущественно на территории Южного Урала, но также и в Поволжье, была найдена серия серег в форме широких полых внутри лунниц, спаянных из двух половинок и заполненных массой темно-коричневого цвета. Дужки таких серег были изготовлены отдельно и крепились к верхним окончаниям лунниц при помощи штифтов, продетых через отверстия в них, а также в цилиндрах, свернутых из гофрированных полосок, насаженных на концы лунниц. Такие серьги часто называют серьгами в форме калачика. С.А. Перевозчикова (Перевозчикова 2009: 5—12) учла 93 экз. серег из 41 памятника населения степной и лесостепной части Евразии, преимущественно с территории Урала, Поволжья и Центральной Азии.

Если пользоваться этой классификацией, то основная часть серег из рассматриваемых нами комплексов (рис. 27) относится к типу 1 (Перевозчикова 2009: 5, 11, рис. 4), с округлой формой калачика. Вставки из разноцветного стекла, гранатов или сердоликов помещались в касты округлой или овальной формы, расположенные как по сторонам лунниц, так и по шву спайки двух половинок лунниц. В некоторых случаях касты были обведены рядом напаянных шариков зерни. На одной стороне лунницы располагалось от трех до пяти кастов. В редких случаях, как у серег из кургана № 39/1979 могильника Лебедевка-VI (рис. 27: *1*) (Любчанский 2009: 14, рис. 3: *2, 6*; Tasmagambetov 2003: 247), внизу по шву спайки двух половинок напаяно по три полые полусферы, каждая из которых внизу украшена пирамидкой из четырех спаянных шариков зерни. Подобный элемент декора встречается на серьгах разной конструкции, происходящих из Малой Азии, Восточного Средиземноморья, Ближнего Востока, Ирана и Центральной Азии, датирующихся не ранее I—II вв. н.э. (Pierides 1971: 43, pl. XXIX: *3*; Musche 1988: 77, 80, Nr. 7.1.5, 7.3.2.8, Taf. XIV, XV; Bingöl 1999: 79, No. 60; Guerra et al. 2009: 178, 179, fig. 2b). Если рассматриваемый элемент в единичном виде украшает каждую из серег, найденных в кургане № 39/1979 снизу, то многочисленные подобные элементы украшают снизу по шву спайки половинок серьги лунницы, преимущественно происходящие с территории Средней Азии, главным образом из могильников Нижней Сырдарьи (Левина 1994: 76, рис. 161: *1—3*; 1996, 223, илл. 28а, 43а; рис. 143: *4—7*; Рапопорт и др. 2000: илл. 54, внизу; Перевозчикова 2009: 7, 9, рис. 2; Любчанский 2009: 14, рис. 3: *12, 15*, 16), хотя отдельные находки таких серег известны и в

Прикамье, и в Зауралье, и в Нижнем Поволжье (Большая Дмитриевка, курган № 5) (рис. 28) (Перевозчикова 2009: 8, рис. 1). Подобным же образом снизу украшены датирующиеся второй половиной III—IV в. н.э. серьги в форме амфорок, выполненные в технике клуазоне и происходящие из «гробницы с Золотой маской» в Керчи (Кат. Ст. Петербург 2009: 124, № 3), а также могильников Шахсенем в Северо-Западной Туркмении и Миздакхана — в Хорезме (Трейстер 2004: 247—248, с лит.).

Так или иначе, заключение о преемственности таких серег от скифских серег в форме калачика, к которому приходит С.А. Перевозчикова (Перевозчикова 2009: 6—7), на мой взгляд, абсолютно противоречит собранным и картографированным ею же данным. Хотя близких по времени и по форме серег, найденных на территории Ирана или Центральной Азии, мне не известно (я полагаю, что при отсутствии каких-то прямых аналогий трудно согласиться с выводом И.Э. Любчанского (Любчанский 2009: 16—17), который рассматривал найденные в Южном Приуралье украшения в полихромном стиле как изделия мастерских Передней Азии, в частности Ирана, тем не менее, некоторые детали, такие как конструкция дужки (Musche 1988: 81) или украшение серег полыми шариками с напаянными пирамидками из зерни, демонстрируют очевидную зависимость от прототипов, которые в первые вв. н.э. получают широкое распространение от Восточного Средиземноморья до Центральной Азии. Довольно многочисленные находки таких серег именно в могильниках джетыасарской культуры в Низовьях Сырдарьи, из которых происходит большая серия парфянских и раннесасанидских резных камней (Левина 1994: 81, рис. 187; 1996: 237—243, илл. 45—46; рис. 143: *4—7*; Рапопорт и др. 2000: 174—176, рис. 32, илл. 55—56), дает определенные основания полагать, что прототипы рассматриваемых серег могли производиться в иранских мастерских в III в. н.э. Картографирование серег, проведенное С.А. Перевозчиковой (Перевозчикова 2009: 8, рис. 1), наглядно показывает, что с наибольшей вероятностью различные варианты серег производились в разных мастерских. Где можно их локализовать, вопрос, на который в данное время трудно дать определенный ответ.

7. Корреляция археологических данных и сведений письменных источников

Тот факт, что набеги кочевников на территорию Парфии заканчивались захватом в плен жителей и грабежом, а награбленное увозилось с собой, не подлежит сомнению, тем более что об этом есть сведения в письменных источниках. Так, Иосиф Флавий, описывая набег аланов 72 г. н.э. и их грабежи в Мидии и Армении, отмечал, что в Мидии, в частности, «царь страны Пакор бежал ..., оставив все в их распоряжение; с трудом ему удалось выкупить у них за 100 талантов попавших к ним в плен свою жену и наложниц… Варвары… опустошили всю страну (Армению — М. Т.) и с огромной массой пленников и добычи, награбленной ими в обоих царствах, возвратились обратно на родину» (Bell. Iud., VII, 7, 4) (Тревер 1959: 125—127; Харматта 1965: 146; Алемань 2003: 139—140). Другим источником попадания парфянских вещей к кочевникам могли быть дары или откуп от набега, как вероятно имело место в 135 г. н.э. (Туаллагов 2014: 107—108).

7.1. Набеги кочевников на Парфию второй половины II в. до н.э.

Западные области Бактрии были завоеваны парфянским царем Митридатом I (ок. 170—138 гг. до н.э.); это произошло, по мнению исследователей, еще в 160—155 гг. или около 150 г. до н.э. Пребывание Митридата I в Гиркании в 141—139 гг. до н.э. связывают со вторжением номадов, хотя прямых доказательств этому нет, тем не менее, нельзя отрицать возможности угрозы со стороны номадов северным областям Парфии ок. 140 г. до н.э. Значительно более серьезному давлению со стороны «скифов» (по Юстину) подвергались северо-восточные области Парфии в 130-е гг. до н.э. при правлении сына Митридата I Фраата II (ок. 138—128 гг. до н.э.) и дяди последнего, Артабана I (ок. 128—124/3 гг. до н.э.). Так, по сообщению Юстина (Iust., 42, 2, 1), в правление последнего скифы, одержав победу и опустошив Парфию, вернулись на свою родину: «Scythae contenti victoria depopulata Parthia in patriam revertuntur». В сообщении Иоанна Антиохийского говорится о том, что «скифы» совершают набег вплоть до Месопотамии и о том, что парфяне платят им дань — эти события связывают со временем начала правления Артабана I. Под «скифами» современные исследователи понимают, прежде всего, саков из района к северу от Сыр-Дарьи и другие кочевые племена западной части Центральной Азии, в том числе, сарматского круга. За «скифами» последовали юэчжи, в сражении с которыми погиб Артабан I. Лишь при Митридате II (124/3—88/87 гг. до н.э.) между 120 и 110 гг. до н.э. парфянам удалось одержать решающие победы над кочевниками (Olbrycht 1998: 82—100, 105, с лит.).

Если наши хронологические выкладки правильны, то с этими событиями следует связать появление ранней волны парфянских импортов (серебряные с позолотой фалары, серебряные и золотые сосуды). Они могли быть не только военной добычей, но и дарами, а также платой за службу (Olbrycht 2015: 341), что позволяет лучше объяснить появление наряду с престижными и более простых вещей, таких как глазурованная керамика.

Конечно, нам не известно достоверно, когда именно парфянские серебряные и керамические глазурованные сосуды попали к кочевникам, хотя находка в могильнике Майеровский-III скорее свидетельствует о том, что это могло происходить и не позднее первой половины I в. до н.э., этот же вывод представляется справедливым и по отношению к комплексу находок из погребения № 2 кургана № 5/1953 у с. Верхнее Погромное. Более того, в некоторых случаях (Сидоровка) они были найдены вместе с фалярами (а погребальный инвентарь погребения с фалярами из Володарки не дает никаких оснований для более поздней датировки). Кроме того, и серебряные сосуды, и глазурованная керамика какое-то время (не исключено, что довольно длительное) использовались кочевниками, которые рассматривали их как статусные предметы, прежде чем они попадали в погребения (Treister 2017: 154).

7.2. Участие кочевников в походе боспорского царя Фарнака в Малую Азию в 49—47 гг. до н.э.

К более поздним событиям, известным нам по письменным источникам, в которых принимали участие кочевники, относится поход боспорского царя Фарнака II в Малую Азию в 49—47 гг. до н.э. (Bosworth 1977: 220—221; Сапрыкин 1996: 297—299; 2002: 38—50, с лит.; Olbrycht 1998: 133—134; Панов 2008: 195—196), одним из участников которого был, по моему мнению, вождь кочевников, захороненный в погребении № 1 в Косике (Трейстер 2005: 322—330; Treister 2005: 229—240); в инвентаре погребения имеются такие статусные предметы, вероятнее всего изготовленные в Малой Азии или Парфии, как парадный меч и поясной набор. Да и серебряные с фигурными изображениями сосуды из этого погребения, пусть и не являются парфянскими изделиями, но, безусловно, созданы, в том числе и под влиянием парфянской торевтики. Вероятно, к первой половине I в. до н.э. относятся детали поясного набора, а также крупные фалары из Косики.

Помимо указанных вещей определенно переднеазиатское происхождение имеют и найденные в погребении две значительно более ранние цилиндрические печати: касситская — XVI—XIV вв. до н.э. и ахеменидская — V в. до н.э. Не исключено, что в это же время (хотя это могло произойти и позже к кочевникам попадают и другие переднеазиатские печати: конические (VIII—VI вв. до н.э.) — найденные в погребении первой половины I в. н.э. в Соколовой Могиле и в погребении № 4 первой половины II в. н.э. кургана № 3/1978 у ст. Тбилисская, по крайней мере, один из квадров (из кварца) позднеэллинистического времени, из погребения первой половины II в. н.э. в кургане № 10/1987 в Кобяково, а также печать-скарабеод с древнееврейской надписью, найденная в погребении № 1 кургана № 1/2015 могильника Чеботарев-V. Существовавшая на древнем Востоке, в частности в Закавказье, практика хранения печатей в качестве вотивов, а также необычная частота находок ранних печатей в погребениях первых веков на территории Кавказской Иберии вполне может объяснить, где именно кочевники могли получить возможность стать владельцами таких печатей (Трейстер 2019a).

Не исключено, что одним из участников этого похода был воин, погребенный в датирующемся серединой — второй половиной I в. до н.э.[23] кургане № 1/1899 у хут. Зубова в Прикубанье, в котором была найдена серебряная фиала V в. до н.э. с посвящением в храм Аполлона в Фазисе (Думберг 1901: 98—100, рис. 18: *a—b*; Гущина, Засецкая 1989: 115, № 120, табл. XII; Treister 2005: 241, fig. 16: *5—8*; Мордвинцева, Трейстер 2007: 119, № B13.1, с лит., табл. 61, рис. 16; Braund 2009: 533—537; Засецкая 2010b: 281—282, рис. 3; Трейстер 2010b: 544—545, с лит., рис. 12). О том, что некоторые погребенные в курганах «зубовско-воздвиженской группы» могли участвовать в походе Фарнака уже писалось (Раев 1992: 78—79; Раев, Яценко 1993: 117; Treister 2005: 239—240), хотя попадание фиалы в Прикубанье Б.А. Раев и С.А. Яценко связывали с участие кочевников в «закавказской войне с Помпеем в 65 г. до н.э.»[24].

Если известные находки фаларов образуют широкую дугу от Новоузенска в Заволжье на западе до Сидоровки на Иртыше в Западной Сибири на востоке, то известные находки серебряных сосудов распространены в междуречье Дона и Волги, с наибольшей концентрацией на довольно компактной территории в долине р. Есауловский Аксай (рис. 29). Конечно, если предположить, что фалары, хранящиеся в Новочеркасском музее,

[23] Середина — вторая половина I в. до н.э. (Гущина, Засецкая 1989: 87); 40-е гг. до н.э., третья четверть I в. до н.э.: сложение комплекса (Щукин 1992: 108).

[24] См.: (Раев, Яценко 1993: 117). Ранее Б.А. Раев связывал фиалу с набегом 72 г. н.э. (Raev 1986: 68).

происходят из района Войска Донского, что вероятно, но не обязательно (Дедюлькин 2015: 131—133), то области распространения фаларов и серебряных сосудов будут более-менее совпадать.

7.3. Участие сарматов в иберо-парфянской войне 35 г. н.э.

Следующие по времени эпизоды, известные из письменных источников, во время которых произошли контакты сарматов и Парфии связаны с иберо-парфянской войной 35 г. н.э. (Rostovtzeff 1936: 95; Bosworth 1977: 221; Виноградов 1994: 159—163; Olbrycht 1998: 145—151, 173—175; 2009: 548; 2012: 220—223; Габуев 1999: 29—31; Перевалов 2014: 8; Туаллагов 2014: 15—64; Dan 2017: 103, note 17; Скрипкин 2017: 204—205). Большинство рассмотренных выше погребальных комплексов с парфянскими серебряными сосудами датируется с большей или меньшей степенью уверенности не ранее I в. н.э., скорее, первой половиной этого столетия. В качестве примера можно привести погребение № 1 кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V, серебряные чаши из которого, безусловно, датируются не позднее первой половины I в. до н.э. Также в пределах I в. до н.э. следует датировать бронзовый таз с литыми ножками в форме катушек и атташами ручек в виде масок Силена (Мыськов и др. 1999: 151, № 16, рис. 2: *1*; Скрипкин, Мыськов 2009: 245, рис. 2; Археологическое наследие 2013: 111, илл. вверху — ручки, № 223) — датировать его I в. н.э. на том основании, что «раньше I в. н.э. бронзовые тазы … в сарматских и других комплексах неизвестны» (Скрипкин, Мыськов 2009: 254), неверно как с точки зрения методической, так и абсолютно противоречит анализу аналогий (Трейстер 2019d). Единственная из хорошо датируемых находок в этом погребении, которая может датироваться I в. н.э. — стеклянный скифос (Мыськов и др. 1999: 150, № 5, рис. 3: *5*; Археологическое наследие 2013: 110, илл. в центре слева, № 217), который относится к типу IIIа первой половины I в. н.э. по детальной классификации, разработанной И.П. Засецкой, И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис (Засецкая, Марченко 1995: 90—104; Marčenko, Limberis 2008: 292—298). Как было показано выше, по крайней мере, часть этих сосудов могла попасть к кочевникам еще в первой половине I в. до н.э. Попадание же других, в частности рассмотренных находок из погребения № 1 кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V вероятно можно также связывать с событиями 35 г. н.э.

Менее вероятно связывать с этим походом попадание к кочевникам в результате этого похода глазурованных сосудов. Погребение могильника Царев датировано по инвентарю, содержащему, в том числе, кинжал с кольцевидным навершием, зеркало и пряжку, в широких рамках I в. до н.э. — I в. н.э., но в погребениях могильников Аксай-I и Крепинский-I были найдены однотипные зеркала-подвески с боковой ручкой-петлей, характерные для I в. н.э. (Treister 2017: 154). Впрочем, есть значительно больше оснований предполагать, что эти сосуды скорее находились в течение долгого времени у кочевников, чем столетиями употреблялись в Парфии. Сложнее обстоит дело с интерпретацией находки глазурованной фляги во впускном погребении первой половиной I в. н.э. кургана «Острый» у ст. Ярославской, которая находит параллели в материалах, датирующихся как I в. до н.э., так I в. н.э. Впрочем, и этот сосуд, также как и кувшин из могильника Крепинский, был найден без ручек, обломанных в древности.

7.4. Набег 72 г. н.э.

Следующий по времени набег(и) кочевников (аланов) в Закавказье произошел в 72 г. н.э. (Rostovtzeff 1936: 95; Харматта 1965: 146; Bosworth 1977: 223—224, 233; Schottky 1991: 122—126; Halfmann 1986: 40, 42; Берлизов 1997: 41—42; 45; Olbrycht 1998: 196—203; Габуев 1999: 31—37; Кулаковский 2000: 61—64; Перевалов 2014: 8; Туаллагов 2014: 65—98; Скрипкин 2017: 205—207). Как было показано выше, оснований связывать с этими событиями попадание драгоценных предметов в погребения кургана № 28 в Жутово и кургана № 3 в Бердии, как это предполагал И.В. Сергацков (Сергацков 1994: 26—27), нет[25]. Серебряные чаши с ручками в форме птиц из этих комплексов парфянскими не являются, а кубок из Жутово представляет собой продукцию боспорской мастерской, использовавшей в качестве основы парфянский кубок конца II — первой половины I в. до н.э. Более того, погребение в Жутово следует датировать не позднее первой половины Iв. н.э. (Трейстер 2019d).

Ограбленные погребения, с которыми связаны тризна (курган № 11/1977 у с. Ново-Александровка) (Cat. Paris 2001: 192—193, nos. 210—215: шесть из семи предметов); Кат. Москва 2005: 24, № 27—31; Кат. Ст. Петербург 2008: 130—135, № 44–49; Kat. Leoben 2009: 252–257, Nr. 105—110) или тайники (курган № 28/1982 Высочино-VII) (тайник № 2; Беспалый 1985: 163—169, рис. 3—6; Bespaly 1986: 78, pl. 68—69; Cat. Paris 2001: 185—191, No. 203—208; Кат. Москва 2005, 22—23, № 21—26; Мордвинцева, Трейстер 2007: 21—22, №А45.1–7 слит.; Кат. Ст. Петербург 2008: 123—129, № 38—43; Kat. Leoben 2009: 246—251, Nr. 99—104) с большим количеством серебряных сосудов по тем немногим фрагментам хорошо датируемой краснолаковой керамики[26] и стеклянных сосудов[27], найденных в них, могут быть датированы в рамках второй половины I в.н.э., хотя очень трудно определить относятся ли они ко времени до или после 72 г.н.э.

Могли ли эти серебряные сосуды относиться к добыче, награбленной кочевниками в Закавказье? Лишь очень небольшая часть из них может быть связана с этим регионом. К ним относятся упомянутые выше золотая чаша и, возможно, серебряный кувшин из Высочино. Некоторые сосуды из тризны в Ново-Александровке могут быть изделиями восточно-средиземноморских мастерских позднеэллинистического времени, при этом к лутерию была добавлена ручка в форме пантеры (Кат. Москва 2005: 24, № 27; Кат. Ст. Петербург 2008: 130—131, № 45; Kat. Leoben 2009: 253, Nr. 106; Трейстер 2010a: 79—81; Засецкая 2011: 194—195, илл. 98–II). Пара фиал с медальонами в форме масок Медузы была украшена прочерченными изображениями животных по кругу, позолоченными в пределах контура

[25] Тот факт, что импортные предметы, найденные в курганах Нижнего Подонья и Прикубанья, не находят параллелей ни на территории Парфии, ни Великой Армении, отмечался еще Н.Е. Берлизовым (Берлизов 1997: 48), критиковавшим предположения Б.А. Раева.

[26] Определения Д.В. Журавлева, который подготовил статью о краснолаковые сосудах из комплексов Азиатской Сарматии для материалов проекта. Ново-Александровка: фрагменты кувшина, орнаментированного в стиле *en barbotine* (АИАПМЗ. Инв. № 18102/141) — середина — третья четверть I в. н.э. (Пуздровский 2007: 170—171, табл. 165: *3—4*). См. и материалы из Высочино: фрагментированную миску (Беспалый 1985: 169, № 2; 170, рис. *2*), по форме близкую мискам типа Hayes 65 (50—75/80 гг. н.э.) (Журавлев 2010: табл. 7: *29*).

[27] Высочино: фрагменты стеклянного кубка с росписью эмалевыми красками с изображением петухов и пальметт (Беспалый 1985: 170, № 4; рис. 7: *4*) относятся к группе сосудов, которые изготавливались предположительно в Северной Италии в районе Падуи и в альпийском регионе (кантон Тессин в Швейцарии) в I в. н.э. (находки из датированных комплексов: 20—70 гг. н.э.). Эти сосуды часто по концентрации находок называют группой Локарно (Rütti 1991: 122—136; 2003, 349—357; von Saldern 2004: 437—440, Taf. 56: *353*; Nenna 2008, 15—29).

изображений. Изменения, вероятно выполненные уже в сарматской среде, не коснулись лишь трех из семи предметов этого набора.

В одном из тайников кургана № 28 могильника Высочино-VII был найден набор из четырех серебряных канфаров, которые, с большой вероятностью, могут быть отнесены к боспорской работе (Трейстер 2007a: 18—19; Белоусов и др. 2017: 31—38). Тамга боспорского царя Аспурга (14—37 гг.) имеется и на одной из найденных в Ново-Александровке фиал (Кат. Ст. Петербург 2008:133, № 47; Kat. Leoben 2009: 255, Nr. 108; Воронятов 2009: 82, 85, рис. 3, *3*; Kozlovskaya, Ilyashenko 2018: 174, 189, fig. 1: *4*). Соответственно, лишь часть драгоценных сосудов из этих курганов могла бы относиться к добыче 72 г. н.э. в Закавказье — могла бы, но не обязательно относилась.

Что же касается сосудов из Хохлача и фиал из Садового кургана, попадание которых в курганы на Нижнем Дону связывают с походом 72 г. н.э. (Raev 1986: 67—68; Сергацков 1994: 26—27), то нет никаких оснований для такого вывода.

Серебряные сосуды из Хохлача Б.А. Раев (Раев 1978: 93; Raev 1979: 238; 1986: 67—68) датировал по разному: в рамках V в. до н.э. — рубежа н.э., предполагая, что в комплекс, датируемый им в рамках последних десятилетий I — первой половины II в. н.э., они могли попасть в качестве добычи кочевников, захваченной в 72 г. н.э. при ограблении одного из святилищ Каппадокии или Парфии. Почему такой разнообразный набор, изготовленный в разное время и в разных центрах, оказался именно в Каппадокии и Парфии, автор гипотезы не объясняет. Й. Горецки считает, что возможно весь набор серебряных сосудов из Хохлача был изготовлен в мастерской понтийско-малоазийского региона в конце I в. до н.э., не приводя, впрочем, каких-либо подробных и весомых аргументов в пользу этой точки зрения (Banghard, Gorecki 2004: 143—144). Проведенный мною анализ сосудов позволил прийти к выводу о различной датировке сосудов в рамках конца II в. до н.э.— первой половины I в. н.э. (Treister 2004b: 451—459). Так или иначе, среди серебряных сосудов из Хохлача нет ни одного, которого можно было связать с Арменией, или шире — с Закавказьем, или с Парфией. Бронзовые *Blechkannen* из Хохлача относятся к типам, распространенным во Фракии и в Северном Причерноморье (Трейстер 2018c: 216—238), и также не дают никаких привязок к ограбленным в Каппадокии и Парфии святилищам. Единственный предмет, найденный в Хохлаче, не считая нашивных бляшек в форме мерлонов, который, на мой взгляд, может быть связан с Парфией — парадный табурет, от которого сохранились серебряные обкладки ножек.

Касаясь связи находок в Садовом кургане с указанным набегом алан, Б.А. Раев пишет: «Analogies to the silver plates found in the «Sadovyj» barrow may be found in Transcaucasia in the burials from Armaziskhevi which would allow us to speculate that they may have been war booty from the same invasions» (Raev 1986: 68). На самом деле набор из восьми фиал из Садового кургана (Кропоткин 1970: 86, № 732, рис. 41—44; Raev 1986: 12—14, Taf. 3—8; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 76—77, № A244.1—8 с лит., табл. 38—39; Клейн 2016: 105—110, рис. 69—77), как показал проведенный нами подробный анализ их форм, декора, весовых характеристик, не имеет ничего общего с находками серебряной посуды из погребений второй половины II—III вв. н.э. в Мцхете — фиалы можно датировать в рамках первой половины I в. н.э., при этом, наиболее вероятно их изготовление в одной мастерской (разными мастерами) или в нескольких мастерских, расположенных, вероятнее всего, в Малой Азии, Сирии или Египте (Трейстер 2007a: 32—36). Таз из Садового кургана (Raev 1986: 12, pl. 1: *1*; Мордвинцева, Трейстер 2007: 77, № A244.9, табл. 39; Клейн 2016: 113—114, рис. 82—83), по мнению Б.А. Раева, был изготовлен не ранее конца I в. н.э. в одной из мастерских Восточных провинций Римской империи (Raev 1986: 12). Ученый находит

параллели по форме среди бронзовых тазов из сокровищницы в Беграме, которые датируются временем не позднее середины — третьей четверти I в. н.э. Вероятно, Б.А. Раев прав, относя таз к продукции восточно-средиземноморской мастерской, однако, нельзя исключать и его возможность изготовления в Парфии (Трейстер 2007а: 40).

Светлоглиняная амфора типа C1b, найденная в Садовом кургане (Raev 1986: 44—45, pl. 32: *1*), отнесена к широкому хронологическому интервала конца первой четверти I — первой трети II в. н.э. (Внуков 2003: 202; 219, № 3), хотя С.Ю. Внуков (Внуков 2006: 159) отмечает ее сходство по пропорциям и объему с амфорами из комплекса пожара дома 60 в Горгиппии, который по лаковой керамике был отнесен к 70—80-м гг. н.э. Вероятно, следует согласиться с Л.С. Клейном (Клейн 2016: 194) в том, что Садовый курган — один из самых ранних среди нижнедонских курганов среднесарматского времени, и его следует датировать около середины I в. н.э., что соответственно практически исключает какую-либо связь находок в нем с добычей аланского набега 72 г. н.э. Можно ли перенести датировку кургана на 70—80-е гг. н.э., основываясь на аналогиях амфоре из Горгиппии — вопрос открытый, учитывая широкую датировку этого типа амфорной тары. В целом, нельзя исключать вероятности того, что серебряные сосуды из Садового кургана могли попасть к кочевникам через Парфию, однако нет никаких оснований рассматривать их, особенно сервиз из восьми фиал, как храмовый инвентарь.

Из массивных статусных вещей, скорее, с последними событиями следует связывать попадание к кочевникам предметов, найденных в тайнике кургана у пос. Дачи, с большим или меньшим основанием, связываемых с парфянским производством: браслета, парадного меча и блях, украшавших псалии и конское оголовье, которые, вероятно, изначально являлись поясными. В дошедшем до нас неограбленным тайнике кургана датирующих вещей не было, но в насыпи кургана были найдены фрагменты, по крайней мере, 12 светлоглиняных амфор типа В, по классификации Д.Б. Шелова (Беспалый 1992: 175—176, № 1, рис. 1: *12*). Е.И. Беспалый (Беспалый 1992: 178, 190) датировал курган в пределах статьи по-разному: второй половиной I в. н.э. и последней четвертью I в. н.э. Хотя амфоры данного типа могут относиться и к началу, и даже первой трети II в. н.э. (Внуков 2006: 167; 2016: 41), но С.Ю. Внуков (Внуков 2006: 162) отмечает, что «судя по форме единственного полностью реставрированного сосуда, эти амфоры принадлежат к самым ранним экземплярам этого варианта или даже к переходной разновидности между C IVA2 и C IVB» вследствие чего датировка комплекса последней четвертью I в. н.э. вполне обоснована. Даже если погребение датируется последним десятилетием I в. н.э. связь находок в тайнике кургана с походом 72 г. с точки зрения хронологии вполне вероятна с учетом, в том числе, изношенности и следов ремонта, переделок деталей конской сбруи (Беспалый 1992: 180). На мой взгляд, наборы бляшек из тайника кургана у пос. Дачи и кургана Хохлач, обнаруживающие не просто близкие типы, а варианты (это касается в частности варианта бляшек в форме мерлонов), дают все основания предполагать и хронологическую близость двух комплексов и, соответственно датировать погребение в кургане Хохлач, скорее, в пределах последней четверти I, нежели первой половины II в. н.э., что соответствует и точке зрения И.П. Засецкой (Засецкая 2011: 254), датировавшей комплекс концом I — началом II в. н.э. Вероятно, к этому же времени относится и погребение в кургане № 28/1982 могильника Высочино-VII, о чем говорят не только бляшки из этого погребения (Беспалый 1985: 171, № 25, рис. 7: *5*), но и глиняные амулеты в форме стопы ноги человека и конуса, найденные, как в Высочино (Беспалый 1985: 170—171, № 6—7, рис. 7: *14—15*), так и в Хохлаче (Засецкая 2011: 269, № 32—33), на что уже обращала внимание И.П. Засецкая (Засецкая 2011: 242—243).

В целом можно отметить, что именно в погребениях кочевников второй половины (в большинстве случаев, возможно, последней четверти I в. н.э.) сконцентрированы основные находки сосудов из драгоценных металлов, статусных массивных ювелирных изделий, оружия и конской узды, найденные в погребениях среднесарматского времени, причем практически все эти комплексы локализованы на Нижнем Дону. Хотя анализ лишь части этих предметов указывает на их возможное происхождения из Парфии, Малой Азии или Восточного Средиземноморья, нельзя не связать возможность попадания к кочевникам этих вещей с набегом 72 г. н.э.

7.5. Набег 135 г. н.э.

Следующий известный нам по письменным источникам контакт аланов с Парфией произошел в 135 г. н.э. (Rostovtzeff 1936: 95; Харматта 1965: 146; Bosworth 1977: 219—220, 228—229; Берлизов 1997: 45; Olbrycht 1998: 203—208; Габуев 1999: 29—31; Кулаковский 2000: 64—68; Перевалов 2006: 318—335; 2014: 5—6; Туаллагов 2014: 99—159; Скрипкин 2017: 207). Как полагает Я. Харматта (Харматта 1965: 146), и этот поход закончился грабежом и угоном пленных, хотя существует и точка зрения о том, что парфяне откупились дарами (Туаллагов 2014: 107—108).

Если наша атрибуция верна, то очевидно, что нож из Красногоровки не сразу попал в погребение. Автор раскопок датировал погребение I — началом II в. н.э. (Гудименко 1990: 10). Судя по найденной в могиле бронзовой фибуле (Гудименко 1990: 8, рис. 1: *1*, 10; Кропотов 2010: 201, № 536), которую можно датировать в рамках второй половины I—II вв. н.э., и, особенно, серебряной пряжке с язычком в форме летящей птицы (Гудименко 1990: 8, рис. 1: *6*, 10)[28], погребение можно датировать в рамках, скорее всего, второй половины II в. н.э. — ближайшая параллель пряжке с подобным язычком происходит из погребения второй половины II — начала III в. н.э. некрополя Горгиппии (Трейстер 1983: 119, рис. 2: *3*), тогда как рамка пряжки из Красногоровки может быть отнесена к типу D2 (Труфанов 2004: 168; Костромичев 2015: 328—330, рис. 26—27), что косвенно подтверждает датировку пряжки из Горгиппии. Таким образом, на момент погребения нож уже был антикварным предметом примерно 100-летней древности, что, безусловно, исключает погребенного в качестве адресата подарка. Хотя я в публикации находки предположил ее возможное попадание к кочевникам во время похода 72 г. н.э. (Трейстер 2001: 205), предположение, поддержанное и другими исследователями[29], нельзя исключать, что нож мог попасть к кочевникам и в 135 г. н.э. и, возможно, еще позднее — в период правления парфянского царя Вологеза III (148—192 гг.).

Особого внимания заслуживает комплекс находок из кургана № 1/2003 могильника «Горелый-I» в Нижнем Поволжье. Наряду с многочисленными римскими импортными изделиями (стекло, красный лак, бронзовые сосуды) здесь была найдена целая серия предметов парфянского происхождения: подвеска серьги, гребень и нож с костяной рукоятью, оба с резными изображениями. Золотые обкладки деревянного сосуда имеют форму мерлонов (рис. 16: *3*) (Балановский, Тихонов 2009: рис. 11: *3—5, 7*). Бронзовые

[28] Аналогичным образом оформлены язычки пряжек из Горгиппии (Трейстер 1983: 119, рис. 2: *2—3*). Подобные язычки имеют и некоторые пряжки с территории Верхнегерманского и Рецийского лимеса (Трейстер 2000: 118, с примерами; Костромичев 2015: 311, рис. 9: *10*).

[29] А.А. Цуциев (Цуциев 2014: 101) считает, что опубликованный нами нож из Красногоровки является иллюстраций вторжения алан в Мидию в 72—73 гг. не через Дарьяльский проход, а через Рагский, т.е. с востока от Каспия, а вернулись они на Дон с награбленной добычей через Дарьяльский проход.

сосуды из погребения представлены тазом типа Eggers 99/100 (Балановский, Тихонов 2009: 14, № 2, рис. 4—5), кованым кувшином типа Страндже (Балановский, Тихонов 2009: 14, № 3, рис. 6) и бронзовой амфорой (Балановский, Тихонов 2009: 14, № 1, рис. 3). Сочетание таза типа Eggers 99/100 и *Blechkanne* характерно для сарматских комплексов конца I — первой половины II в. н.э. Стеклянные кубки с фасетами (Балановский, Тихонов 2009: 11, № 16—17, рис. 16—17) из погребения датируются преимущественно второй половиной I в. н.э., при этом самые ранние находки относятся к эпохе правления Клавдия, а наиболее поздние были обнаружены в контекстах, относящихся уже к эпохе Адриана (Whitehouse 1997: 221—222; 2012, 59; von Saldern 2004: 361; Höpken 2010: 387—388). Маленькая (дл. 2,5 см) сильно профилированная бронзовая фибула с бусинами на дужке (Балановский, Тихонов 2009: 10—11, № 4, рис. 11: *8*), судя по размерам и расположению бусин, относится ко второй серии и может датироваться в широких рамках II — первой половины III в. н.э., впрочем, в комплексах конца II — первой половины III в. н.э. их находки редки (Кропотов 2010: 229—232, 241, № 318, рис. 65: *6*). Узкогорлая светлоглиняная амфора (Балановский, Тихонов 2009: 14—15, № 4, рис. 7) типа C (по классификации Д.Б. Шелова) или CIVC (по классификации С.Ю. Внукова) датируется, соответственно, концом последней трети I — первой половиной II в. н.э. или второй четвертью — концом II в. н.э. (Внуков 2016: 41—43). Краснолаковая чашка (Балановский, Тихонов 2009: 10, № 1, рис. 8) формы 30 (Журавлев 2010: форма 30), по мнению Д.В. Журавлева[30], относится к середине II в. н.э. Таким образом, есть достаточно веские основания для датировки погребения серединой II в. н.э., что, в свою очередь, позволяет связывать попадание в этот комплекс парфянских изделий с событиями 135 г. н.э. К сожалению, погребение было ограблено в древности, поэтому нельзя не только сказать, были ли в нем какие-то другие парфянские изделия, но вообще было ли это одиночное или парное погребение, хотя издатели называют его погребением знатной сарматки. В любом случае, находки парфянских золотых украшений, обкладок сосуда в форме мерлонов, ножа с резной рукоятью и гребня с высокохудожественными изображениями дает основание предполагать, не была ли погребенная знатной парфянкой, выданной замуж за кочевника, хотя нельзя конечно исключать и предположение о том, что все эти изделия были дарами, попавшими к знатной сарматке.

7.6. Контакты второй половины II — первой половины III в. н.э.

Имеются довольно многочисленные археологические свидетельства того, что контакты сарматов с Парфией и сасанидским Ираном продолжались и во второй половине II — первой половине III в. н.э.

Об этом свидетельствует находка в грабительских раскопках в районе ст. Даховской на Кубани серебряного кубка галльского производства (?) с дарственной надписью царя Пакора на донце, предположительно Пакора III, брата парфянского царя Вологеза III (148—191 гг. н.э.), которого последний посадил на престол Армении при Антонине Пие. Высказывавшиеся предположения о датировке кубка первой половиной I в. н.э. и связи надписи с царем Парфии Пакором II (78—105 гг. н.э.) (Кропоткин 1970: 27, 85, № 721, рис. 81: *3*; Клейн 1979: 216) несостоятельны по той причине, что анализ формы и декора сосуда однозначно говорит в пользу его датировки не ранее середины II в. н.э. (Трейстер 2007а: 25—26; Treister 2013a: 41—43; 47—50). Интересно, что среди прочих находок из этих грабительских раскопок, которые также не дошли до нас, была «группа набалдашников или

[30] Определение Д.В. Журавлева.

наверший мечей из полудрагоценных камней различных пород камня и форм (пять крупных плоских халцедоновых, одно умбонообразное — из агата), все с круглыми сквозными отверстиями посередине (Лунин 1940: 38, № 8). Если эти навершия были найдены вместе с кубком — это не только косвенный аргумент в пользу датировки комплекса не ранее середины II в. н.э., но и еще одно свидетельство в пользу нашей интерпретации халцедоновых наверший мечей.

В этой связи стоит вспомнить о находках 14 костяных пластин от ритона (?) в Ольвии (из них — три были найдены в раскопе, а остальные приобретены у крестьян с. Парутино) (Pharmakovsky 1907: 147—152, Abb. 15—28; 1909, 134—136, fig. 60—65; ОАК 1909: 39—44, рис. 35—47; Ghirshman 1962: 268—271, Abb. 348, 351—352; Луконин 1977: рис. 128—132; Mathiesen 1992: 187, No. 151, с лит.; Kat. Wien 1996: 228 (Abb.), 397, Nr. 73), которые могут быть датированы, вероятнее всего, концом II— первой четвертью III в. н.э. (Пилипко 2010: 113; Kaim 2010: 329).

Другие свидетельства, происходящие преимущественно с территории Южного Приуралья (рис. 31), включают оружие, мечи с халцедоновыми навершиями, портупейные бляхи из раковин, золотые детали поясной гарнитуры, а также резные изделия из кости. Золотая поясная гарнитура, попавшая к кочевникам Южного Приуралья, рассматривается В.Ю. Малашевым как дипломатические дары кочевникам или их трофеи и связывается с военными акциями двух первых Сасанидов (Арташира I и Шапура I) по установлению господства в восточных районах Ирана (Малашев, Яблонский 2008: 71). В любом случае, преобладание среди предположительно парфянских / раннесасанидских материалов из погребений позднесарматского времени деталей вооружения и воинского костюма и концентрация находок в Южном Приуралье очевидны.

8. Заключение

Анализ археологических материалов показал, что, изделия, которые с большей или меньшей вероятностью можно атрибутировать как парфянские, попадали к кочевникам Сарматии на протяжение всей истории Парфии. Мотивы парфянского искусства нашли отражения в предметах, изготовленных и за пределами Парфии, вероятно в кочевнической среде (например, золотые обкладки деревянных сосудов и нашивные бляшки в форме мерлонов). Некоторые из поступивших из Парфии серебряных сосудов переделывались на Боспоре, хотя вряд ли специально для нужд кочевников. Безусловно под влиянием образов и техники парфянской торевтики, но не в Парфии, возникает серия серебряных сосудов, украшенных фризами с позолотой в пределах контуров изображений из погребений кочевников в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону, на одном из которых имеется надпись мастера Ампсалака — есть все основания предполагать, что изделия этой группы, вероятнее всего работы разных мастеров, изначально предназначались для кочевников.

Парфянские «импорты» включают фалары и сосуды из драгоценных металлов, разнообразные изделия из резной кости (навершия и детали декора ножей и мечей, гребни), ювелирные украшения, парадные мечи и поясные наборы и даже предмет мебели с серебряными обкладками. В целом и спектр находок, и их происхождение, преимущественно из погребений элиты, обнаруживают определенную близость к распределению ахеменидских изделий и предметов ахеменидского круга в погребениях кочевников Южного Приуралья V—IV вв. до н.э. Однако среди находок есть и глазурованная керамика, которая расширяет круг памятников. В то же время, в некоторых случаях явно статусные предметы были найдены в относительно скромных погребениях, как это было в случае ножа с резной

костяной рукоятью с портретом парфянского царя, обнаруженном в погребении воина, причем на момент погребения нож уже был антикварным предметом примерно 100-летней древности. Есть и другие примеры относительно длительного бытования парфянских изделий в среде кочевников, при этом далеко не всегда можно выяснить, попали ли они к ним уже будучи антикварными или долго использовались у них.

Для разных периодов характерно поступление определенных категорий изделий и их локализация. Так, во второй половине II — первой половине I в. до н.э. значительную часть их составляли фалары и сосуды из драгоценных металлов, при этом известные находки серебряных сосудов распространены в междуречье Дона и Волги, с наибольшей концентрацией на довольно компактной территории в долине р. Есауловский Аксай, а места находок фаларов образуют широкую дугу от Новоузенска в Заволжье на западе до Сидоровки на Иртыше в Западной Сибири на востоке. В этот период встречалась и глазурованная керамика, но не ювелирные изделия (рис. 29). Для I — первой половины II в. н.э. выделяется серия крупноформатных ювелирных изделий, а также предметов из резной кости, в том числе уникальных. Кроме того, нельзя исключать возможность парфянского изготовления таких статусных вещей, как парадного меча из тайника кургана на окраине Азова и некоторых поясных блях, а также парадного табурета с серебряными обкладками ножек из кургана Хохлач. В этот период наибольшая концентрация парфянских изделий отмечается на Нижнем Дону, в междуречье Дона и Волги и в Нижнем Поволжье (рис. 30). Во второй половине II — первой половине III в. н.э. широко распространяются и преобладают предметы, связанные с оружием и его декором, а также поясные наборы, находки которых в значительной степени происходят из Южного Приуралья (рис. 31).

Отдельные находки и их комплексы можно связать с известными нам по письменным источникам событиями — контактами кочевников с Ираном. В каких-то случаях есть основания связывать попадание к кочевникам с известными нам событиями — участием кочевников в походе Фарнака в Малую Азию — комплекс находок погребения № 1 у с. Косика: вероятно, парадные меч и пояс, древневосточные печати) или с набегами 35, 72 и 135 гг. н.э. (например, парадный меч и переделанные из поясных блях элементы конской узды из тайника кургана у пос. Дачи, изделия из резной кости и ювелирные украшения из кургана № 1/2003 могильника «Горелый-I», и др.). В других — это касается в первую очередь материалов второй половины II— первой половины I в. до н.э. и второй половины II— первой половины III в. н.э. — исторический контекст вряд ли подлежит реконструкции. В целом рассматриваемые археологические свидетельства контактов не позволяют говорить о попадании парфянских изделий в результате регулярных торговых контактов, а скорее являются свидетельством даров, дани, платы за службу, военной добычи. В каких-то случаях можно предполагать и перемещение вещей в качестве личных вместе с первоначальными владельцами в результате угона в плен или брачных контактов.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. — III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны — Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, в которых хранятся рассмотренные в статье предметы: М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), Е.И. Сластухиной (Аркаим, ЧГИКЗА), Э.Р. Чиняковой (Астрахань, АГОИАМЗ), †Н.В. Хабаровой, А.В. Жадаевой (Волгоград, ВОКМ), Ю.В. Демиденко, Д.В. Журавлеву, Е.Ю. Новиковой, К.Б. Фирсову (Москва, ГИМ), В.В. Науменко, Р.Д. Чернобривцевой (Новочеркасск, МИДК), О.А. Халяпиной (Оренбург, ГИКМ,), Л.А. Краевой, Д.В.

Мещерякову, Н.Л. Моргуновой (Оренбург, ОГПУ), А.Г. Язовских (Ростов-на-Дону, РОМК), И.П. Засецкой, Е.Ф. Корольковой, С.В. Воронятову (Санкт-Петербург, ГЭ), Н.М. Шумейко (Саратов, СОМК), М.К. Мурзагалиевой (Уральск, ЗКОИКМ), Е.Н. Плаховой (Энгельс, ЭКМ). Моя искренняя благодарность участникам проекта, чьи определения из неопубликованных пока работ использованы в этой статье: Д.В. Журавлеву, К.Ремер-Стрель и А. Гебель.

Литература

Алемань А. 2003. *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*. Москва: Менеджер.

Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К. 2017. Находка ахеменидской мебельной фурнитуры в сакском погребении Семиречья. *Stratum plus* 3, 329—334.

Анфимов Н.В. 1987. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.

Апакидзе А.М., Гобедзишвили Г.Ф., Каландадзе А.Н., Ламтатидзе Г.А. 1958. *Мцхета. Итоги археологических исследований*. Т. I. *Археологические памятники Армазис-Хеви по раскопкам 1937—1946 гг*. Тбилиси: АН Груз. ССР.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001. *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг*. Москва: Палеограф.

Археологическое наследие. 2013. В: Скрипкин А.С. (ред.). *Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея*. Волгоград: Издатель.

Бажан И.А., Щукин М.Б. 1990. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи великого переселения народов. *АСГЭ* 30, 83—96.

Балановский А.В., Тихонов В.В. 2009. Погребение знатной сарматки из курганного могильника «Горелый I». В: Воротников А.А. *Наша малая Родина: ее история, развитие, проблемы*. Балашов: Николаев, 8—22.

Безуглов С.И. 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). В: Гугуев Ю.К. (ред.). *Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона*. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 169—192.

Безуглов С.И. 2017. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону. *Вестник Танаиса* 4, 84—127.

Безуглов С.И., Захаров А.Б. 1989. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса. *ИРОМК* 6, 42—66.

Белоусов А.В., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю. 2017. Серебряные канфары из слоя пожара 46/47 г. времени боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье. В: Костромичев Д.А. (ред.). *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: материалы международной научной конференции. Севастополь, 10-12 октября 2017 года*. Севастополь: А.А. Бровко, 31—38.

Белоусов А.В., Трейстер М.Ю. 2018. Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье. *Аристей* XVIII, 92—128.

Берлизов Н.Е. 1997. Походы алан в Закавказье в первые века нашей эры: письменные и археологические свидетельства. *Историко-археологический альманах* 3, 41—54.

Берлизов Н.Е. 2011. *Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. — V в. н.э.* Краснодар: Парабеллум.

Беспалый Г.Е. 2014. *Выставка «Новые открытия в Танаисе». Буклет*. Танаис: Археологический музей заповедник.

Беспалый Е.И. 1985. Курган I в. н.э. у г. Азова. *СА* 4, 163—172.

Беспалый Е.И. 1992. Курган сарматского времени у г. Азова. *СА* 1, 175—190.

Вайнберг Б.И. 1992. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме. В: Мошкова М.Г. (ред.). *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 116—122 (Археология СССР).

Васильев В.Н. 2013. Китайские мечи Урало-Поволжья и Юго-Восточного Приаралья. *УАВ* 13, 63—67.

Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. *ВДИ* 2, 151—170.

Внуков С.Ю. 2003. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э.* Ч. I. *Морфология*. Москва. Наука.

Внуков С.Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э.* Ч. II. *Петрография, хронология, проблемы торговли.* Санкт-Петербург: Алетейя.

Внуков С.Ю. 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36—47.

Воронятов С.В. 2009. О функции сарматских тамг на сосудах. В: Фурасьев А.Г. (ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 80—98.

Габуев Т.А. 1999. *Ранняя история алан (по данным письменных источников)*. Владикавказ: Иристон.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. 2010. «Дальний импорт» Прикамья — своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. — IX в. н.э.). В: Голдина Е.В. *Бусы могильников неволинской культуры (конец IV—IX вв.)*. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 156—260.

Голдина Е.В., Красноперов А.А. 2012. Ныргындинский I могильник II—III вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмуртский университет (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции 22).

Голдина Р.Д., Бернц В.А. 2016. Хронология мужских погребений III—V вв. н.э. Тарасовского могильника. *ПА* 3(17), 17—58.

Гудименко И.В. 1990. Работы I Приморского археологического отряда в 1989 году. В: Максименко В.Е. (ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 году*. Вып. 9. Азов: Азовский краеведческий музей, 5—15.

Гутнов Ф.Х. 2001. *Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории*. Владикавказ: Ир.

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. — II в. н.э.). В: Абрамова М.П. (ред.). *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. Москва: ГИМ, 71—141 (ТГИМ 70).

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области. *ВДИ* 3, 141—179.

Дедюлькин А.В. 2015. К вопросу о генезисе и хронологии наплечных фаларов эллинистической эпохи. *Восток (Oriens)* 5, 127—136.

Думберг К. 1901. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. *ИАК*. Вып. 1. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 94—103.

Дьяченко А.Н., Мейб Е., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. 1999. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье. *НАВ* 2, 93—126.

Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С., Моисеев В.И. 2017. Раскопки курганных могильников Аксай II и Аксай III у села Аксай Октябрьского района Волгоградской области (к вопросу об экономических связях сарматского населения Волго-Донского региона). В: Скрипкин А.С. (ред.). *Материалы по археологии Волго-Донских степей*. Вып. 4. Волгоград: Волгоградский институт управления, 8—82.

Железчиков Б.Ф. 1998. *Археологические памятники Уральской области*. Волгоград: Волгоградский государственный университет.

Железчиков Б.Ф., Порох В.Н. 1993. Позднесарматские мечи Лебедевки (опыт металлографического анализа). В: Агеев Б.Б. (ред.). *Хронология памятников Южного Урала*. Уфа: УНЦ РАН, 88—92.

Журавлев Д.В. 2010. *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)*. Симферополь: БФ «Деметра». (МАИЭТ. Supplementum 9).

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. 2012. Этнокультурные взаимодействия в эпоху Великого переселения народов: археометаллографические данные (по материалам памятников Волго-Камья и Поочья). *РА* 1, 82—89.

Засецкая И.П. 1979. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье. *ТГЭ* XX, 87—113.

Засецкая И.П. 2008. Золотые украшения из кургана Хохлач — классические образцы сарматского полихромного звериного стиля I — начала II в. н.э. В: *Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Пиотровского. Государственный Эрмитаж, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник*. Санкт-Петербург; Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 29—43.

Засецкая И.П. 2010a: Декоративное оформление больших фаларов из погребения I в. н. э. у ст. Жутово (к вопросу о происхождении сарматского звериного стиля). *НАВ* 11, 114—129.

Засецкая И.П. 2010b. Древности Прикубанья римской эпохи. В: *Античное наследие Кубани*. Т. 3. Москва: Наука, 276—292.

Засецкая И.П. 2011. *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Засецкая И.П. 2012a. Изображения грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле. В: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев: Издатель Олег Филюк, 353—383.

Засецкая И.П. 2012b. К вопросу о месте изготовления серебряных чаш из сарматского комплекса I в. н.э. В: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. (ред.). *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной*. Москва: ГИМ, 82—90 (ТГИМ 191).

Засецкая И.П. 2012c. Украшения конской сбруи из сарматских погребений I в. н.э. *Scripta antiqua* 2, 102—132.

Засецкая И.П. 2015a. О стилистических особенностях трех кинжалов сарматской эпохи I века до новой эры — II века новой эры. *АСГЭ* 40, 189—231.

Засецкая И.П. 2015b. Стилистические особенности декора трех кинжалов сарматской эпохи I в. до н. э. — II в. н.э. В: Лукьяшко С.И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 101—118.

Засецкая И.П. 2018. Фалары из кургана Садовый и образ «тарандра». *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения* 23.3, 126—137.

Засецкая И.П., Марченко И.И. 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени. А*СГЭ* 32, 90—104.

Засецкая И.П., Минасян Р.С. 2008. Золотые ножны кинжала из кургана Дачи — уникальное произведение древнего ювелирного искусства. В: *Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Пиотровского. Государственный Эрмитаж, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник*. Санкт-Петербург; Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 44—52.

Ильюков Л.С. 1994. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский»). *Вестник Танаиса* 1, 198—215.

Ильюков Л.С. 2000. Два серебряных фалара из Новочеркасского музея истории донского казачества. *Донская археология* 3—4, 133—135.

Кат. Москва 2005: Габуев Т.А. *Аланский всадник. Сокровища князей I—XII веков*. Москва: ГМИНВ.

Кат. Ст. Петербург 2008. *Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Пиотровского. Государственный Эрмитаж, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник*. Санкт-Петербург; Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.

Кат. Ст. Петербург 2009: Бутягин А.М. (ред.). *Тайна золотой маски. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Кинжалов Р.В. 1961. Ашнакский могильник. *ТГЭ* V, 51—63.

Клейн Л.С. 1979. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону. В: Борухович В.Г. (ред.). *Античный мир и археология* 4, 204—221.

Клейн Л.С. 2016. *Первый век: сокровища сарматских курганов*. Санкт-Петербург: Евразия.

Королькова Е.Ф. 2003. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников. *АСГЭ* 36, 28—59.

Королькова Е.Ф. 2012. Сарматские бляшки как элемент сакрального орнамента. В: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. (ред.). *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной*. Москва: ГИМ, 134—143 (ТГИМ 191).

Костромичёв Д.А. 2015. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения. *Stratum plus* 4, 299—356.

Краснопёров А.А. 2011. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье. В: Бейсенов А.З. (ред.). *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы*. Т. 2. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 228—238.

Красноперов А.А. 2015. Предкавказье и Прикамье: контекст изменения функций предмета в средне- и позднесарматское время. В: Лукьяшко С.И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 183—204.

Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. 2006. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития. *РА* 1, 124—136.

Кривошеев М.В.2007. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (ред.). *Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология. Доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Челябинск: ЮУрГУ, 65—70.

Кропоткин В.В. 1970. *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. — V в. н.э.)*. Москва: Наука. (САИ Д1-27).

Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ—Украина.

Кузнецов В.А. 1992. *Очерки истории алан*. Владикавказ: Ир.

Кулаковский Ю.А. 2000. *Избранные труды по истории аланов и Сарматии*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Лагоцкий К.С. 1973. Отчет о работе первого Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 г. Ленинград. Москва. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 5240.

Левина Л.М. 1994. *Джетыасарская культура. Могильники Алтынасар 4*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН (Низовья Сырдарьи в древности IV).

Левина Л.М. 1996. *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э.* Москва: Восточная литература.

Ли Джи Ын. 2010. Китайский импорт в памятниках Юга России (I в. до н.э. — III в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону.

Лившиц В.А. 2002. Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1. *ВДИ* 2, 43—56.

Литвинский Б.А. 1978. *Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы*. Москва: Наука.

Луконин В.Г. 1977. *Искусство Древнего Ирана*. Москва: Искусство.

Лукьяшко С.И. 2000. О семантике изображений на серебряном кувшине из кургана 28 группы Высочино VII. *НАВ* 3, 163—171.

Лунин Б.В. 1939. Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа. *ВДИ* 3(8), 210—223.

Лунин Б.В. 1940. Серебряная чаша с рельефным изображением и греческой надписью и стеклянная чаша из находок у станицы Даховской. *ИРОМК* 2, 1940, 27—49.

Любчанский И.Э. 2009. Материальная культура номадов Южного Зауралья во II — начале VI в. н.э.: полихромные изделия. *ВЧГУ* 41(179). *История* 38, 11—18.

Малашев В.Ю. 2013. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II—III вв. н.э. Дисс… канд. исторических наук. Москва.

Малашев В.Ю. 2014. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья. *УАВ* 14, 130—140.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10)*. Москва: Восточная литература.

Мастыкова А. В. 2007. Гривна из могильника Клин-Яр и возможности выделения привилегированных женских погребений эпохи Великого переселения народов в Центральном Предкавказье. В: Козенкова В.И., Малашев В.Ю. (ред.). *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой*. Москва: Институт археологии РАН; Таус, 472—490 (МИАР 8).

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. 1997. *Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье*. Новосибирск: Наука.

Мачабели К. 1976. *Позднеантичная торевтика Грузии*. Тбилиси: Мецниереба.

Мачабели К. 1983. *Серебро древней Грузии*. Тбилиси: Хеловнеба.

Медведева М.В., Шаров О.В. 2017. Склеп Деметры в Керчи (по материалам Научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа). В: Горончаровский В.А. (ред.). *Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора*. Санкт-Петербург: РХГА, 96—124.

Мещеряков Д.В. 1999. Отчет о раскопках курганного могильника Красный Яр в Илекском районе и разведках в Шарлыкском и Октябрьском районах в 1999 году по Открытому листу № 420. Оренбург. Архив ОГПУ.

Минасян Р.С. 2014. *Металлообработка в древности и средневековье*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Моргунова Н.Л. 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе. В: Моргунова Н.Л. (ред.). *Археологические памятники Оренбуржья*. Оренбург: Димур, 8—43.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. 2012. Позднесарматский курган на р. Бердянка в Оренбургской области. В: Моргунова Н.Л. (ред.). *Археологические памятники Оренбуржья* 10. Оренбург: ОГПУ, 211—218.

Мордвинцева В.И., Зданович Г.Б, Таиров А.Д. 1997. Фалар эллинистической работы с берегов реки Ишим. *РА* 4, 176—180.

Мордвинцева В.И. 2000. Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово. *РА* 1, 144—153.

Мордвинцева В.И. 2003. *Полихромный звериный стиль*. Симферополь: Универсум.

Мордвинцева В.И. 2007. Сарматский полихромный звериный стиль. В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирное искусство в Северном Причерноморье (2 в. до н.э. — 2 в. н.э.)*. Т. I. Симферополь; Бонн: Тарпан, 195—244.

Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. II. Симферополь; Бонн: Тарпан.

Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. 2006. *Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики сарматского времени из фондов Волгоградского областного краеведческого музея*. Симферополь: Тарпан.

Мошкова М.Г. 1978. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону. В: Козенкова В.И., Краснов Ю.А., Розенфельдт И.Г. (ред.). *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Москва: Наука, 71—77.

Мошкова М.Г., Демиденко С.В. 2010. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса. В: Герасимова М.М., Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. (ред.). *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. Москва: Таус, 254—261 (МИАР 13).

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. 1999. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая. *НАВ* 2, 149—167.

Никоноров В.П. 2000. Уникальный гребень из Кампыртепа. В: Ртвеладзе Э.В., Ильясов Дж. (ред.). *Материалы Тохаристанской экспедиции 1. Археологические исследования Кампыртепа*. Ташкент: SAN'AT, 131—138.

ОАК 1902: *ОАК за 1889 г.* 1902. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

ОАК 1909: *ОАК за 1906 г.* 1909. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

ОАК 1913: *ОАК за 1909 и 1910 гг.* 1913. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

Очир-Горяева М.А., Сергацков И.В. 2012. Погребение знатной сарматски из окрестностей поселка Яшкуль. В: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. (ред.). *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной*. Москва: ГИМ, 195—200 (ТГИМ 191)

Панов А.Р. 2008. Боспорское царство во внешнеполитических планах Рима в 47—46 гг. до н.э. *ВДИ* 4, 195—204.

Пастушенко И.Ю., Бернц В.А. 2008. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья. *Finno-Ugrica* 11, 12—23.

Перевалов С.М. 2006. Аланский набег 136 г. н.э. в страны Закавказья: проблемные вопросы. В: Маринович Л.П. (ред.). *Античная цивилизация и варвары*. Москва: Наука, 318—335.

Перевалов С.М. 2014. Аланы: мираж кочевой империи. *Вестник Владикавказского научного центра РАН* 14.2, 1—9.

Перевозчикова С.А. 2009. Калачиковидные украшения на территории Евразии в первой половине I тыс. н.э. *ВЧГУ* 37(175). *История* 36, 5—12.

Пилипко В.Н. 2001. *Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период*. Москва: Наука.

Пилипко В.Н. 2010. Об одной группе «мужских» терракот из Мерва. *ПИФК* 1(27), 103—115.

Придик Е.М. 1914. Новые кавказские клады. *МАР* 34, 94—110.

Пугаченкова Г.А. 1959. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. *СА* 2, 70—84.

Пугаченкова Г.А. 1969. Трон Митридата I из парфянской Нисы. *ВДИ* 1, 161—171.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия. II в. до н.э. — III в.н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Раев Б.А. 1978. Металлические сосуды кургана Хохлач. В: Столяр А.Д. (ред.). *Проблемы археологии*. Вып. 2. Ленинград: ЛГУ, 89—94.

Раев Б.А. 1992. Аланские походы в Закавказье. Археологические данные. В: Мозолевский Б.Н. (ред.). *Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов международной конференции памяти А.И. Тереножкина*. Мелитополь: Институт археологии АН Украины, 78—79.

Раев Б.А., Яценко С.А. 1993. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (тезисы). В: Раев Б.А. (ред.). *Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева)*. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 111—125.

Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. 2000. *В низовьях Окса и Аксарта. Образы древнего Приаралья*. Москва: Индрик.

Рапэн К., Исамиддинов М., Хасанов М. 2014. «Аристократическая» гробница кочевников на городище Коктепе близ Самарканда. В: Франкфор А.-П. (ред.). *Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых*. Т. II. Самарканд: МИЦАИ, 70—116.

Ростовцев М.И. 1918. *Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма*. Петроград: Девятая государственная типография (*МАР* 37).

Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Онгар А. 2007. *Древнее золото Казахстана*. Алматы: Онер.

Сапрыкин С.Ю. 1996. *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. Москва: Наука.

Сапрыкин С.Ю. 2002. *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. Москва: Наука.

Сеитов М. 2013. Ишимский серебряный фалар. В: Таиров А.Д., Иванова Н.О. (ред.). *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. Челябинск: Рифей, 193—200.

Сергацков И.В. 1989. Погребение среднесарматского времени у села Царев. *СА* 3, 236—240.

Сергацков И.В. 1994. Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры. В: Туган-Барановский Д.М. (ред.). *Проблемы всеобщей истории. Материалы научной конференции. Волгоград, сентябрь 1993*. Волгоград: ВолГУ, 19—29.

Сергацков И.В. 2006. Проблема становления среднесарматской культуры. В: Клепиков В.М. (ред.). *Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения*. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 37—58.

Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С. 2008. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья. *НАВ* 9, 98—116.

Скрипкин А.С. 1990. *Азиатская Сарматия*. Саратов: Саратовский университет.

Скрипкин А.С. 2017. *Сарматы*. Волгоград: ВолГУ.

Скрипкин А.С., Мыськов Е.П. 2009. Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья. В: Макаров Н.А. (ред.). *АО*. 1991—2004. *Европейская Россия*. Москва: Институт археологии РАН, 245—255.

Сокольский Н.И. 1954. Боспорские мечи. В: Кобылина М.М. (ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. Т. II. Москва: АН СССР, 123—196 (МИА 33).

Спицын А.А. 1909. Фалары Южной России. *ИАК*. Вып. 29. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 18—53.

Таиров А.Д. 2014. Кочевники Южного Зауралья и «сарматы» Средней Азии. *УАВ* 14, 223—234.

Тревер К.В. 1940. *Памятники Греко-Бактрийского искусства*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Тревер К.В. 1953. *Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Тревер К.В. 1959. *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. — VII в. н.э.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Трейстер М.Ю. 1983. Результаты спектрального анализа бронзовых украшений из Горгиппии. *КСИА* 174, 117—124.

Трейстер М.Ю. 1994. Сарматская школа художественной торевтики (к открытию сервиза из Косики). *ВДИ* 3, 172—203.

Трейстер М.Ю. 2000. Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре. *РА* 3, 118—124.

Трейстер М.Ю. 2001. Портрет парфянского царя из сарматского погребения в Приазовье. *ВДИ* 1, 195—206.

Трейстер М.Ю. 2004. О датировке погребения с Золотой маской в Керчи. В: Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников*. Ч. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 247—258.

Трейстер М.Ю. 2005. Сарматские воины Фарнака Боспорского (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике. В: Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 322—330.

Трейстер М.Ю. 2007a. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э. (эллинистическая традиция). В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. I. Симферополь; Бонн: Тарпан, 15—194.

Трейстер М.Ю. 2007b. Техника и элементы декора. Чеканные и гравированные орнаменты. В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. I. Симферополь; Бонн: Тарпан, 245—255.

Трейстер М.Ю. 2007c. Типы накладных пластинчатых кастов, форма, материал и цвет вставок. В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. I. Симферополь; Бонн: Тарпан, 272—287.

Трейстер М.Ю. 2010a. Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла). *АВ* 16, 72—94.

Трейстер М.Ю. 2010b. Ювелирное дело и торевтика. В: *Античное наследие Кубани*. Т. 2. Москва: Наука, 534—598.

Трейстер М.Ю. 2011. Серебряные фалары с изображением Беллерофонта и Химеры из сарматского погребения в Володарке (Западный Казахстан). Еще раз к вопросу о так называемом греко-бактрийском стиле в эллинистической торевтике. *Scripta antiqua* 1, 90—146.

Трейстер М.Ю. 2012a. Ахеменидские ювелирные украшения и украшения костюма из драгоценных металлов из Южного Приуралья. Изделия ахеменидского круга и местные подражания. Произведения постахеменидской традиции. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.)*. Т. I. Москва: ТАУС, 134—167.

Трейстер М.Ю. 2012b. Детали парадной мебели из Филипповки. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.)*. Т. I. Москва: ТАУС, 203—207.

Трейстер М.Ю. 2012c. Сосуды из драгоценных металлов ахеменидского круга из Южного Приуралья. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.)*. Т. I. Москва: ТАУС, 50—87.

Трейстер М.Ю. 2016. Боспорская (?) мастерская торевта позднеэллинистического времени (к вопросу о переделке антикварных серебряных сосудов для кочевников Азиатской Сарматии). В: Лукьяшко С.И. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б.А. Раева. Кагальник, 20-21 октября 2016 г.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 215—225.

Трейстер М.Ю. 2018a. Парфянская резная кость из погребений кочевников Азиатской Сарматии первых веков н.э. В: Малышев А.А. (ред.). *Международная научная конференция «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики». Тезисы докладов*. Москва: ИА РАН, 152—153.

Трейстер М.Ю. 2018b. Драгоценный поясной набор из элитного погребения кочевника у с. Косика. *НАВ* 17.1, 108—143.

Трейстер М.Ю. 2018c. Blechkanne. Медные кованые кувшины первых веков н.э. в Северном Причерноморье и Сарматии. *ДБ* 22, 216—238.

Трейстер М.Ю. 2018d. Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. — первых веках нашей эры. *Stratum plus* 4, 153—200.

Трейстер М.Ю. 2018e. Парадный меч в ножнах из Дач. В: Коваленко А.Н. (ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Вып. 2. *К 70-летию профессора Виктора Павловича Копылова*. Ростов-на-Дону: Лаки Пак (в печати).

Трейстер М.Ю. 2019a. Скарабеоид из погребения № 1 кургана № 1/2015 могильника Чеботарев-V (о ближневосточных печатях в погребениях среднесарматского времени). *РА* 1 (в печати).

Трейстер М.Ю. 2019b. Длинные мечи с халцедоновыми навершиями в Сарматии и на Боспоре. *ДБ* 24 (в печати).

Трейстер М.Ю. 2019c. Парфянская резная кость из погребений кочевников Азиатской Сарматии. В: Малышев А.А. (ред.). *Scythia et Sarmatia: Новое в исследованиях раннего железного века Евразии*. Москва: ИА РАН (в печати).

Трейстер М.Ю. 2019d. Таз(-ы) из кургана № 1 могильника Октябрьский-V (к вопросу о времени и историческом контексте формирования центра погребальных памятников кочевой элиты в междуречье Дона и Волги). *ВДИ* (в печати).

Труфанов А.А. 2004. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье. *РА* 3, 160—170.

Туаллагов А.А. 2014. *Аланы Придарьялья и закавказские походы I—II вв*. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А.

Хазанов А.М. 1971. *Очерки военного дела сарматов*. Москва: Наука.

Харматта Я. 1965. Из истории алано-парфянских отношений. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* XIII, 127—147.

Хачатрян Ж. 2007a. Ювелирное дело в эллинистический период. В: Калатарян А. (ред.). *Золото древней Армении (III тыс. до н.э. — XIV в. н.э.)*. Ереван: Гитутюн, 194—216.

Хачатрян Ж. 2007b. Ювелирное дело позднеантичного периода. В: Калатарян А. (ред.). *Золото древней Армении (III тыс. до н.э. — XIV в. н.э.)*. Ереван: Гитутюн, 218—225.

Хачатрян Ж. 2009. *Гробница Сисиана (вторая половина I в. до н.э.)*. Ереван: Гитутюн (Археологические памятники Армении 21).

Цуциев А.А. 2014. Аланский поход 72—73 гг. н. э. в Мидию и Армению. Ч. II. Среднеазиатский след. *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки* 1, 98—102.

Шаров О.В. 2016. Склеп Деметры в Керчи: неизвестные страницы (по материалам научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа. *Stratum plus* 4, 319—334.

Шилов В.П. 1968. Позднесарматское погребение у с. Старица. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград: Наука, 310—323.

Шилов В.П. 1975. *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*. Ленинград: Наука.

Щукин М.Б. 1992. Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблема ранних алан. В: Раев Б.А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III Археологического семинара*. Ч. 1. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 104—112.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Девис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году. В: Яблонский Л.Т. (ред.). *Курганы левобережного Илека*. Вып. 2. Москва: ИА РАН, 4—57.

Ясаков В.С. 2018. Трансконтинентальные связи Приуралья в III—IV вв. н. э. (на примере накладок из створок раковин Turbinella Pyrum). В: Зубов С.Э. (ред.). *Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1-4 февраля 2018 г., Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции*. Самара: Самарский университет, 275—278.

Яценко С.А. 2017. Китай, Фергана, Кангюй и сарматы в торговле рубежа н.э. — середины III в. н.э. В: Вдовченков Е.В. (ред.). *Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 26-29 ноября 2017 г.)*. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ, 256—277.

Ackerman P. 1967. The Art of the Parthian Silver- and Goldsmiths. In: Pope A.U. (ed.). *A Survey of Persian Art*. Tehran; London; New York; Tokyo: Oxford University Press, 459—470.

Adams N. 2003. Garnet Inlays in the Light of the Armaziskhevi Dagger Hilt. *Medieval Archaeology* 47, 167—175.

Adams N. 2011. The Garnet Millennium. The Role of Seal Stones in Garnet Studies. In: Entwistle Chr., Adams N. (eds.). *Gems of Heaven, Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200—600*. London: British Museum, 10—24 (British Museum Research Publication 177).

Apakidze A., Nikolaishvili V. 1994. An aristocratic tomb of the Roman period from Mtskheta. *Antiquaries Journal* 74, 16—54.

Banghard K., Gorecki J. 2004. Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr. *Saalburg-Jahrbuch* 54, 119—150.

Belaňová P. 2016. Ancient Adornments of Central Asia Influenced by the Greek Jewellery of the Classical and Hellenistic Period. *Studia Hercynia* XX.1, 111—126.

Bernard P. 1970. Sièges et lits en ivore d'époque hellénistique en Asie Centrale. *Syria* 47, 327—343.

Bernard P. 1987. Les nomades conquérants de l'empire gréco-bactrien. Réflexions sur leur identité ethnique et Culturelle. *CRAI*. 131e année. No. 4, 758—768.

Bespaly E.I. 1986. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979—84. In: Raev B.A. (ed.). *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 75—78 (BAR International Series 278).

Biborski M., Kaczanowski P. 2013. Magic Sword Pendants. *Jahrbuch des Jósa András Museums von Nyíregyháza* 55, 423—430.

Bingöl F.R.I. 1999. *Anadolu medenizetleri müzesi. Antik takilar*. Ankara: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Anıtlar ve Müzeler Gnl. Müd.

Boardman J. 2003. Three Monsters at Tillya Tepe. *ACSS* 9.1—2, 133—146.

Boardman J. 2012. Tillya Tepe: Echoes of Greece and China. In: Aruz J., Valts Fino E. (ed.). *Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 102—111.

Boardman J. 2015. *The Greeks in Asia*. London: Thames & Hudson.

Bosworth A.B. 1977. Arrian and the Alani. *Harvard Studies in Classical Philology* 81, 217—255.

Braidwood R.J. 1933. Some Parthian Jewelry (Season 1930—31). In: Waterman L. (ed.). *Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 65—73.

Braund D. 2009. The Silver Phiale dedicated to Apollo Hegemon from Zubovskiy Khutor. In: Зинько В.Н. (ред.). *Боспорские чтения X: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы*. Керчь: Деметра, 533—537.

Brosseder U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: Brosseder U., Miller B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 349—424 (Bonn Contributions to Asian Archaeology 5).

Bruneau P. 1972. *Les mosaïques*. Paris: E. de Boccard (Exploration archéologique de Délos XXIX).

Carter M.L. 2015. *Arts of the Hellenized East, Precious Metalwork and Gems of the Pre-Islamic Era*. London: Thames & Hudson.

Cat. Nantes 1996: Santrot J. (ed.). *Arménie. Trésors de l'Arménie ancienne des origines au IVe siècle*. Paris: Somogy.

Cat. New York 2000: Milleker E.J. (ed.). *The Year One. Art of the Ancient World. East and West*. NewYork: The Metropolitan Museum of Arts.

Cat. Paris 2001: Schiltz V. (ed.). *L'or des Amazones*. Paris: Editions Findakly; Paris musées.

Cat. Rome 2005: Anisimova L., Bonora G.L., Franchi C., Karavaeva L., Plakhov V.V. (eds.). *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano: Mondadori Electa.

Cat. Tokyo 1991: *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. 1991. Tokyo: [s.n.]

Cumont F. 1926: *Fouilles de Doura-Europos (1922—1923). Atlas.* Paris: Paul Geuthner.

Curtis V. S. 2001. Parthian Belts and Belt Plaques. *InAnt* XXXVI, 299—327.

Damm I. G. 1990. Ein baktrisches Goldarmband mit Tierfries. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte* 23, 239—243.

Dan A. 2017. The Sarmatians: Some Thoughts on the Historiographical Invention of a West Iranian Migration. In: Wiedemann F., Hofmann K.P., Gehrke H.-J. (Hrsg.). *Vom Wandern der Völker. Migrationserzählungen in den Altertumswissenschaften*. Berlin: Edition Topoi, 97—134 (Berlin Studies of the Ancient World 41).

Dörner F.K., Goell Th. 1963. *Arsameia am Nymphaios*. Berlin: Gebr. Mann (Istanbuler Forschungen 23).

Downey S.B. 2003. *Terracotta Figurines and Plaques from Dura-Europos*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Dshawachischwili A., Abramischwili G. 1986. *Goldschmiedekunst und Toreutik in den Museen* Georgiens. Leningrad: Aurora.

du Mesnil du Buisson R. 1936. The Persian Mines. In: Rostovtzeff M.I., Bellinger A.R., Hopkins C., Welles C.B. (eds.). *The Excavations at Dura-Europos, Preliminary Report of Sixth Season of Work, October 1932 — March 1933*. New Haven: Yale University Press, 188—205.

Eiland M.L. 1995/96. Ceramics of the Silk Road: Parthia and China. *Transactions of the Oriental Ceramic Society* 60, 105—120.

Farrokh K., Karamian G., Delfan M., Astaraki F. 2016. Preliminary reports of the late Parthian or early Sassanian relief at Panj-e Ali, the Parthian relief at Andika and examinations of late Parthian swords and daggers. *Historia i Świat* 5, 31—55.

Fedorov-Davydov G.A. 2001.*The Silk Road and the Cities of the Golden Horde*. Berkeley: Zinat Press.

Foietta E. 2014. Jewels with stone inlays from Hatra. *Parthica* 16, 165—198.

Francfort H.P. 1984. *Le sanctuaire du temple à niche indentées; les trouvaille*. Paris: E. de Boccard (Fouilles d'Aï Khanoum III.2; MDAFA XXVII. 2).

Francfort H.P. 2011. Tillya Tépa (Afghanistan) la sépulture d'un roi anonyme de la Bactrianedu Ier siècle P.C. *Topoi* 17/1, 277—347.

Francfort H.P. 2012. Tillya Tepe and its Connection with the Eurasian Steppe. In: Aruz J., Valts F.E. (ed.). *Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 88—101.

Ghirshman R. 1962. *Iran. Parther und Sasaniden*. München: C.H. Beck.

Ghirshman R. 1976. *Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman: L'Iran du Sud-Ouest du VIIIe s. av. n. ère au Ve s. de n. ére*. Paris: E. J. Brill (Mémoires de la Délégation archéologique en Iran 45).

Guerra M.F., Demortier G., Vitobello M.L., Bobomulloev S., Bagault D., Borel T., Mirsaidov I. 2009. Analytical Study of the Manufacturing Techniques of Kushan Gold Jewellery (National Museum of Antiquities of Tajikistan). Archeosciences. *Revue d'archeometrie* 33, 177—185.

Gutsalov S. 2012. On Links between the Ancient Nomads in the Southern Foothills of the Urals and Central Asia. *ACSS* 18, 29—50.

Halfmann H. 1986. Die Alanen und die römische Ostpolitik unter Vespasian. *Epigraphica Anatolica* 8, 39—50.

Herzfeld E.B. 1928. The Hoard of the Karen Pahlavs. *Burlington Magazine* 53, 21—27.

Höpken C. 2010. Orient trifft Okzident: Glas im Osten und Westen des römischen Reiches. *Kölner Jahrbuch* 43, 379—398.

Hurwit J.M. 2002. Reading the Chigi Vase. *Hesperia* 71.1, 1—22.

Invernizzi A. 1995. Corinthian Terracotta Assembled Capitals in Hellenized Asia. In: Invernizzi A. (ed.). *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity*. Firenze: Le Lettere, 3—12 (Monografie di Mesopotamia V).

Invernizzi A. 1999. *Sculture di metallo da Nisa. Cultura greca e cultura iranica in Partia*. Louvain-la-Neuve: Peeters (Acta Iranica XXXI).

James S. 2004. *The Arms and Armour and other Military Equipment*. London: British Museum Press (The Excavations at Dura-Europos, Final Report VII).

James S. 2011. Stratagems, Combat, and "Chemical Warfare" in the Siege Mines of Dura-Europos. *AJA* 115.1, 69—101.

Kaim B. 2010. Bone Reliefs from Fire Temple at Mele Hairam, South-West Turkmenistan. *IrAnt* XLV, 321—335.

Karagöz Ş. 2013. *KLeinasiatisch-gräko-persische Kunstwerke im Archäologischen Museum von Istanbul*. Tübingen: Ernst Wasmuth (Istanbuler Forschungen 54).

Kat. Berlin 1978: Strommenger E. (Hrsg.). *Sumer, Assur, Babylon. 7000 Jahre Kunst und Kultur an Euphrat und Tigris*. Mainz: Philipp von Zabern.

Kat. Bonn 2010: Cambon P. (Hrsg.). *Gerettete Schätze. Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der BRD.

Kat. Frankfurt 2003: Gossel-Raeck B., Stutzinger D. (Hrsg.). *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt: Archäologisches Museum.

Kat. Leoben 2009: Seipel W. (Hrsg.). *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kat. Wien 1996: Seipel W. (Hrsg.). *Weihrauch und Seide: alte Kulturen an der Seidenstrasse. Kunsthistorisches Museum Wien, 21. Jänner bis 14. April 1996*. Wien: Kunsthistorisches Museum.

Khachatryan Z. 2011. The Tomb of Sisian (Second Half of the 1st Century B.C.). *Parthica: incontri di culture nel mondo antico* 13, 9—86.

Kidd F. 2011. Complex Connections: Figurative Art from Akchakhan-Kala and the Problematic Question of Relations between Khorezm and Parthia. *Topoi* 17.1, 229—276.

Kozlovskaya V., Ilyashenko S.I. 2018. Tamgas and tamga-like signs from Tanais. In: Keil W.E., Kiyanrad S., Theis C., Willer L. (Hrsg.). *Zeichentragende Artefakte im sakralen Raum. Zwischen Präsenz und UnSichtbarkeit*. Berlin: Walter de Gruyter, 167—198.

Lippolis C. 2010. Notes on Parthian Nisa on the Light of New Research. *ПИФК* 1(27), 36—45.

Livshits V.A. 2003. Three Silver Bowls from the Isakovka Burial-Ground No. 1 with Khwarezmian and Parthian Inscriptions. *ACSS* 9.1—2, 147—172.

Lordkipanidze O.D., Mikeladze T.K., Khakhoutaichvili D.A. 1980. *Le trésor de Gonio*.Tbilisi: Metsniereba.

Manassero N. 2018. *A banchetto con gli eroi. La mobilia in avorio dalla Casa Quadrata a Nisa Partica*. Alessandria: Edizioni dell'Orso (Mnème 10).

Marčenko I.I., Limberis N.J. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko A.V., Marčenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: Philipp von Zabern, 267—400 (Archäologie in Eurasien 25).

Marshall J. 1951. *Taxila*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mathiesen H.E. 1992. *Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology*. Aarchus: Aarhus University Press.

Menegazzi R. 2005. Le figure femminili ammantate nella coroplastica di Seleucia al Tigri. *Parthica* 7, 81—92.

Miks C. 2009. Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 56, 395—538.

Mordvinceva V.I. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Rahden: Marie Leidorf (Archäologie in Eurasien 11).

Mordvintseva V.I. 2010. Tillya-Tepe Gold Jewellery and its Relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea Area. *Anabasis* 1, 175—207.

Mordvintseva V.I. 2017. Sarmatian Treasures Reconsidered. Some Remarks on the New Book by Leo Klein. *Anabasis* 8, 308—316.

Mráv Z. 2013. Eiserne Klappstühle aus Kaiserzeitlichen Bestattungen der einheimischen Elite in Pannonien. Zu den Beigaben der Bade- und Reinigungsgarnitur pannonischer Wagengräber. *Archaeologiai Értesítő* 138, 105—144.

Musche B. 1988. *Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden*. Leiden; New York; København; Köln: E.J. Brill.

Nenna M.-D. 2008. Un bol en verre peint du Ier siècle apres J.-C. a representation nilotique. *Journal of Glass Studies* 50, 15—29.

Olbrycht M.J. 1998. *Parthia et Ulteriores Gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen*. München: Tuduv-Verlagsgesellschaft (Quellen und Forschungen zur antiken Welt 30).

Olbrycht M.J. 2009. Parthia and Sarmatian Peoples in the northern Pontic and the Don-Volga areas. In: Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 1-4 декабря 2009 г.)*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 547—549.

Olbrycht M.J. 2012. The Political-military Strategy of Artabanos/Ardawān II in a.d. 34–37. *Anabasis* 3, 215—237.
Olbrycht M. 2013. Die Geschichte der Seidenstraße in antiker Zeit. In: *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*. Bonn: Primus Verlag GmbH, 67—87.
Olbrycht M. 2015. Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia — Ways of Cultural Transfer. In: Bemmann J., Schmauder M. (eds.). *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie; Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 333—390 (Bonn Contributions to Asian Archaeology 7).
Pedde F. 1991. Frehat En-Nufeği: Zwei seleukidenzeitliche Tumuli bei Uruk. *Bagdader Mitteilungen* 22, 521—535.
Peterson S. 2012. Parthian Aspects of Objects from Grave IV, Tillya Tepe, with Particular Reference to the Medallion Belt. URL: www.academia.edu%2F1485067%2FParthian_Aspects_of_Objects_from_Grave_IV_Tillya_Tepe&usg=AFQjCNF1klboVb18BCurHIPX_iRxWq72bg (дата обращения: 02.12.2018).
Pfeiler I. 1977.Der Thron der Achaimeniden als Herrschaftssymbol auf sasanidischen Münzen. *Schweizer Münzblätter* 23—27 (1973—1977), 107—111.
Pfrommer M. 1993. *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections*. Malibu:The J. Paul Getty Museum.
Pharmakovsky B. 1907. Archäologische Funde im Jahre 1906. Südrußland. *Archäologischer Anzeiger*, 126—153.
Pharmakowsky B. 1909. Olbia 1901—1908. Fouilles et trouvailles. *ИАК*. Вып. 33. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 103—137.
Pierides A. 1971. *Jewellery in the Cyprus Museum*. Nicosia: Dept. of Antiquities (Department of Antiquities. Picture. Bk. 5.).
Porada E. 1967a. Battlements in the Military Architecture and in the Symbolism of the Ancient Near East. In: Fraser D., Hibbard H., Lewine M.J. (eds.). *Essays Presented to Rudolf Wittkower on his Sixty-fifth Birthday*. Vol. 1. London: Phaidon Press, 1—12.
Porada E. 1967b. Of deer, bells and pomegranates. *IrAnt* VII.2, 99—120.
Potts D. T. 2011. Indianesque Ivories in Southeastern Arabia. In: Lippolis C., de Martino S. (eds.). *Un impaziente desideriodi scorrere il mondo. Studi in onore di Antonio Invernizzi per il suo settantesimo compleanno*. Firenze: Le Lettere, 335—344 (Monografie di Mesopotamia XIV).
Raev B.A. 1979. Metal Vessels from «Hohlač» (Novocherkassk). In: *Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du Ve Colloque international sur les bronzes antiques, Lausanne, 8-13 mai 1978*. Lausanne: Diffusion de Boccard, 235—240 (Cahiers d'archéologie romande 17).
Raev B.A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports (BAR International Series 278).
Rahbar M., Alibaigi S., Haerinck E., Overlaet B. 2014. In Search of the Laodike Temple at Laodikeia in Media / Nahavand, Iran. *IrAnt* XLIX, 301—329.
Rapin C.1992. *La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum*. Paris: Diffusion de Boccard (Fouilles d'Aï Khanoum 8; MDAFA 33).
Rapin C.1996. *Indian Art from Afghanistan. The Legend of Shakuntalâ and the Indian Treasure of Eucratides at Ai Khanum*. New Delhi: Centre de Sciences Humaines.
Rasmussen T. 1991. Corinth and the Orientalising Phenomenon. In: Rasmussen T., Spivey N. (eds.). *Looking at Greek Vase*s. Cambridge: Cambridge University Press, 57—78.
Rostovtzeff M.I. 1936. The Sarmatae and Parthians. *CAH* XI, 91—130.
Rostowzew M.I. 1931. *Skythien und der Bosporus*. Berlin: H. Schoetz & Co. GmbH.
Rudenko S.I. 1962. *Die Sibirische Sammlung Peters* I. Moskau; Leningrad: Akademie der Wissenschaften der UdSSR (Sammlung archäologischen Quellen D3-9).
Rütti B. 1991.Early enamelled Glass. In: Newby M., Painter K. (eds.). *Roman glass:Two Centuries of Art and Invention*. London: Society of Antiquaries of London, 122—136 (Occasional Papers from the Society of Antiquaries of London 13).
Rütti B. 2003. Les verres peints du haut empire Romain: Centres de production et de diffusion. In: Foy D., Nenna M.-D. (eds.). *Echanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l'Association Francaise pour l'Archeologie du Verre, Aix-en-Provence et Marseille, 7-9 juin 2001*. Montagnac: Editions Monique Mergoil, 349—357 (Monographie Instrumentum 24).
Sarianidi V.I. 1985. *Baktrisches Gold*. Leningrad: Aurora.
Schottky M. 1991. Parther, Meder und Hyrkaner. Eine Untersuchung der dynastischen und geographischen Verpflechtungen im Iran des 1. Jhs. n. Chr. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 24, 61—134.
Ščukin M., Bažan I. 1995. L'origine du style cloisonné de l'époque des grandes migrations. In: Vallet F., Kazanski M. (eds.). *Lanoblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle.* Condé-sur-Noireau: Rouen AFAM Société des amis du Musée des antiquités nationales, 63—75.
Sellwood D. 1980. *An Introduction to the Coinage of Parthia.* 2nd ed. London: Spink & Son.
Shenkar M. 2017. The Head-Dress of the Tillya Tepe «Prince». *ACSS* 23.1,151—183.
Simpson St.J. 2015. Sasanian Glassware from Mesopotamia, Gilan, and the Caucasus. *Journal of Glass Studies* 57, 77—96.

Skvorcov N., Skripkin A. 2006. Eine sarmatische Adelbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *Eurasia antiqua* 12, 251—267.

Tadmor M. 1974. Fragments of Achaemenid Throne from Samaria. *Israel Exploration Journal* 24, 37—43.

Tasmagambetov I. 2003. *The Centaurs of the Great Steppe. The Art Culture of Ancient Nomads*. Almaty: SF «Berel».

Toll N. 1943. *The Green-Glazed Pottery*. New Haven: Yale Univ. Press (Excavations at Dura-Europos. Final Report IV. Pt. 1. Fs. 1).

Toll N. 1946. The Necropolis. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935—1936. New Haven: Yale University Press (Excavations at Dura Europos. Pt. II).

Treister M. 1999. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae). In: Tsetskhladze G.R. (ed.). *Ancient Greeks West and East*. Leiden: E.J. Brill, 567—605.

Treister M. 2001. A Portrait of a Parthian King on an Ivory Dagger Handle from Sarmatian Burial in the Lower Don Basin. *Silk Road Art and Archaeology* 7, 37—51.

Treister M. 2004a. Eastern Jewellery in Sarmatian Burials and Eastern Elements in the Jewellery Production of the North Pontic Area in the 1st Century AD. *IrAnt* 39, 297—321.

Treister M. 2004b. Silver Vessels from the Khokhlach barrow. In: Museteanu C. (ed.). *Acts of the XVIth International Congress on Antique Bronzes, Bucharest, 26-31 May, 2003*. Bucharest: National Archaeological Museum, 451—467.

Treister M. 2005. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the «Ampsalakos School». *ACSS* 11.3—4, 199—255.

Treister M. 2012. Silver Phalerae with a Depiction of Bellerophon and the Chimaira from a Sarmatian Burial in Volodarka (Western Kazakhkstan). A Reappraisal of the Question of the so-called Graeco-Bactrian style in Hellenistic Toreutics. *ACSS* 18.1, 51—109.

Treister M. 2013a.Gepaypyris II? Once More about a Silver Plate from Neapolis Skythike. *ACSS* 19.1, 33—83.

Treister M. 2013b. Nomaden an der Schnittstelle von transeurasischen Karawanenrouten (Importobjekte aus den spätsarmatischen Gräbern von Lebedevka). In: Stöllner T., Samašev Z. (Hrsg.). *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Bochum: Deutsches Bergbaumuseum, 733—748.

Treister M. 2017. Parthian Imports in the Asian Sarmatia (2nd—1st Centuries BC). In: *Contact Zones of Europe from the 3rd mill. BC to the 1st mill. AD. Preliminary Publication of Conference Proceedings. Moscow, 29 September — 2 October, 2017*, 151—160. URL: http://igh.ru/system/publications/texts/000/000/107/original/b0e0b97415fd11d2142d72ada70babb27cefdac9.pdf?1506432949 (дата обращения: 02.12.2018).

Treister M. 2018. Hellenistic Phalerae from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia. *The Art of the Orient* 7 *(Art and Religions in Pre-Islamic Central Asia, Krakow, October 24—26, 2016)* (в печати).

von Saldern A. 2004. *Antikes Glas*. München: C.H. Beck (Handbuch der Archäologie).

Whitehouse D. 1997—2001. *Roman Glass in the Corning Museum of Glass*. 1—2. Corning: Corning Museum of Glass.

Whitehouse D. 2012. The Glass from Begram. In: Aruz J., Valts Fino E. (ed.). *Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 54—63.

Winkelmann S. 2003. Eurasisches in Hatra? Ergebnisse und Probleme bei der Analyse partherzeitlicher Bildquellen. In: *Mitteilungen des SFB 586 «Differenz und Integration»* 4/1, 21—140.

Winkelmann S. 2006. Waffen und Waffenträger auf parthischen Münzen. *Parthica* 8, 131—152.

Yatsenko S.A. 2013. Some Notes on Parthian Costume Studies. *Parthica* 15, 117—125.

References

Aleman', A. 2003. *Alany v drevnih i srednevekovyh pis'mennyh istochnikah (Alans in Ancient and Medieval Written Sources)*. Moscow: “Menedzher” Publ. (in Russian).

Amirov, E.Sh., Sejtkaliev, M.K. 2017. In *Stratum plus* 3, 329—334 (in Russian).

Anfimov, N.V. 1987. *Drevnee zoloto Kubani (Ancient Gold of Kuban)*. Krasnodar: “Krasnodarskoe knizhnoe izdatelstvo” (in Russian).

Apakidze, A.M., Gobedzishvili, G.F., Kalandadze, A.N., Lamtatidze, G.A. 1958. *Mcheta. Itogi arheologicheskih issledovanij (Mtskheta. Results of Archaeological Research)*. Vol. I. *Arheologicheskie pamjatniki Armazis-Hevi po raskopkam 1937—1946 gg. (Archaeological Mmonuments of Armazis-Khevi after the Excavations of 1937—1946)*. Tbilisi: “AN Gruz. SSR” (in Russian).

Arsen'eva, T.M., Bezuglov, S.I., Tolochko, I.V. 2001. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981—1995 gg. (Necropolis of Tanais. 1981—1995 Excavations)*. Moscow: “Paleograf” Publ. (in Russian).

Arheologicheskoe nasledie (Archaeological Heritage). 2013. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Volgogradskoj oblasti. K 100-letiju Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja (The archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Local Lore Museum)*. Volgograd: “Izdatel”” Publ. (in Russian).

Bazhan, I.A., Shhukin, M.B. 1990. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 30, 83—96 (in Russian).

Balanovskij, A.V., Tihonov, V.V. 2009. *Pogrebenie znatnoj sarmatki iz kurgannogo mogil'nika "Gorelyj I" (The Burial of a noble Sarmatian Woman from the Burial-mound "Gorely I")*. In: Vorotnikov, A.A. *Nasha malaja Rodina: ee istorija, razvitie, problemy (Our Small Homeland: its History, Development, Problems)*. Balashov: "Nikolaev" Publ., 8—22 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2000. In: Guguev, Ju. K. (ed.). *Sarmaty i ih sosedi na Donu. Materialy i issledovanija po arheologii Dona (Sarmatians and their Neighbors on the Don. Materials and Studies in the Archaeology of the Don Basin)*. Iss. 1. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 169—192 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2017. In *Vestnik Tanaisa (Bulletin of Tanais)* 4, 84—127 (in Russian).

Bezuglov, S.I., Zaharov, A.B. 1989. In *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya (Reports of Rostov-on-Don Local Lore Museum)* 6, 42—66 (in Russian).

Belousov, A.V., Vinokurov, N.I., Treister, M.Ju. 2017. In: Kostromichev, D.A. (ed.). *Antichnye relikvii Hersonesa: otkrytija, nahodki, teorii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sevastopol', 10-12 oktjabrja 2017 goda (Antique Relics of Chersonesos: Discoveries, Finds, Theories: Materials of the International Scientific Conference. Sevastopol, October 10-12, 2017)*. Sevastopol: "A.A. Brovko" Publ., 31—38 (in Russian).

Belousov, A.V., Treister, M.Ju. 2018. In *Aristeas* XVIII, 92—128 (in Russian).

Berlizov, N.E. 1997. In *Istoriko-arheologicheskij al'manah (Historical and Archaeological Almanac)* 3, 41—54 (in Russian).

Berlizov, N.E. 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Juzhnoj Rossii v VII v. do n.je. — V v. n.je. (Rhythms of Sarmatia. Sauromato-Sarmatian Tribes of Southern Russia in the 7th c. BCE — 5th c. CE)*. Krasnodar: "Parabellum" Publ. (in Russian).

Bespalyj, G.E. 2014. *Vystavka "Novye otkrytija v Tanaise". Buklet (Exhibition "New Discoveries in Tanais". Booklet)*. Tanais: "Arheologicheskij muzej zapovednik" (in Russian).

Bespalyj, E.I. 1985. In *Sovetskaja arheologija (Soviet Archaeology)* 4, 163—172 (in Russian).

Bespalyj, E.I. 1992. In *Sovetskaja arheologija (Soviet Archaeology)* 1, 175—190 (in Russian).

Vajnberg, B.I. 1992. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Stepnaja polosa aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremja (Steppe Belt of the Asian part of the USSR in the Scytho-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 116—122 (Arheologija SSSR) (in Russian).

Vasil'ev, V.N. 2013. In *Ufimskij arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Journal)* 13, 63—67 (in Russian).

Vinogradov, Ju.G. 1994. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 2, 151—170 (in Russian).

Vnukov, S.Ju. 2003. *Prichernomorskie amfory I v. do n.je. — II v. n.je. (Pontic Amphoras 1st c. BCE — 2nd c. CE)*. Pt. I. *Morfologija (Morphology)*. Moscow. "Nauka" Publ. (in Russian).

Vnukov, S.Ju. 2006. *Prichernomorskie amfory I v. do n.je. — II v. n.je. (Pontic Amphoras 1st c. BCE — 2nd c. CE)*. Pt. II. *Petrografija, hronologija, problemy torgovli (Petrography, Chronology, Problems of Trade)*. Saint Petersburg: "Aletejja" Publ. (in Russian).

Vnukov, S.Ju. 2016. In *Rossijskaja arheologija (Russian Archaeology)* 2, 36—47 (in Russian).

Voronjatov, S.V. 2009. In: Furas'ev, A.G. (ed). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoj i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between Volga and Danube)*. Saint Petersburg: "Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU", 80—98 (in Russian).

Gabuev, T.A. 1999. *Rannjaja istorija alan (po dannym pis'mennyh istochnikov) (Early History of the Alans (according to Written Sources))*. Vladikavkaz: "Iriston" Publ. (in Russian).

Goldina, E.V., Goldina, R.D. 2010. In: Goldina, E.V. *Busy mogil'nikov nevolinskoj kul'tury (konec IV—IX vv.) (Beads of the Burial-grounds of the Nevolino Culture (Late 4th — 9th Centuries))*. Izhevsk: "Udmurtskij gosudarstvennyj universitet", 156—260 (in Russian).

Goldina, E.V., Krasnoperov, A.A. 2012. *Nyrgyndinskij I mogil'nik II—III vv. na Srednej Kame (Nyrgynda 1st Burial-ground of the 2nd — 3rd Centuries on Middle Kama)*. Izhevsk: "Udmurtskij universitet" (Materials and research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition 22) (in Russian).

Goldina, R.D., Bernts, V.A. 2016. In *Povolzhskaja arheologija (The Volga River Region Archaeology)* 3(17), 17—58 (in Russian).

Gudimenko, I.V. 1990. In: Maksimenko, V.E. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 1989 godu (Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 1989)*. Iss. 9. Azov: "Azovskij kraevedcheskij muzej", 5—15 (in Russian).

Gutnov, F.H. 2001. *Rannie alany. Problemy jetnosocial'noj istorii (Early Alans. Problems of ethnosocial History)*. Vladikavkaz: "Ir" Publ. (in Russian).

Gushchina, I.I., Zasetskaja, I.P. 1989. In: Abramova, M.P. (ed.). *Arheologicheskie issledovanija na juge Vostochnoj Evropy (Archaeological Research in the South of Eastern Europe)*. Moscow: "GIM", 71—141 (Proceedings of the State Historical Museum 70) (in Russian).

Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1993. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 3, 141—179 (in Russian).

Dedjul'kin, A.V. 2015. In *Vostok (Oriens)* 5, 127—136 (in Russian).

Dumberg, K. 1901. In: *Izvestiya Imperatorskoy Arheologicheskoy komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)*. Iss. 1. Saint Petersburg: "Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov", 94—103 (in Russian).

D'jachenko, A.N., Mejb, E., Skripkin, A.S., Klepikov, V.M. 1999. In *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2, 93—126 (in Russian).

D'jachenko, A.N., Skripkin, A.S., Moiseev, V.I. 2017. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Materialy po arheologii Volgo-Donskih stepej (Materials in the Archaeology of the Volga-Don Steppes)*. Iss. 4. Volgograd: "Volgogradskij institut upravlenija", 8—82 (in Russian).

Zhelezchikov, B.F. 1998. *Arheologicheskie pamjatniki Ural'skoj oblasti (Archaeological Monuments of the Ural Region)*. Volgograd: "Volgogradskij gosudarstvennyj universitet" (in Russian).

Zhelezchikov, B.F., Poroh, V.N. 1993. In: Ageev, B.B. (ed.). *Hronologija pamjatnikov Juzhnogo Urala (Chronology of the Monuments of the Southern Urals)*. Ufa: "UNC RAN", 88—92 (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2010. *Krasnolakovaja keramika Jugo-Zapadnogo Kryma pervyh vekov n.je. (po materialam pozdneskifskih nekropolej Bel'bekskoj doliny) (Red-slip Pottery of the South-Western Crimea of the First Centuries CE (based on Materials of the Late Scythian Necropoleis of the Belbek Valley))*. Simferopol: "BF Demetra". (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Supplementum 9) (in Russian).

Zav'jalov, V.I., Rozanova, L.S., Terehova, N.N. 2012. In *Rossijskaja arheologija (Russian Archaeology)* 1, 82—89.

Zasetskaja, I.P. 1979. In *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha (Proceedings of the State Hermitage)* XX, 87—113 (in Russian).

Zasetskaja, I.P. 2008. In: *Sokrovishha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiju so dnja rozhdenija B.B. Piotrovskogo. Gosudarstvennyj Jermitazh, Azovskij istoriko-arheologicheskij i paleontologicheskij muzej-zapovednik (Treasures of the Sarmatians. Catalogue of the Exhibition. To the 100th Anniversary of the Birth of B.B. Piotrovsky. State Hermitage, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve)*. Saint Petersburg; Azov: "Azovskij istoriko-arheologicheskij i paleontologicheskij muzej-zapovednik", 29—43 (in Russian).

Zasetskaja, I.P. 2010a: In *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 11, 114—129 (in Russian).

Zasetskaja, I.P. 2010b. In: *Antichnoe nasledie Kubani (Antique Heritage of the Kuban)*. Vol. 3. Moscow: "Nauka" Publ., 276—292 (in Russian).

Zasetskaja, I.P. 2011. *Sokrovishha kurgana Hohlach. Novocherkasskij klad (Treasures of Burial-mound Hohlach. Novocherkassk treasure)*. Saint Petersburg: "Gosudarstvennyj Jermitazh" Publ. (in Russian).

Zasetskaja, I.P. 2012a. In: *Zoloto, kon' i chelovek. Sbornik statej k 60-letiju Aleksandra Vladimirovicha Simonenko (Gold, Horse and Human Being. Collection of the Articles for the 60th Anniversary of Alexander Vladimirovich Simonenko)*. Kiev: "Izdatel' Oleg Filjuk" Publ., 353—383 (in Russian).

Zasetskaja, I.P. 2012b. In: Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. (eds.). *Evrazija v skifo-sarmatskoe vremja. Pamjati Iriny Ivanovny Gushhinoj (Eurasia in the Scytho-Sarmatian Period. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina)*. Moscow: "GIM", 82—90 (Proceedings of the State Historical Museum 191) (in Russian).

Zasetskaja, I.P. 2012s. In *Scripta antiqua* 2, 102—132 (in Russian).

Zasetskaja, I.P. 2015a. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection Articles on the Archaeology the State Hermitage)* 40, 189—231 (in Russian).

Zasetskaja, I.P. 2015b. In: Luk'jashko, S.I. (ed.). *Vojna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj pamjati A.I. Meljukovoj (Kagal'nik, 26-29 aprelja 2014 g.) (War and Military Practice in the Scytho-Sarmatian World: Materials of the International Scientific Conference dedicated to the Memory of A.I. Melukova (Kagalnik, April 26-29, 2014))*. Rostov-on-Don: "JuNC RAN", 101—118 (in Russian).

Zasetskaja, I.P. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta (Science Journal of Volgograd State University)*. Series 4. *Istorija. Regionovedenie*. Mezhdunarodnye otnoshenija *(History. Regional Studies. International Relations)* 23.3, 126—137 (in Russian).

Zasetskaja, I.P., Marchenko, I.I. 1995. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 32, 90—104 (in Russian).

Zasetskaja, I.P., Minasjan, R.S. 2008. In: *Sokrovishha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiju so dnja rozhdenija B.B. Piotrovskogo. Gosudarstvennyj Jermitazh, Azovskij istoriko-arheologicheskij i paleontologicheskij muzej-zapovednik (Treasures of the Sarmatians. Catalogue of the Exhibition. To the 100th Anniversary of the Birth of B.B. Piotrovsky. State Hermitage, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve)*. Saint Petersburg; Azov: "Azovskij istoriko-arheologicheskij i paleontologicheskij muzej-zapovednik", 44—52 (in Russian).

Il'jukov, L.S. 1994. In *Vestnik Tanaisa (Bulletin of Tanais)* 1, 198—215 (in Russian).

Il'jukov, L.S. 2000. In *Donskaja arheologija (Don Archaeology)* 3—4, 133—135 (in Russian).

Gabuev, T.A. 2005. *Alanskij vsadnik. Sokrovishha knjazej I—XII vekov (Alan Horseman. Princely Treasures of the 1st — 12th cc.)*. Moscow: "GMINV" (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2008: *Sokrovishha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiju so dnja rozhdenija B.B. Piotrovskogo. Gosudarstvennyj Jermitazh, Azovskij istoriko-arheologicheskij i paleontologicheskij muzej-zapovednik (Treasures of the Sarmatians. Catalogue of the Exhibition. To the 100th Anniversary of the Birth of B.B. Piotrovsky. State Hermitage, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve)*. Saint Petersburg; Azov: "Azovskij istoriko-arheologicheskij i paleontologicheskij muzej-zapovednik" (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2009: Butjagin, A.M. (ed.). *Tajna zolotoj maski. Katalog vystavki. Gosudarstvennyj Jermitazh (The Secret of the Golden Mask. Catalogue of the Exhibition. State Hermitage).* Saint Petersburg: "Gosudarstvennyj Jermitazh" Publ. (in Russian).

Kinzhalov, R.V. 1961. In *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha (Proceedings of the State Hermitage)* V, 51—63 (in Russian).

Klejn, L.S. 1979. In: Boruhovich, V.G. (ed.). *Antichnyj mir i arheologija (Antique World and Archaeology)* 4, 204—221 (in Russian).

Klejn, L.S. 2016. *Pervyj vek: sokrovishha sarmatskih kurganov (First Century: the Treasures of the Sarmatian Burial-mounds)*. Saint Petersburg: "Evrazija" Publ. (in Russian).

Korol'kova, E.F. 2003. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 36, 28—59 (in Russian).

Korol'kova, E.F. 2012. In: Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. (eds.). *Evrazija v skifo-sarmatskoe vremja. Pamjati Iriny Ivanovny Gushhinoj (Eurasia in the Scytho-Sarmatian Period. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina)*. Moscow: "GIM", 134—143 (Proceedings of the State Historical Museum 191) (in Russian).

Kostromichjov, D.A. 2015. In *Stratum plus* 4, 299—356 (in Russian).

Krasnopjorov, A.A. 2011. In: Bejsenov, A.Z. (ed.). *Arheologija Kazahstana v jepohu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the Era of Independence: Results, Perspectives)*. Vol. 2. Almaty: "Institut arheologii im. A.H. Margulana", 228—238 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2015. In: Luk'jashko, S.I. (ed.). *Vojna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj pamjati A.I. Meljukovoj (Kagal'nik, 26-29 aprelja 2014 g.) (War and Military Practice in the Scytho-Sarmatian World: Materials of the International Scientific Conference dedicated to the Memory of A.I. Melukova (Kagalnik, April 26-29, 2014))*. Rostov-on-Don: "JuNC RAN", 183—204 (in Russian).

Krivosheev, M.V., Skripkin, A.S. 2006. In *Rossijskaja arheologija (Russian Archaeology)* 1, 124—136 (in Russian).

Krivosheev, M.V.2007. In: Jablonskij, L.T., Tairov, A.D. (eds.). *Vooruzhenie sarmatov. Regional'naja tipologija i hronologija. Doklady k VI Mezhdunarodnoj konferencii "Problemy sarmatskoj arheologii i istorii" (The Arms of the Sarmatians. Regional Typology and Chronology. Reports to the 6th International Conference)*. Cheljabinsk: "JuUrGU", 65—70 (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1970. *Rimskie importnye izdelija v Vostochnoj Evrope (II v. do n.je. — V v. n.je.) (Roman Imports in Eastern Europe (2nd c. BCE — 5th c. CE))*. Moscow: "Nauka" Publ. (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoj jepohi (Fibulae of Sarmatian Era)*. Kiev: "ADEF—Ukraina" (in Russian).

Kuznetsov, V.A. 1992. *Ocherki istorii alan (Essays in the History of Alans)*. Vladikavkaz: "Ir" (in Russian).

Kulakovskij, Ju.A. 2000. *Izbrannye trudy po istorii alanov i Sarmatii (Selected Works on the History of Alans and Sarmatia)*. Saint Petersburg: "Aletejja" (in Russian).

Lagotskij, K.S. 1973. Otchet o rabote pervogo Manychskogo otrjada Donskoj jekspedicii v 1972 g. Leningrad. Moscow. Arhiv IA RAN. F. R-1. No. 5240 (in Russian).

Levina, L.M. 1994. *Dzhetyasarskaja kul'tura. Mogil'niki Altynasar 4 (Dzhetyasar Culture. Cemeteries of Altynasar 4)*. Moscow: "Institut jetnologii i antropologii RAN" (The Lower Reache of the Syr Darya in Ancient Times IV) (in Russian).

Levina, L.M. 1996. *Jetnokul'turnaja istorija Vostochnogo Priaral'ja. I tysjacheletie do n.je. — I tysjacheletie n.je (Ethnocultural History of Eastern Periphery of Aral. 1st Millennium BCE — 1st Millennium CE)*. Moscow: "Vostochnaja literatura" Publ. (in Russian).

Lee Ji Eun. 2010. Chinese Imports in the Monuments of the South of Russia (I Century BCE — III Century CE). PhD Thesis. Rostov-on-Don.

Livshits, V.A. 2002. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 2, 43—56 (in Russian).

Litvinskij, B.A. 1978. *Orudija truda i utvar' iz mogil'nikov Zapadnoj Fergany (Tools and Utensils from Necropoleis of Western Fergana)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lukonin, V.G. 1977. *Iskusstvo Drevnego Irana (Art of Ancient Iran)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Luk'jashko, S.I. 2000. In *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 3, 163—171 (in Russian).

Lunin, B.V. 1939. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 3(8), 210—223 (in Russian).

Lunin, B.V. 1940. In *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya (Reports of the Rostov Local Lore Museum)* 2, 1940, 27—49 (in Russian).

Ljubchanskij, I.Je. 2009. In *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Chelyabinsk State University)* 41(179). *Istorija (History)* 38, 11—18 (in Russian).

Malashev, V.Ju. 2013. Late Sarmatian Culture of the Southern Urals in 2nd — 3rd cc. CE. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

Malashev, V.Ju. 2014. In *Ufimskij arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 14, 130—140 (in Russian).

Malashev, V.Ju., Jablonskij, L.T. 2008. *Stepnoe naselenie Juzhnogo Priural'ja v pozdnesarmatskoe vremja (po materialam mogil'nika Pokrovka 10) (Steppe Population of the Southern Urals in the Late Sarmatian Period*

(according to Materials from the Pokrovka 10 Burial-ground)). Moscow: “Vostochnaja literatura” Publ. (in Russian).

Mastykova, A.V. 2007. In: Kozenkova, V.I., Malashev, V.Ju. (eds.). *Severnyj Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke. Sbornik pamjati M.P. Abramovoj (The North Caucasus and the World of Nomads in the Early Iron Age. Collection of Articles to the Memory of M.P. Abramova)*. Moscow: “Institut arheologii RAN”; “Taus” Publ., 472—490 (Materials and Research in Archaeology of Russia 8) (in Russian).

Matjushchenko, V.I., Tataurova, L.V. 1997. *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e (Burial-ground Sidorovka in the Omsk Region of the Irtysh Basin)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Machabeli, K. 1976. *Pozdneantichnaja torevtika Gruzii (Late Antique Toreutics of Georgia)*. Tbilisi: “Mecniereba” Publ. (in Russian).

Machabeli, K. 1983. *Serebro drevnej Gruzii (Silver of Ancient Georgia)*. Tbilisi: “Helovneba” Publ. (in Russian).

Medvedeva, M.V., Sharov, O.V. 2017. In: Goroncharovskij, V.A. (ed.). *Rossijskie arheologi XIX — nachala XX v. i kurgannye drevnosti Evropejskogo Bospora (Russian Archaeologists of the 19th — Early 20th Century and Kurgan Antiquities of European Bosporus)*. Saint Petersburg: “RHGA” Publ., 96—124 (in Russian).

Meshcherjakov, D.V. 1999. Otchet o raskopkah kurgannogo mogil'nika Krasnyj Jar v Ilekskom rajone i razvedkah v Sharlykskom i Oktjabr'skom rajonah v 1999 godu po Otkrytomu listu No. 420. Orenburg. Arhiv OGPU (in Russian).

Minasjan, R.S. 2014. *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e (Metalworking in Antiquity and the Middle Ages)*. Saint Petersburg: “Gosudarstvennyj Jermitazh” Publ. (in Russian).

Morgunova, N.L. 1996. In: Morgunova N.L. (ed.). *Arheologicheskie pamjatniki Orenburzh'ja (Archaeological Sites of the Orenburg Region)*. Orenburg: “Dimur” Publ., 8—43 (in Russian).

Morgunova, N.L., Meshcherjakov, D.V. 2012. In: Morgunova, N.L. (ed.). *Arheologicheskie pamjatniki Orenburzh'ja (Archaeological Sites of the Orenburg Region)* 10. Orenburg: “OGPU”, 211—218 (in Russian).

Mordvinceva, V.I., Zdanovich, G.B, Tairov, A.D. 1997. In *Rossijskaja arheologija (Russian Archaeology)* 4, 176—180 (in Russian).

Mordvinceva, V.I. 2000. In *Rossijskaja arheologija (Russian Archaeology)* 1, 144—153 (in Russian).

Mordvintseva, V.I. 2003. *Polihromnyj zverinyj stil' (Polychrome Animal Style)*. Simferopol: “Universum” Publ. (in Russian).

Mordvintseva, V.I. 2007. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Ju. *Proizvedenija torevtiki i juvelirnoe iskusstvo v Severnom Prichernomor'e (2 v. do n.je. — 2 v. n.je.) (Items of Toreutics and Jewelry Art in the Northern Black Sea Region (2nd c. BCE — 2nd c. CE))*. Vol. I. Simferopol; Bonn: “Tarpan” Publ., 195—244 (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Treister, M.Ju. 2007. *Proizvedenija torevtiki i juvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.je. — II v. n.je. (Items of Toreutics and Jewelry Art in the Northern Black Sea Region (2nd c. BCE — 2nd c. CE))*. Vol. II. Simferopol; Bonn: “Tarpan” Publ. (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Khabarova, N.V. 2006. *Sarmatskoe zoloto. Juvelirnye ukrashenija i predmety torevtiki sarmatskogo vremeni iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja (Sarmatian Gold. Jewelry and Toreutics Objects of Sarmatian Period from the Depots of the Volgograd Regional Local Lore Museum)*. Simferopol: “Tarpan” Publ. (in Russian).

Moshkova, M.G. 1978. In: Kozenkova, V.I., Krasnov, Ju.A., Rozenfeldt, I.G. (eds.). *Voprosy drevnej i srednevekovoj arheologii Vostochnoj Evropy (Problems of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Moscow: “Nauka” Publ., 71—77 (in Russian).

Moshkova, M.G., Demidenko, S.V. 2010. In: Gerasimova, M.M., Malashev, V.Ju., Moshkova, M.G. (eds.). *Arheologija i paleoantropologija evrazijskih stepej i sopredel'nyh territorij (Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Moscow: “Taus”, 254—261 (Materials and Research in Archaeology of Russia 13) (in Russian).

Mys'kov, E.P., Kijashko, A.V., Skripkin, A.S. 1999. In *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2, 149—167 (in Russian).

Nikonorov, V.P. 2000. In: Rtveladze, Je.V., Il'jasov, Dzh. (eds.). *Materialy Toharistanskoj jekspedicii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 1. *Arheologicheskie issledovanija Kampyrtepa (Archaeological Research of Kampyrtepa)*. Tashkent: “SAN‘AT” Publ., 131—138 (in Russian).

Otchet imperatorskoj arheologicheskoj komissii za 1889 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1889). 1902. Saint Petersburg: “Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk” (in Russian).

Otchet imperatorskoj arheologicheskoj komissii za 1906 g. (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1906)*. 1909. Saint Petersburg: “Tipografija Glavnogo upravlenija udelov” (in Russian).

Otchet imperatorskoj arheologicheskoj komissii za 1909 i 1910 gg. (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1909 and 1910*). 1913. Saint Petersburg: “Tipografija Glavnogo upravlenija udelov” (in Russian).

Ochir-Gorjaeva, M.A., Sergackov, I.V. 2012. In: *Evrazija v skifo-sarmatskoe vremja. Pamjati Iriny Ivanovny Gushhinoj (Eurasia in the Scytho-Sarmatian Period. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina)*. Moscow: “GIM”, 195—200 (*Proceedings of the State Historical Museum* 191) (in Russian).

Panov, A.R. 2008. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 4, 195—204 (in Russian).

Pastushenko, I.Ju., Bernts, V.A. 2008. In *Finno-Ugrica* 11, 12—23 (in Russian).

Perevalov, S.M. 2006. In: Marinovich, L.P. (ed.). *Antichnaja civilizacija i varvary (Ancient Civilization and the Barbarians)*. Moscow: “Nauka” Publ., 318—335 (in Russian).

Perevalov, S.M. 2014. In *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra RAN (Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* 14.2, 1—9 (in Russian).

Perevozchikova, S.A. 2009. In *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Chelyabinsk State University)* 37(175). *Istorija (History)* 36, 5—12 (in Russian).

Pilipko, V.N. 2001. *Staraja Nisa. Osnovnye itogi arheologicheskogo izuchenija v sovetskij period (Old Nisa. The Main Results of the Archaeological Study during the Soviet Period)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Pilipko, V.N. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1(27), 103—115 (in Russian).

Pridik, E.M. 1914. In *Materialy po arheologii Rossii (Materials in the Archaeology of Russia)* 34, 94—110 (in Russian).

Pugachenkova, G.A. 1959. In *Sovetskaja arheologija (Soviet Archaeology)* 2, 70—84 (in Russian).

Pugachenkova, G.A. 1969. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 1, 161—171 (in Russian).

Puzdrovskij, A.E. 2007. *Krymskaja Skifija. II v. do n.je. — III v.n.je. Pogrebal'nye pamjatniki (Crimean Scythia. 2nd c. BCE — 3rd c. CE. Funerary Monuments)*. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).

Raev, B.A. 1978. In: Stoljar, A.D. (ed.). *Problemy arheologii (Problems of Archaeology)*. Iss. 2. Leningrad: “LGU”, 89—94 (in Russian).

Raev, B.A. 1992. In: Mozolevskij, B.N. (ed.). *Kimmerijcy i skify. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii pamjati A.I. Terenozhkina (Cimmerians and Scythians. Abstracts of the International Conference in Memory of A.I. Terenozhkin)*. Melitopol: “Institut arheologii AN Ukrainy”, 78—79 (in Russian).

Raev, B.A., Yatsenko, S.A. 1993. In: Raev, B.A. (ed*.). Skifija i Bospor (materialy konferencii pamjati akademika M.I. Rostovceva) (Scythia and Bosporus (Materials of the Conference in Memory of Academician M.I. Rostovtzeff))*. Novocherkassk: “Muzej istorii donskogo kazachestva”, 111—125 (in Russian).

Rapoport, Ju.A., Nerazik, E.E., Levina, L.M. 2000. *V nizov'jah Oksa i Aksarta. Obrazy drevnego Priaral'ja (In the Lower Reaches of Oxus and Axartes. Images of Ancient Aral Region)*. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).

Rapjen, K., Isamiddinov, M., Hasanov, M. 2014. In: Frankfor, A.-P. (ed.). *Arheologija i istorija Central'noj Azii v trudah francuzskih uchenyh (Archaeology and History of Central Asia in the Works of French Scientists)*. Vol. II. Samarkand: “MICAI” Publ., 70—116 (in Russian).

Rostovtzeff, M.I. 1918. *Kurgannye nahodki Orenburgskoj oblasti jepohi rannego i pozdnego jellinizma (Kurgan Finds of the Orenburg Region of the Early and Late Hellenistic Era)*. Petrograd: “Devjataja gosudarstvennaja tipografija” (Materials on the archaeology of Russia 37) (in Russian).

Samashev, Z., Dzhumabekova, G., Bazarbaeva, G., Ongar, A. 2007. *Drevnee zoloto Kazahstana (Ancient Gold of Kazakhstan)*. Almaty: “Oner” Publ. (in Russian).

Saprykin, S.Ju. 1996. *Pontijskoe carstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e (The Pontic Kingdom. The State of the Greeks and the Barbarians in the Black Sea Littoral)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Saprykin, S.Ju. 2002. *Bosporskoe carstvo na rubezhe dvuh jepoh (The Kingdom of Bosporus at the Turn of Two Epochs)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Seitov, M. 2013. In: Tairov, A.D., Ivanova, N.O. (eds.). *Jetnicheskie vzaimodejstvija na Juzhnom Urale (Ethnic Interactions in the South Urals)*. Cheljabinsk: “Rifej” Publ., 193—200 (in Russian).

Sergatskov, I.V. 1989. In *Sovetskaja arheologija (Soviet Archaeology)* 3, 236—240 (in Russian).

Sergatskov, I.V. 1994. In: Tugan-Baranovskij, D.M. (ed.). *Problemy vseobshhej istorii. Materialy nauchnoj konferencii. Volgograd, sentjabr' 1993 (Problems of World History. Materials of a Scientific Conference. Volgograd, September 1993)*. Volgograd: “VolGU”, 19—29 (in Russian).

Sergatskov, I.V. 2006. In: Klepikov, V.M. (ed.). *Rannesarmatskaja i srednesarmatskaja kul'tury. Problemy sootnoshenija (Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Correlation Problems)*. Volgograd: “Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo”, 37—58 (in Russian).

Skvortsov, N.B., Skripkin, A.S. 2008. In *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9, 98—116 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1990. *Aziatskaja Sarmatija (Asian Sarmatia)*. Saratov: “Saratovskij universitet” (in Russian).

Skripkin, A.S. 2017. *Sarmaty (The Sarmatians)*. Volgograd: “VolGU” (in Russian).

Skripkin, A.S., Mys'kov, E.P. 2009. In: Makarov, N.A. (ed.). *Arheologicheskie otkrytija (Archaeological Discoveries)*. 1991—2004. *Evropejskaja Rossija (European Russia)*. Moscow: “Institut arheologii RAN”, 245—255 (in Russian).

Sokol'skij, N.I. 1954. In: Kobylina, M.M. (ed.) *Materialy i issledovanija po arheologii Severnogo Prichernomor'ja v antichnuju jepohu (Materials and Research in the Archaeology of the Northern Black Sea in Antiquity)*. Vol. II. Moscow: “AN SSSR”, 123—196 (Materials and Research in the Archaeology of the USSR 33) (in Russian).

Spitsyn, A.A. 1909. In: *Izvestiya Imperatorskoy Arheologicheskoy komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)*. Iss. 29. Saint Petersburg: “Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov”, 18—53 (in Russian).

Tairov, A.D. 2014. In *Ufimskij arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 14, 223—234 (in Russian).

Trever, K.V. 1940. *Pamjatniki Greko-Baktrijskogo iskusstva (Monuments of Greek-Bactrian Art)*. Moscow; Leningrad: "AN SSSR" (in Russian).

Trever, K.V. 1953. *Ocherki po istorii kul'tury drevnej Armenii (II v. do n.je. — IV v. n.je.) (Essays in the History of Culture of Ancient Armenia (2nd c. BCE — 4th c. CE))*. Moscow; Leningrad: "AN SSSR" (in Russian).

Trever, K.V. 1959. *Ocherki po istorii i kul'ture Kavkazskoj Albanii IV v. do n.je. — VII v. n.je. (Essays in the History and Culture of Caucasian Albania 4th c. BCE. — 7th c. CE)*. Moscow; Leningrad: "AN SSSR" (in Russian).

Treister, M.Ju. 1983. In *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 174, 117—124 (in Russian).

Treister, M.Ju. 1994. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 3, 172—203 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2000. In *Rossijskaja arheologija (Russian Archaeology)* 3, 118—124 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2001. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 1, 195—206 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2004. In: Zuev, V.Ju. (ed.). *Bosporskij fenomen. Problemy hronologii i datirovki pamjatnikov (Bosporan Phaenomenon. Problems of Chronology and Dating of Monuments)*. Pt. 1. Saint Petersburg: "Gosudarstvennyj Jermitazh" Publ., 247—258 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2005. In: Zuev, V.Ju. (ed.). *Bosporskij fenomen. Problema sootnoshenija pis'mennyh i arheologicheskih istochnikov (Bosporan Phaenomenon. The Problem of the Correlation of Written and Archaeological Sources)*. Saint Petersburg: "Gosudarstvennyj Jermitazh" Publ., 322—330 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2007a. In: Mordvinceva, V.I., Treister, M.Ju. *Proizvedenija torevtiki i juvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.je. — II v. n.je. (Items of Toreutics and Jewelry Art in the Northern Black Sea Region (2nd c. BCE — 2nd c. CE))*. Vol. I. Simferopol; Bonn: "Tarpan" Publ., 15—194 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2007b. In: Mordvinceva, V.I., Treister, M.Ju. *Proizvedenija torevtiki i juvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.je. — II v. n.je. (Items of Toreutics and Jewelry Art in the Northern Black Sea Region (2nd c. BCE — 2nd c. CE))*. Vol. I. Simferopol; Bonn: "Tarpan" Publ., 245—255 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2007c. In: Mordvinceva, V.I., Treister, M.Ju. *Proizvedenija torevtiki i juvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.je. — II v. n.je. (Items of Toreutics and Jewelry Art in the Northern Black Sea Region (2nd c. BCE — 2nd c. CE))*. Vol. I. Simferopol; Bonn: "Tarpan" Publ., 272—287 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2010a. In *Arheologicheskie vesti (Archaeological News)* 16, 72—94 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2010b. In: *Antichnoe nasledie Kubani (Antique Heritage of the Kuban)*. Vol. 2. Moscow: "Nauka" Publ., 534—598 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2011. In *Scripta antiqua* 1, 90—146 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2012b. In: Treister, M.Ju., Jablonskij, L.T. (eds.). *Vlijanija ahemenidskoj kul'tury v Juzhnom Priural'e (V—III vv. do n.je.) (Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals Region (5th — 3th cc. BCE))*. Vol. I. Moscow: "TAUS" Publ., 203—207 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2012c. In: Treister, M.Ju., Jablonskij, L.T. (eds.). *Vlijanija ahemenidskoj kul'tury v Juzhnom Priural'e (V—III vv. do n.je.) (Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals Region (5th — 3th cc. BCE))*. Vol. I. Moscow: "TAUS" Publ., 50—87.

Treister, M.Ju. 2012a. In: Treister, M.Ju., Jablonskij, L.T. (eds.). *Vlijanija ahemenidskoj kul'tury v Juzhnom Priural'e (V—III vv. do n.je.) (Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals Region (5th — 3th cc. BCE))*. Vol. I. Moscow: "TAUS" Publ., 134—167.

Treister, M.Ju. 2016. In: Luk'jashko, S.I. (ed.). *Antichnaja civilizacija i varvarskij mir Ponto-Kaspijskogo regiona. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 70-letnemu jubileju B.A. Raeva. Kagal'nik, 20-21 oktjabrja 2016 g. (Ancient Civilization and the Barbarian World of the Ponto-Caspian Region. Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, dedicated to the 70th Anniversary of B.A. Raev. Kagalnik, October 20-21, 2016)*. Rostov-on-Don: "JuNC RAN", 215—225 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2018a. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija "Novoe v issledovanijah rannego zheleznogo veka Evrazii: problemy, otkrytija, metodiki". Tezisy dokladov (International Scientific Conference "New in the Studies of the Early Iron Age of Eurasia: Problems, Discoveries, Techniques". Abstracts)*. Moscow: "IA RAN", 152—153 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2018b. In *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 17.1, 108—143 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2018c. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 22, 216—238 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2018d. In *Stratum plus* 4, 153—200 (in Russian).

Treister, M.Ju. 2018e. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremja (Black Sea Area in Ancient and Early Medieval Time)*. Iss. 2. *K 70-letiju professora Viktora Pavlovicha Kopylova (To the 70th Anniversary of Professor Viktor Pavlovich Kopylov)*. Rostov-on-Don: "Laki Pak" Publ. (in print) (in Russian).

Treister, M.Ju. 2019a. In *Rossijskaja arheologija (Russian Archaeology)* 1 (in print) (in Russian).

Treister, M.Ju. 2019b. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 24 (in print) (in Russian).

Treister, M.Ju. 2019c. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Scythia et Sarmatia: Novoe v issledovanijah rannego zheleznogo veka Evrazii (Scythia and Sarmatia: New in the Studies of the Early Iron Age of Eurasia)*. Moscow: "IA RAN" (in print) (in Russian).

Treister, M.Ju. 2019d. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* (in print) (in Russian).
Trufanov, A.A. 2004. In *Rossijskaja arheologija (Russian Archaeology)* 3, 160—170 (in Russian).
Tuallagov, A.A. 2014. *Alany Pridar'jal'ja i zakavkazskie pohody I—II vv. (Alans of Darjal Region and Transcaucasian Campaigns of the 1st — 2nd cc.)*. Vladikavkaz: "IPC SOIGSI VNC RAN i RSO-A" (in Russian).
Khazanov, A.M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays in Military Practices of the Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" (in Russian).
Harmatta Ja. 1965. In *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* XIII, 127—147 (in Russian).
Hachatrjan, Zh. 2007a. In: Kalatarjan, A. (ed.). *Zoloto drevnej Armenii (III tys. do n.je. — XIV v. n.je.) (Gold of Ancient Armenia (3th Millennium BCE — 14th Century CE))*. Erevan: "Gitutjun" Publ., 194—216 (in Russian).
Hachatrjan, Zh. 2007b. In: Kalatarjan, A. (ed.). *Zoloto drevnej Armenii (III tys. do n.je. — XIV v. n.je.) (Gold of Ancient Armenia (3th Millennium BCE — 14th Century CE))*. Erevan: "Gitutjun" Publ., 218—225 (in Russian).
Hachatrjan, Zh. 2009. *Grobnica Sisiana (vtoraja polovina I v. do n.je.) (Tomb of Sisian (second Half 1st c. BCE))*. Erevan: "Gitutjun" Publ. (*Archaeological monuments of Armenia* 21) (in Russian).
Tsutsiev, A.A. 2014. In *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Hetagurova. Obshhestvennye nauki (Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. Social Sciences)* 1, 98—102 (in Russian).
Sharov, O.V. 2016. In *Stratum plus* 4, 319—334 (in Russian).
Shilov, V.P. 1968. In: Gajdukevich, V.F. (ed.). *Antichnaja istorija i kul'tura Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja (Antique History and Culture of the Mediterranean and Black Sea Region)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 310—323 (in Russian).
Shilov, V.P. 1975. *Ocherki po istorii drevnih plemen Nizhnego Povolzh'ja (Essays in the History of the Ancient Tribes of the Lower Volga Region)*. Leningrad: "Nauka" Publ.
Shhukin, M.B. 1992. In: Raev, B.A. (ed.). *Antichnaja civilizacija i varvarskij mir. Materialy III Arheologicheskogo seminara (Antique Civilization and the Barbarican World. Materials of the 3rd Archaeological Workshop)*. Pt. 1. Novocherkassk: "Muzej istorii donskogo kazachestva", 104—112 (in Russian).
Yablonskij, L.T., Trunaeva, T.N., Devis-Kimboll, Dzh., Egorov, V.L. 1994. In: Yablonskij, L.T. (ed.). *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Left-bank Ilek Burial-mounds)*. Iss. 2. Moscow: "IA RAN", 4—57 (in Russian).
Yasakov, V.S. 2018. In: Zubov, S.Je. (ed.). *Uralo-Povolzhskaja arheologicheskaja konferencija studentov i molodyh uchenyh (UPASK, 1-4 fevralja 2018 g., Samara): Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) konferencii (Ural-Volga Region Archaeological Conference of Students and Young Scientists (UPASK, February 1-4, 2018, Samara): Materials of the All-Russian (with International Participation) Conference)*. Samara: "Samarskij universitet", 275—278 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2017. In: Vdovchenkov, E.V. (ed.). *Problemy arheologii Vostochnoj Evropy i Dal'nego Vostoka. Materialy XII Mezhdunarodnoj arheologicheskoj konferencii studentov i aspirantov (Rostov-na-Donu, 26-29 nojabrja 2017 g.) (Problems of Archaeology of Eastern Europe and the Far East. Materials of the 12th International Archaeological Conference of Students and Postgraduates (Rostov-on-Don, November 26-29, 2017))*. Rostov-on-Don; Taganrog: "JuFU", 256—277 (in Russian).
Ackerman, P. 1967. The Art of the Parthian Silver- and Goldsmiths. In: Pope, A.U. (ed.). *A Survey of Persian Art*. Tehran; London; New York; Tokyo: "Oxford University Press", 459—470.
Adams, N. 2003. Garnet Inlays in the Light of the Armaziskhevi Dagger Hilt. *Medieval Archaeology* 47, 167—175.
Adams, N. 2011. The Garnet Millennium. The Role of Seal Stones in Garnet Studies. In: Entwistle, Chr., Adams, N. (eds.). *Gems of Heaven, Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200—600*. London: "British Museum" Publ., 10—24 (British Museum Research Publication 177).
Apakidze, A., Nikolaishvili, V. 1994. An aristocratic tomb of the Roman period from Mtskheta. *Antiquaries Journal* 74, 16—54.
Banghard, K., Gorecki, J. 2004. Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr. *Saalburg-Jahrbuch* 54, 119—150.
Belaňová, P. 2016. Ancient Adornments of Central Asia Influenced by the Greek Jewellery of the Classical and Hellenistic Period. *Studia Hercynia* XX.1, 111—126.
Bernard, P. 1970. Sièges et lits en ivore d'époque hellénistique en Asie Centrale. *Syria* 47, 327—343.
Bernard, P. 1987. Les nomades conquérants de l'empire gréco-bactrien. Réflexions sur leur identité ethnique et Culturelle. *CRAI*. 131e année. No. 4, 758—768.
Bespaly, E.I. 1986. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979—84. In: Raev, B.A. (ed.). *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: "British Archaeological Reports", 75—78 (BAR International Series 278).
Biborski, M., Kaczanowski, P. 2013. Magic Sword Pendants. *Jahrbuch des Jósa András Museums von Nyíregyháza* 55, 423—430.
Bingöl, F.R.I. 1999. *Anadolu medenizetleri müzesi. Antik takilar*. Ankara: "T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Anıtlar ve Müzeler Gnl. Müd".
Boardman, J. 2003. Three Monsters at Tillya Tepe. *ACSS* 9.1—2, 133—146.

Boardman, J. 2012. Tillya Tepe: Echoes of Greece and China. In: Aruz, J., Valts Fino, E. (ed.). *Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road*. New York: “The Metropolitan Museum of Art”, 102—111.

Boardman, J. 2015. *The Greeks in Asia*. London: “Thames & Hudson” Publ.

Bosworth, A.B. 1977. Arrian and the Alani. *Harvard Studies in Classical Philology* 81, 217—255.

Braidwood, R.J. 1933. Some Parthian Jewelry (Season 1930-31). In: Waterman, L. (ed.). *Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq*. Ann Arbor: “University of Michigan Press”, 65—73.

Braund, D. 2009. The Silver Phiale dedicated to Apollo Hegemon from Zubovskiy Khutor. In: Zin'ko, V.N. (ed.). *Bosporskie chtenija X: Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Aktual'nye problemy (Bosporus Readings X: Cimmerian Bosporus and the Barbaric World in the Period of Antiquity and the Middle Ages Actual Problems)*. Kerch: “Demetra”, 533—537.

Brosseder, U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: Brosseder, U., Miller, B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* Bonn: “Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn”, 349—424 (Bonn Contributions to Asian Archaeology 5).

Bruneau, P. 1972. *Les mosaïques*. Paris: “E. de Boccard” Publ. (*Exploration archéologique de Délos* XXIX).

Carter, M.L. 2015. *Arts of the Hellenized East, Precious Metalwork and Gems of the Pre-Islamic Era*. London: “Thames & Hudson” Publ.

Santrot, J. (ed.). *Arménie. Trésors de l’Arménie ancienne des origines au IVe siècle*. Paris: “Somogy” Publ.

Milleker, E.J. (ed.). *The Year One. Art of the Ancient World. East and West*. NewYork: “The Metropolitan Museum of Arts”.

Schiltz, V. (ed.). *L’or des Amazones*. Paris: “Editions Findakly” Publ.; “Paris musées” Publ.

Anisimova, L., Bonora, G.L., Franchi, C., Karavaeva, L., Plakhov, V.V. (eds.). *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano: “Mondadori Electa” Publ.

The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. 1991. Tokyo: [s.n.]

Cumont, F. 1926: *Fouilles de Doura-Europos (1922—1923). Atlas.* Paris: “Paul Geuthner” Publ.».

Curtis, V. S. 2001. Parthian Belts and Belt Plaques. *InAnt* XXXVI, 299—327.

Damm, I. G. 1990. Ein baktrisches Goldarmband mit Tierfries. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte* 23, 239—243.

Dan, A. 2017. The Sarmatians: Some Thoughts on the Historiographical Invention of a West Iranian Migration. In: Wiedemann, F., Hofmann, K.P., Gehrke, H.-J. (Hrsg.). *Vom Wandern der Völker. Migrationserzählungen in den Altertumswissenschaften*. Berlin: “Edition Topoi” Publ., 97—134 (Berlin Studies of the Ancient World 41).

Dörner, F.K., Goell, Th. 1963. *Arsameia am Nymphaios*. Berlin: “Gebr. Mann” Publ. (Istanbuler Forschungen 23).

Downey, S.B. 2003. *Terracotta Figurines and Plaques from Dura-Europos*. Ann Arbor: “University of Michigan Press”.

Dshawachischwili, A., Abramischwili, G. 1986. *Goldschmiedekunst und Toreutik in den Museen* Georgiens. Leningrad: “Aurora” Publ.

du Mesnil du Buisson, R. 1936. The Persian Mines. In: Rostovtzeff, M.I., Bellinger, A.R., Hopkins, C., Welles, C.B. (eds.). *The Excavations at Dura-Europos, Preliminary Report of Sixth Season of Work, October 1932 — March 1933*. New Haven: “Yale University Press”, 188—205.

Eiland, M.L. 1995/96. Ceramics of the Silk Road: Parthia and China. *Transactions of the Oriental Ceramic Society* 60, 105—120.

Farrokh, K., Karamian, G., Delfan, M., Astaraki, F. 2016. Preliminary reports of the late Parthian or early Sassanian relief at Panj-e Ali, the Parthian relief at Andika and examinations of late Parthian swords and daggers. *Historia i Świat* 5, 31—55.

Fedorov-Davydov, G.A. 2001.*The Silk Road and the Cities of the Golden Horde*. Berkeley: “Zinat Press”.

Foietta, E. 2014. Jewels with stone inlays from Hatra. *Parthica* 16, 165—198.

Francfort, H.P. 1984. *Le sanctuaire du temple à niche indentées; les trouvaille*. Paris: “E. de Boccard” Publ. (Fouilles d’Aï Khanoum III.2; MDAFA XXVII. 2).

Francfort, H.P. 2011. Tillya Tépa (Afghanistan) la sépulture d’un roi anonyme de la Bactrianedu Ier siècle P.C. *Topoi* 17/1, 277—347.

Francfort, H.P. 2012. Tillya Tepe and its Connection with the Eurasian Steppe. In: Aruz, J., Valts Fino, E. (ed.). *Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road*. New York: “The Metropolitan Museum of Art”, 88—101.

Ghirshman, R. 1962. *Iran. Parther und Sasaniden*. München: “C.H. Beck” Publ.

Ghirshman, R. 1976. *Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman: L'Iran du Sud-Ouest du VIIIe s. av. n. ère au Ve s. de n. ére*. Paris: “E. J. Brill” Publ. (Mémoires de la Délégation archéologique en Iran 45).

Guerra, M.F., Demortier, G., Vitobello, M.L., Bobomulloev, S., Bagault, D., Borel, T., Mirsaidov, I. 2009. Analytical Study of the Manufacturing Techniques of Kushan Gold Jewellery (National Museum of Antiquities of Tajikistan). Archeosciences. *Revue d’archeometrie* 33, 177—185.

Gutsalov, S. 2012. On Links between the Ancient Nomads in the Southern Foothills of the Urals and Central Asia. *ACSS* 18, 29—50.

Halfmann, H. 1986. Die Alanen und die römische Ostpolitik unter Vespasian. *Epigraphica Anatolica* 8, 39—50.

Herzfeld, E.B. 1928. The Hoard of the Karen Pahlavs. *Burlington Magazine* 53, 21—27.
Höpken, C. 2010. Orient trifft Okzident: Glas im Osten und Westen des römischen Reiches. *Kölner Jahrbuch* 43, 379—398.
Hurwit, J.M. 2002. Reading the Chigi Vase. *Hesperia* 71.1, 1—22.
Invernizzi, A. 1995. Corinthian Terracotta Assembled Capitals in Hellenized Asia. In: Invernizzi, A. (ed.). *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity*. Firenze: "Le Lettere" Publ., 3—12 (Monografie di Mesopotamia V).
Invernizzi, A. 1999. *Sculture di metallo da Nisa. Cultura greca e cultura iranica in Partia*. Louvain-la-Neuve: "Peeters" Publ. (Acta Iranica XXXI).
James, S. 2004. *The Arms and Armour and other Military Equipment*. London: "British Museum Press" (Excavations at Dura-Europos. Final Report VII).
James, S. 2011. Stratagems, Combat, and "Chemical Warfare" in the Siege Mines of Dura-Europos. *AJA* 115.1, 69—101.
Kaim, B. 2010. Bone Reliefs from Fire Temple at Mele Hairam, South-West Turkmenistan. *IrAnt* XLV, 321—335.
Karagöz, Ş. 2013. *KLeinasiatisch-gräko-persische Kunstwerke im Archäologischen Museum von Istanbul*. Tübingen: "Ernst Wasmuth" (Istanbuler Forschungen 54).
Kat. Berlin 1978: Strommenger, E. (Hrsg.). *Sumer, Assur, Babylon. 7000 Jahre Kunst und Kultur an Euphrat und Tigris*. Mainz: "Philipp von Zabern" Publ.
Kat. Bonn 2010: Cambon, P. (Hrsg.). *Gerettete Schätze. Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn: "Kunst- und Ausstellungshalle der BRD".
Kat. Frankfurt 2003: Gossel-Raeck, B., Stutzinger, D. (Hrsg.). *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt: "Archäologisches Museum".
Kat. Leoben 2009: Seipel, W. (Hrsg.). *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien: "Kunsthistorisches Museum".
Kat. Wien 1996: Seipel, W. (Hrsg.). *Weihrauch und Seide: alte Kulturen an der Seidenstrasse. Kunsthistorisches Museum Wien, 21. Jänner bis 14. April 1996*. Wien: "Kunsthistorisches Museum".
Khachatryan, Z. 2011. The Tomb of Sisian (Second Half of the 1st Century B.C.). *Parthica: incontri di culture nel mondo antico* 13, 9—86.
Kidd, F. 2011. Complex Connections: Figurative Art from Akchakhan-Kala and the Problematic Question of Relations between Khorezm and Parthia. *Topoi* 17.1, 229—276.
Kozlovskaya, V., Ilyashenko, S.I. 2018. Tamgas and tamga-like signs from Tanais. In: Keil, W.E., Kiyanrad, S., Theis, C., Willer, L. (Hrsg.). *Zeichentragende Artefakte im sakralen Raum. Zwischen Präsenz und UnSichtbarkeit*. Berlin: "Walter de Gruyter" Publ., 167—198.
Lippolis, C. 2010. Notes on Parthian Nisa on the Light of New Research. *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1(27), 36—45.
Livshits, V.A. 2003. Three Silver Bowls from the Isakovka Burial-Ground No. 1 with Khwarezmian and Parthian Inscriptions. *ACSS* 9.1—2, 147—172.
Lordkipanidze, O.D., Mikeladze, T.K., Khakhoutaichvili, D.A. 1980. *Le trésor de Gonio*.Tbilisi: "Metsniereba" Publ.
Manassero, N. 2018. *A banchetto con gli eroi. La mobilia in avorio dalla Casa Quadrata a Nisa Partica*. Alessandria: "Edizioni dell'Orso" Publ. (Mnème 10).
Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: "Philipp von Zabern" Publ., 267—400 (Archäologie in Eurasien 25).
Marshall, J. 1951. *Taxila*. Cambridge: "Cambridge University Press".
Mathiesen, H.E. 1992. *Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology*. Aarchus: "Aarhus University Press".
Menegazzi, R. 2005. Le figure femminili ammantate nella coroplastica di Seleucia al Tigri. *Parthica* 7, 81—92.
Miks, C. 2009. Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 56, 395—538.
Mordvinceva, V.I. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Rahden: "Marie Leidorf" (Archäologie in Eurasien 11).
Mordvintseva, V.I. 2010. Tillya-Tepe Gold Jewellery and its Relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea Area. *Anabasis* 1, 175—207.
Mordvintseva, V.I. 2017. Sarmatian Treasures Reconsidered. Some Remarks on the New Book by Leo Klein. *Anabasis* 8, 308—316.
Mráv, Z. 2013. Eiserne Klappstühle aus Kaiserzeitlichen Bestattungen der einheimischen Elite in Pannonien. Zu den Beigaben der Bade- und Reinigungsgarnitur pannonischer Wagengräber. *Archaeologiai Értesítő* 138, 105—144.
Musche, B. 1988. *Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden*. Leiden; New York; København; Köln: "E.J. Brill" Publ.
Nenna, M.-D. 2008. Un bol en verre peint du Ier siècle apres J.-C. a representation nilotique. *Journal of Glass Studies* 50, 15—29.

Olbrycht, M.J. 1998. *Parthia et Ulteriores Gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen*. München: “Tuduv-Verlagsgesellschaft” Publ. (Quellen und Forschungen zur antiken Welt 30).

Olbrycht, M.J. 2009. Parthia and Sarmatian Peoples in *the northern Pontic and the Don-Volga areas.* In: Zuev, V.Ju. (ed.). *Bosporskij fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 1-4 dekabrja 2009 g.) (Bosporus Phenomenon. Art on the periphery of the ancient world. Proceedings of the International Scientific Conference (Saint Petersburg, December 1-4, 2009)).* Saint Petersburg: “Gosudarstvennyj Jermitazh” Publ., 547—549.

Olbrycht, M.J. 2012. The Political-military Strategy of Artabanos/Ardawān II in a.d. 34–37. *Anabasis* 3, 215—237.

Olbrycht, M. 2013. Die Geschichte der Seidenstraße in antiker Zeit. In: *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*. Bonn: “Primus Verlag GmbH” Publ., 67—87.

Olbrycht, M. 2015. Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia — Ways of Cultural Transfer. In: Bemmann, J., Schmauder, M. (eds.). *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE*. Bonn: “Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie”; “Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn”, 333—390 (Bonn Contributions to Asian Archaeology 7).

Pedde, F. 1991. Frehat En-Nufeği: Zwei seleukidenzeitliche Tumuli bei Uruk. *Bagdader Mitteilungen* 22, 521—535.

Peterson, S. 2012. Parthian Aspects of Objects from Grave IV, Tillya Tepe, with Particular Reference to the Medallion Belt. Available at: www.academia.edu%2F1485067%2FParthian_Aspects_of_Objects_from_Grave_IV_Tillya_Tepe&usg =AFQjCNF1klboVb18BCurHIPX_iRxWq72bg (accessed 02.12.2018).

Pfeiler, I. 1977.Der Thron der Achaimeniden als Herrschaftssymbol auf sasanidischen Münzen. *Schweizer Münzblätter* 23—27 (1973—1977), 107—111.

Pfrommer, M. 1993. *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections*. Malibu: “The J. Paul Getty Museum”.

Pharmakovsky, B. 1907. Archäologische Funde im Jahre 1906. Südrußland. *Archäologischer Anzeiger*, 126—153.

Pharmakowsky, B. 1909. Olbia 1901—1908. Fouilles et trouvailles. *Izvestiya Imperatorskoy Arheologicheskoy komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)*. Iss. 33. Saint Petersburg: “Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov”, 103—137.

Pierides, A. 1971. *Jewellery in the Cyprus Museum*. Nicosia: “Dept. of Antiquities” (Department of Antiquities. Picture. Bk. 5.).

Porada, E. 1967a. Battlements in the Military Architecture and in the Symbolism of the Ancient Near East. In: Fraser, D., Hibbard, H., Lewine, M.J. (eds.). *Essays Presented to Rudolf Wittkower on his Sixty-fifth Birthday*. Vol. 1. London: “Phaidon Press”, 1—12.

Porada, E. 1967b. Of deer, bells and pomegranates. *IrAnt* VII.2, 99—120.

Potts, D. T. 2011. Indianesque Ivories in Southeastern Arabia. In: Lippolis, C., de Martino, S. (eds.). *Un impaziente desideriodi scorrere il mondo. Studi in onore di Antonio Invernizzi per il suo settantesimo compleanno*. Firenze: “Le Lettere”, 335—344 (Monografie di Mesopotamia XIV).

Raev, B.A. 1979. Metal Vessels from “Hohlač” (Novocherkassk). In: *Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du Ve Colloque international sur les bronzes antiques, Lausanne, 8-13 mai 1978*. Lausanne: “Diffusion de Boccard”, 235—240 (Cahiers d’archéologie romande 17).

Raev, B.A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: “British Archaeological Reports” (BAR International Series 278).

Rahbar, M., Alibaigi, S., Haerinck, E., Overlaet, B. 2014. In Search of the Laodike Temple at Laodikeia in Media / Nahavand, Iran. *IrAnt* XLIX, 301—329.

Rapin, C. 1992. *La trésorerie du palais hellénistique d’Aï Khanoum*. Paris: “Diffusion de Boccard” (Fouilles d’Aï Khanoum 8; MDAFA 33).

Rapin, C.1996. *Indian Art from Afghanistan. The Legend of Shakuntalâ and the Indian Treasure of Eucratides at Ai Khanum*. New Delhi: “Centre de Sciences Humaines”.

Rasmussen, T. 1991. Corinth and the Orientalising Phenomenon. In: Rasmussen, T., Spivey, N. (eds.). *Looking at Greek Vase*s. Cambridge: “Cambridge University Press”, 57—78.

Rostovtzeff, M.I. 1936. The Sarmatae and Parthians. *CAH* XI, 91—130.

Rostowzew, M.I. 1931. *Skythien und der Bosporus*. Berlin: H. “Schoetz & Co. GmbH”.

Rudenko, S.I. 1962. *Die Sibirische Sammlung Peters* I. Moskau; Leningrad: “Akademie der Wissenschaften der UdSSR” (Sammlung archäologischen Quellen D3-9).

Rütti, B. 1991.Early enamelled Glass. In: Newby, M., Painter, K. (eds.). *Roman glass:Two Centuries of Art and Invention*. London: “Society of Antiquaries of London”, 122—136 (Occasional Papers from the Society of Antiquaries of London 13).

Rütti, B. 2003. Les verres peints du haut empire Romain: Centres de production et de diffusion. In: Foy, D., Nenna, M.-D. (eds.). *Echanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l’Association Francaise pour l’Archeologie du Verre, Aix-en-Provence et Marseille, 7-9 juin 2001*. Montagnac: “Editions Monique Mergoil”, 349—357 (Monographie Instrumentum 24).

Sarianidi, V.I. 1985. *Baktrisches Gold*. Leningrad: “Aurora” Publ.

Schottky, M. 1991. Parther, Meder und Hyrkaner. Eine Untersuchung der dynastischen und geographischen Verpflechtungen im Iran des 1. Jhs. n. Chr. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 24, 61—134.

Ščukin, M., Bažan, I. 1995. L'origine du style cloisonné de l'époque des grandes migrations. In: Vallet, F., Kazanski, M. (eds.). *Lanoblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle.* Condé-sur-Noireau: "Rouen AFAM Société des amis du Musée des antiquités nationales", 63—75.

Sellwood, D. 1980. *An Introduction to the Coinage of Parthia.* 2nd ed. London: "Spink & Son" Publ.

Shenkar, M. 2017. The Head-Dress of the Tillya Tepe "Prince". *ACSS* 23.1, 151—183.

Simpson, St.J. 2015. Sasanian Glassware from Mesopotamia, Gilan, and the Caucasus. *Journal of Glass Studies* 57, 77—96.

Skvorcov, N., Skripkin, A. 2006. Eine sarmatische Adelbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *Eurasia antiqua* 12, 251—267.

Tadmor, M. 1974. Fragments of Achaemenid Throne from Samaria. *Israel Exploration Journal* 24, 37—43.

Tasmagambetov, I. 2003. *The Centaurs of the Great Steppe. The Art Culture of Ancient Nomads*. Almaty: "SF «Berel»" Publ.

Toll, N. 1943. *The Green-Glazed Pottery*. New Haven: "Yale University Press. Press" (Excavations at Dura-Europos. Final Report IV. Pt. 1. Fs. 1).

Toll, N. 1946. *The Necropolis. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935—1936*. New Haven: "Yale University Press". (Excavations at Dura Europos. Pt. II).

Treister, M. 1999. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae). In: Tsetskhladze G.R. (ed.). *Ancient Greeks West and East*. Leiden: "E.J. Brill" Publ., 567—605.

Treister, M. 2001. A Portrait of a Parthian King on an Ivory Dagger Handle from Sarmatian Burial in the Lower Don Basin. *Silk Road Art and Archaeology* 7, 37—51.

Treister, M. 2004a. Eastern Jewellery in Sarmatian Burials and Eastern Elements in the Jewellery Production of the North Pontic Area in the 1st Century AD. *IrAnt* 39, 297—321.

Treister, M. 2004b. Silver Vessels from the Khokhlach barrow. In: Museteanu, C. (ed.). *Acts of the XVIth International Congress on Antique Bronzes, Bucharest, 26-31 May, 2003*. Bucharest: "National Archaeological Museum", 451—467.

Treister, M. 2005. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the «Ampsalakos School». *ACSS* 11.3—4, 199—255.

Treister, M. 2012. Silver Phalerae with a Depiction of Bellerophon and the Chimaira from a Sarmatian Burial in Volodarka (Western Kazakhkstan). A Reappraisal of the Question of the so-called Graeco-Bactrian style in Hellenistic Toreutics. *ACSS* 18.1, 51—109.

Treister, M. 2013a.Gepaypyris II? Once More about a Silver Plate from Neapolis Skythike. *ACSS* 19.1, 33—83.

Treister, M. 2013b. Nomaden an der Schnittstelle von transeurasischen Karawanenrouten (Importobjekte aus den spätsarmatischen Gräbern von Lebedevka). In: Stöllner, T., Samašev, Z. (Hrsg.). *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Bochum: "Deutsches Bergbaumuseum", 733—748.

Treister, M. 2017. Parthian Imports in the Asian Sarmatia (2nd — 1st centuries BC). In: *Contact Zones of Europe from the 3rd mill. BC to the 1st mill. AD. Preliminary Publication of Conference Proceedings. Moscow, 29 September — 2 October, 2017*, 151—160. Available at: http://igh.ru/system/publications/texts/000/000/107/original/b0e0b97415fd11d2142d72ada70babb27cefdac9.pdf?1506432949 (accessed 02.12.2018).

Treister, M. 2018. Hellenistic Phalerae from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia. *The Art of the Orient* 7 *(Art and Religions in Pre-Islamic Central Asia, Krakow, October 24—26, 2016)* (in print).

von Saldern, A. 2004. *Antikes Glas*. München: "C.H. Beck" Publ. (Handbuch der Archäologie).

Whitehouse, D. 1997—2001. *Roman Glass in the Corning Museum of Glass*. 1—2. Corning: "Corning Museum of Glass".

Whitehouse, D. 2012. The Glass from Begram. In: Aruz, J., Valts Fino, E. (ed.). *Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road*. New York: "The Metropolitan Museum of Art" Publ., 54—63.

Winkelmann, S. 2003. Eurasisches in Hatra? Ergebnisse und Probleme bei der Analyse partherzeitlicher Bildquellen. In: *Mitteilungen des SFB 586 "Differenz und Integration"* 4/1, 21—140.

Winkelmann, S. 2006. Waffen und Waffenträger auf parthischen Münzen. *Parthica* 8, 131—152.

Yatsenko, S.A. 2013. Some Notes on Parthian Costume Studies. *Parthica* 15, 117—125.

Рис. 1. Фалары: *1* — Володарка, Курган №. 4/1981. Уральск, ЗКОИМК, инв. № 7949; *2* — Сибирская коллекция. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № S-65; *3* — место находки неизвестно. Новочеркасск, МИДК, инв. № 2814; *4* — Ишим. Случайная находка в разрушенном кургане, 1986. Аркаим, ЧГИКЗА, инв. № М Арк. 222/АРХ. 90; *5* — Сидоровка. Курган № 1. Погребение № 2. Омск, ОМИИ; *6* — Новоузенск, случайная находка в распаханном кургане, 1864. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № S-50. Рисунки В.И. Мордвинцевой и Н.Е. Беспалой.

Fig. 1. Phalerae: *1* — Volodarka Burial-ground. Burial-mound no. 4/1981. Ural'sk, West-Kazakhstan Regional Historical and Local Lore Museum, inv. no. 7949; *2* — Siberian Collection. Saint Petersburg, State Hermitage, inv. no. S-65; *3* — Whereabouts unknown. Novocherkassk, Museum of History of Don Kossaks, inv. No. 2814; *4* — Ishim. Chance find in a destroyed burial-mound, 1986. Arkaim, Chelyabinsk State Historical-Cultural Preserve "Arkaim", inv. no. M Арк. 222/АРХ. 90; *5* — Sidorovka. Burial-mound no. 1. Burial no. 2. Omsk, Regional Museum of Fine Arts; *6* — Novouzensk, chance find in a ploughed burial-mound, 1864. Saint Petersburg, State Hermitage, inv. no. S-50. Drawings by V.I Mordvintseva and N.E. Bespalaya.

Рис. 2. Фалары. Место находки неизвестно. Новочеркасск, МИДК, инв. № 2814. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 2. Phalerae. Whereabouts unknown. Novocherkassk, Museum of History of Don Kossaks, inv. no. 2814. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

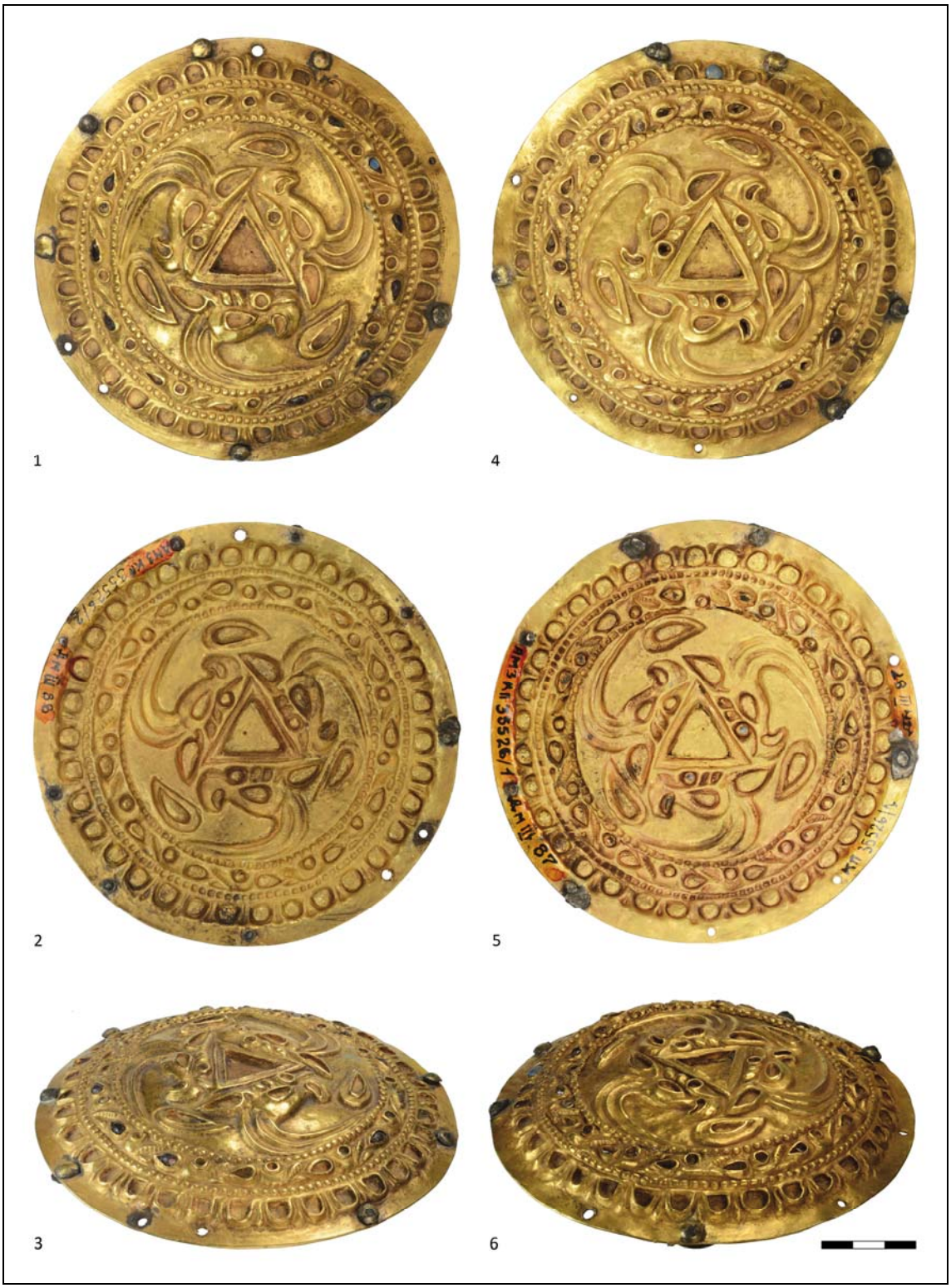

Рис. 3. Фалары. Косика. Погребение № 1/1984. Астрахань, АГОИАМЗ: *1—3* — инв. № 35526/2; *4—6* — инв. № 35526/1.Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 3. Phalerae. Kosika. Burial no. 1/1984. Astrakhan, State United Historical-Architectural Museum-Reserve: *1—3* — inv. no. 35526/2; *4—6* — inv. no. 35526/1. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

Рис. 4. Серебряные с позолотой чаши: *1—3* — Майровский III. Курган № 4/2002. Погребение № 3Б. Москва, ГИМ, инв. № 112873, оп. Б 2078/77, № 13; *4—9* — Октябрьский-V. Курган № 1/1995. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ; *4—6* — инв. № 30200/11; *7—9* — инв. № 30200/7. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 4. Silver-gilt bowls: *1—3* — Maierovskii III. Burial-mound no. 4/2002. Burial no. 3B. Moscow, State Historical Museum, inv. no. 112873, list Б 2078/77. no 13; *4—9* — Oktyabr'skii-V. Burial-mound no. 1/1995. Burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum; *4—6* — inv. no. 30200/11; *7—9* — inv. no. 30200/7. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

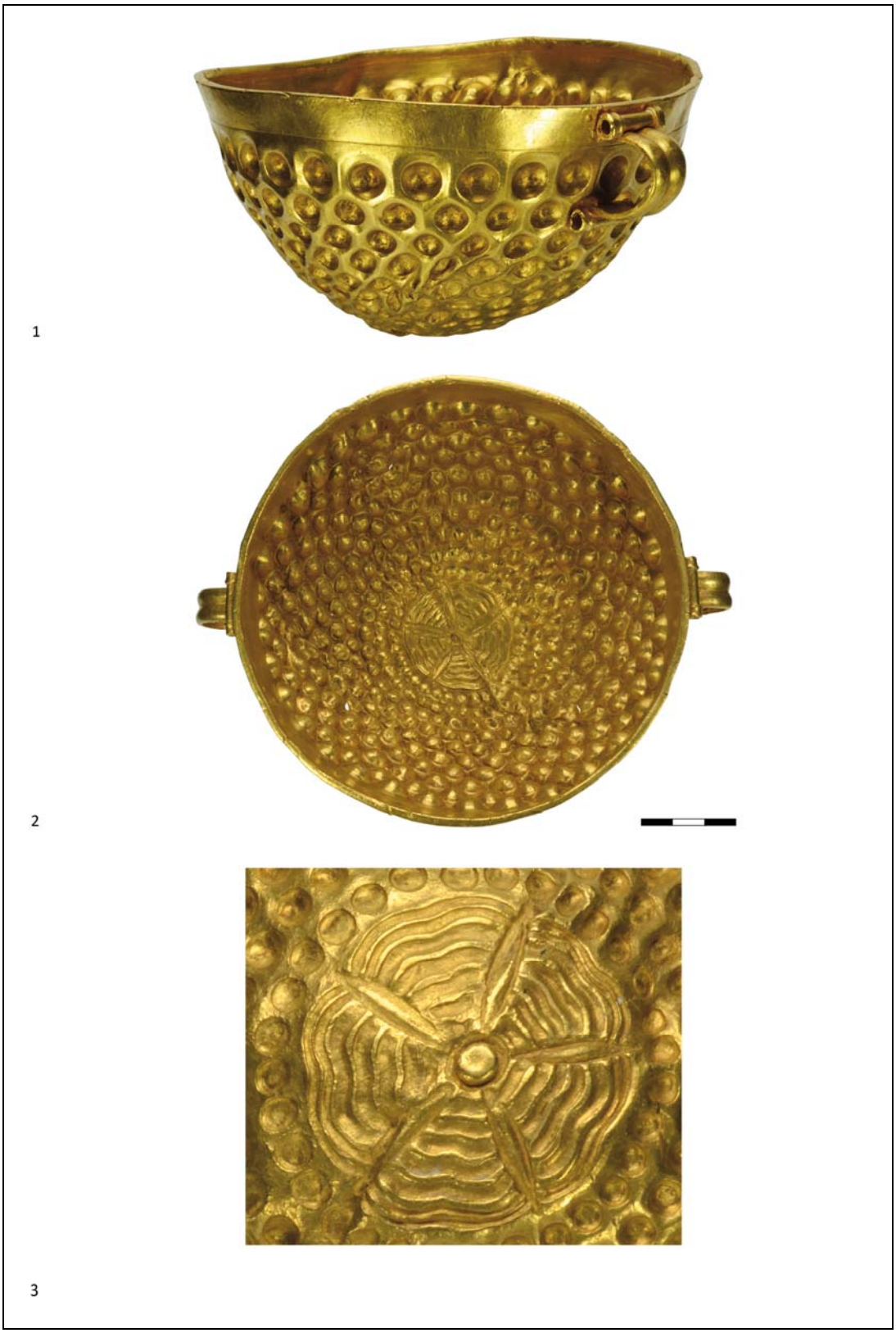

Рис. 5. Золотой кубок. Высочино-VII. Курган № 28/1982. Тайник № 2. Азов, АИАПМЗ, инв. № 19532/171. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 5. Gold bowl. Vysochino-VII. Burial-mound no. 28/1982. Cache no. 2. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv. no. 19532/171. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

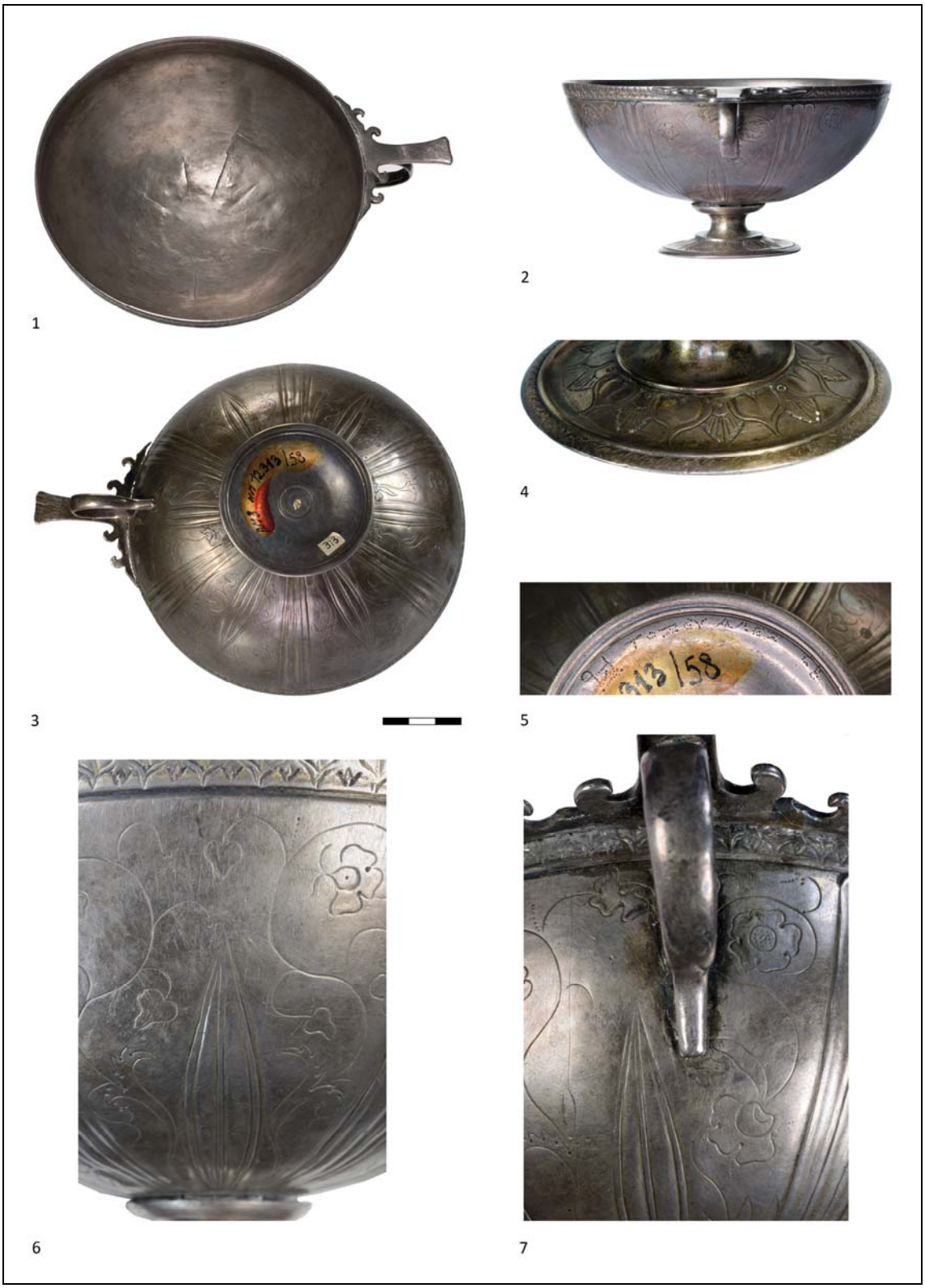

Рис. 6. Кубок серебряный. Жутово. Курган № 28/1964. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 12313/58: *1—3* — общие виды, *4—7* — детали. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 6. Silver cup. Zhutovo. Burial-mound no. 28/1964. Astrakhan, State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. 12313/58: *1—3* — general views, *4—7* — details. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

Рис. 7. Кубки серебряные: *1—3* — «Царский». Курган № 38/1987. Погребение № 1. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 21854; *4—7* — Октябрьский-V. Курган № 1/1995. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв. № 30200/10. *1—5* — фото М.Ю. Трейстера, 2015; *6—7* — рисунки Н.Е. Беспалой, 2015.

Fig. 7. Silver cups: *1—3* — “Tsarskii”. Burial-mound no. 38/1987. Burial no. 1. Rostov-on-Don, Regional Local Lore Museum, inv. no. 21854; *4—7* — Oktyabr’skii-V. Burial-mound no. 1/1995. Burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 30200/10. *1—5* — photos by M.Ju. Treister, 2015; *6—7* — drawings by N.E. Bespalaya, 2015.

Рис. 8. Глазурованные сосуды: *1—3* — Аксай-I. Курган № 8/1997. Погребение № 15; *4—7* — Царев. Курган № 23/1975. Погребение № 4 у с. Царев. Волгоград, ВОКМ: *1—3* — инв. № 23770/11; *4—7* — инв. № 31505/68. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 8. Glazed vessels: *1—3* — Aksai-I. Burial-mound no. 8/1997. Burial no. 15; *4—7* — Tsarev. Burial-mound no. 23/1975. Burial no. 4 in Tsarev village. Volgograd, Regional Local Lore Museum: *1—3* — inv. no. 23770/11; *4—7* — inv. no. 31505/68. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

Рис. 9. Серебряные с позолотой чаши. Верхнее Погромное. Курган № 5/1954. Погребение № 2. Санкт-Петербург, ГЭ: *1—2* — инв. № 1953/28; *3—6* — инв. № 1953/29. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 9. Silver-gilt bowls. Verkhnee Pogromnoe. Burial-mound no. 5/1954. Burial no. 2. Saint Petersburg, State Hermitage: *1—2* — inv. no. 1953/28; *3—6* — inv. no. 1953/29. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

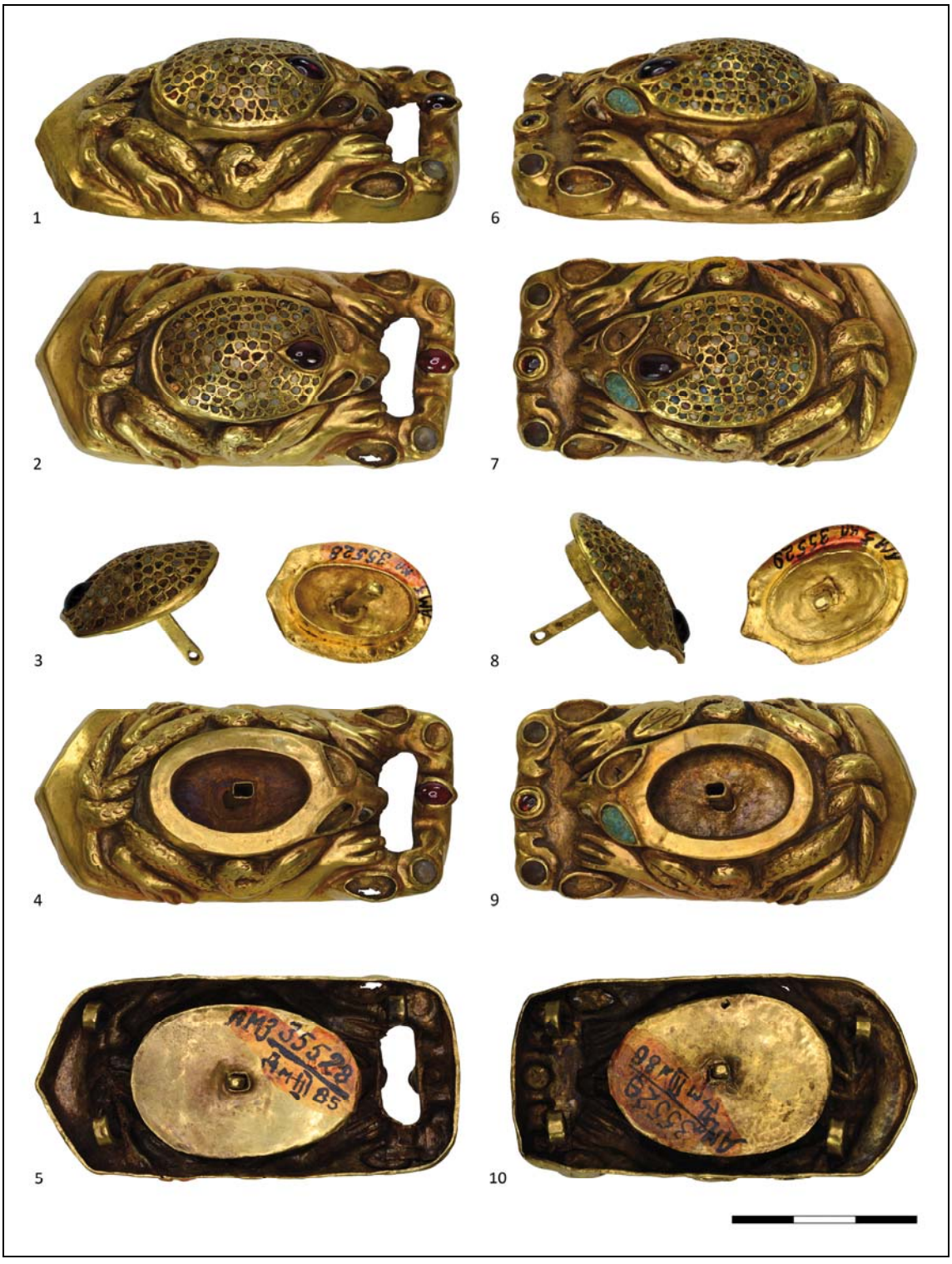

Рис. 10. Золотые пряжка и наконечник пояса. Косика. Погребение № 1/1984. Астрахань, АГОИАМЗ: *1—5* — инв. № 35528; *6—10* — инв. № 35529. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 10. Gold buckle and belt tip. Kosika. Burial no. 1/1984. Astrakhan, State United Historical-Architectural Museum-Reserve: *1—5* — inv. no. 35528; *6—10* — inv. no. 35529. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

Рис. 11. Перекрестье и ножны парадного кинжала. Косика. Погребение № 1/1984. Общие виды и деталь. Астрахань, ГОИАМЗ: *1—5* — инв. № 35539; *6* — 35584/1–7. *1—2* — Фото М.Ю. Трейстера, 2015; *3* — фото И.А. Седенькова, 2018; *4—5* — рисунки А.В. Белоусова, 2018; *6* — рисунок (по Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 156, рис. 10).

Fig. 11. Cross-guard and scabbard of the ceremonial dagger. Kosika. Burial no. 1/1984. General views and detail. Astrakhan, State Joint Historical and Architectural Museum-Reserve: *1—5* — inv. no. 35539; *6* — inv. no. 35584/1–7: *1—2* — Photos by M.Ju. Treister, 2015; *3* — photo by I.A. Seden'kov, 2018; *4—5* — drawings by A.V. Belousov, 2018; *6* — drawing (after Dvornichenko, Fedorov-Davydov 1993: 156, fig. 10).

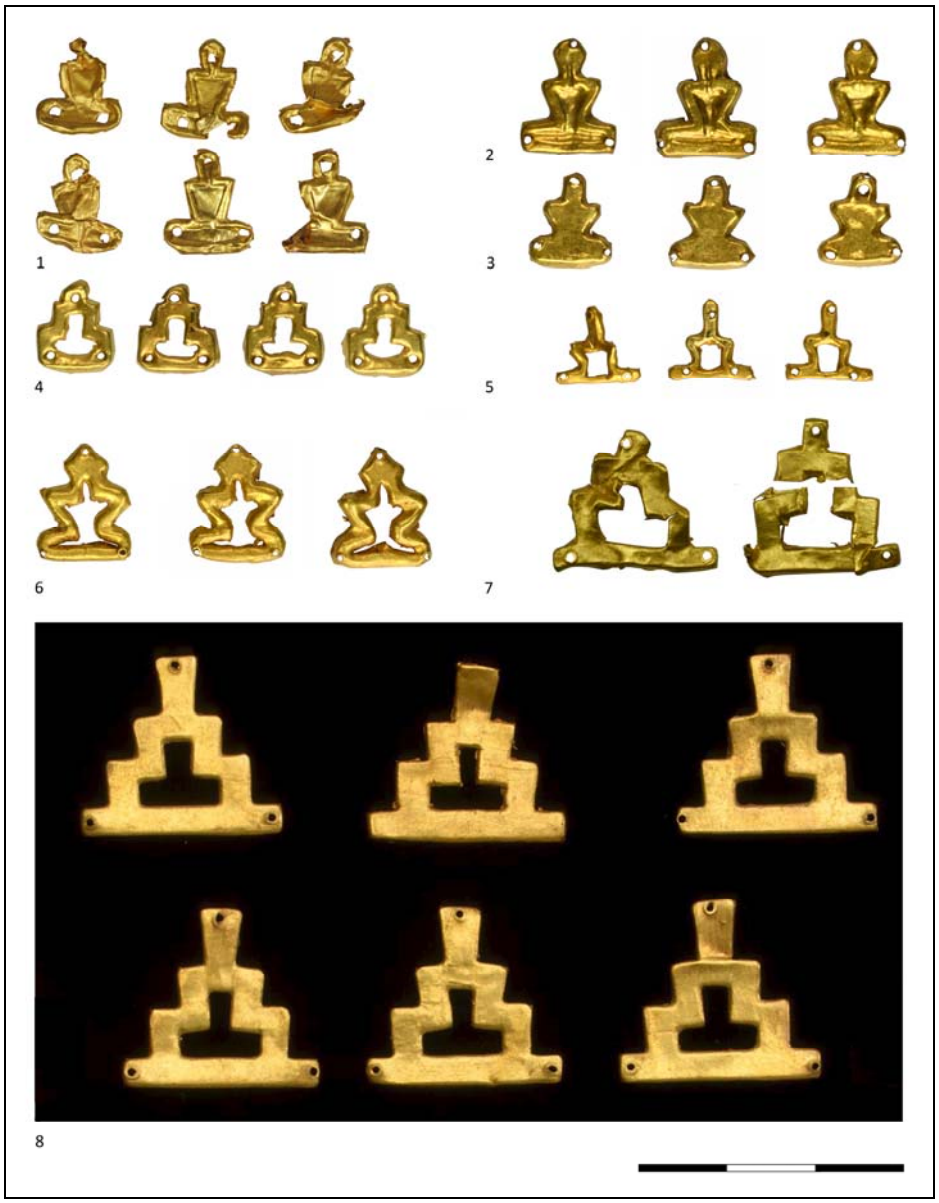

Рис. 12. Золотые нашивные бляшки: *1* — Верхнее Погромное. Курган № 5/1953. Погребение № 2. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 195310; *2—6* — Волгоград, ВОКМ. 2 – Октябрьский-V. Курган № 3/1998. Погребение № 1, инв. № 31506/159–188; *3—4, 6* — Жутово. *3* — Курган № 30/1965. Погребение № 1, инв. № 6255; *4* — Курган № 27/1964. Погребение № 4, инв. № 6241; *6* — Курган № 71/1974. Погребение № 1, инв. № 10466; *5* — Бердия. Курган № 6/1991. Погребение № 1, инв. № 28007/62–66; *7* — Дачи. Курган № 1/1986. Тайник № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 19532/177; *8* — Хохлач, 1864 Тайник II. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. 2213/14. Фото М.Ю. Трейстера, 2015 (*1—7*); Государственного Эрмитажа (*8*).

Fig. 12. Gold garment appliqués: *1* — Verkhnee Pogromnoe. Burial-mound no. 5/1954. Burial no. 2. Saint Petersburg, State Hermitage, inv. no. 195310; *2—6* — Volgograd, Regional Local Lore Museum. *2* — Oktyabr'skii-V. Burial-mound no. № 3/1998. Burial no. 1, inv. no. 31506/159–188; *3—4, 6* — Zhutovo. *3* — Burial-mound no. 30/1965. Burial no. 1, inv. no. 6255; *4* — Burial-mound no. 27/1964. Burial no. 4, inv. no. 6241; *6* — Burial-mound no. 71/1974. Burial no. 1, inv. no. 10466; *5* — Berdiya. Burial-mound no. 6/1991. Burial no. 1, inv. no. 28007/62–66; *7* — Dachi. Burial-mound no. 1/1986. Cache no. 1. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv. no. 19532/177; *8* — Khokhlach, 1864 Cache II. Saint Petersburg, State Hermitage, inv. no. 2213/14. Photos by M.Ju. Treister, 2015 (*1—7*), State Hermitage (*8*).

Рис. 13. Ювелирные украшения: *1* — Ожерелье. Сладковский. Курган № 14/1978. Погребение № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 16171/217; *2—3* — Ожерелье. Кос-Оба. Курган № 11/1977. Погребение № 3. Уральск, ЗКОИКМ, инв. № 3556/42; *4—6* — Браслет. Дачи. Курган № 1/1986. Тайник № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 23458/28. Фото В.С. Теребенина (*1, 4—6*) и М.Ю. Трейстера, 2015 (*2—3*).

Fig. 13. Jewellery: *1* — Necklace. Sladkovskii. Burial-mound no. 14/1978. Burial no. 1. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv. no. 16171/217; *2—3* — Necklace. Kos-Oba. Burial-mound no. 11/1977. Burial no. 3. Ural'sk, West-Kazakhstan Regional Historical and Local Lore Museum, inv. no. 3556/42; *4—6* — Bracelet. Dachi. Burial-mound no. 1/1986. Cache no. 1. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv. no. 23458/28. Photos by V.S. Terebenin (*1, 4—6*) and M.Ju. Treister, 2015 (*2—3*).

Рис. 14. Ожерелье. Старица. Курган № 11/1961. Погребение № 1. Общий вид и деталь. Астрахань, ГОИАМЗ, инв. № 11989/14. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 14. Necklace. Staritsa. Burial-mound no. 11/1961. Burial no. 1. General view and detail. Astrakhan, State Joint Historical and Architectural Museum-Reserve, inv. no. 11989/14. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

Рис. 15. Серьги: *1* — Покровка-I. Курган № 8/1993. Погребение № 1. Оренбург, ОГИКМ, инв. № 17717/778; *2* — Кос-Оба. Курган № 11/1977. Погребение № 3. Уральск, ЗКОИКМ, инв. № 3556/45; *3—4* — Аксай-II. Курган № 34/2006. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв. № 32837/37—38. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 15. Earrings: *1* — Pokrovka-I. Burial-mound no. 8/1993. Burial no. 1. Orenburg, Governor's Historical and Local Lore Museum, inv. no. 17717/778; *2* — Kos-Oba. Burial-mound no. 11/1977. Burial no. 3. Ural'sk, West-Kazakhstan Regional Historical and Local Lore Museum, inv. no. 3556/45; *3—4* — Aksai-II. Burial-mound no. 34/2006. Burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 32837/37—38. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

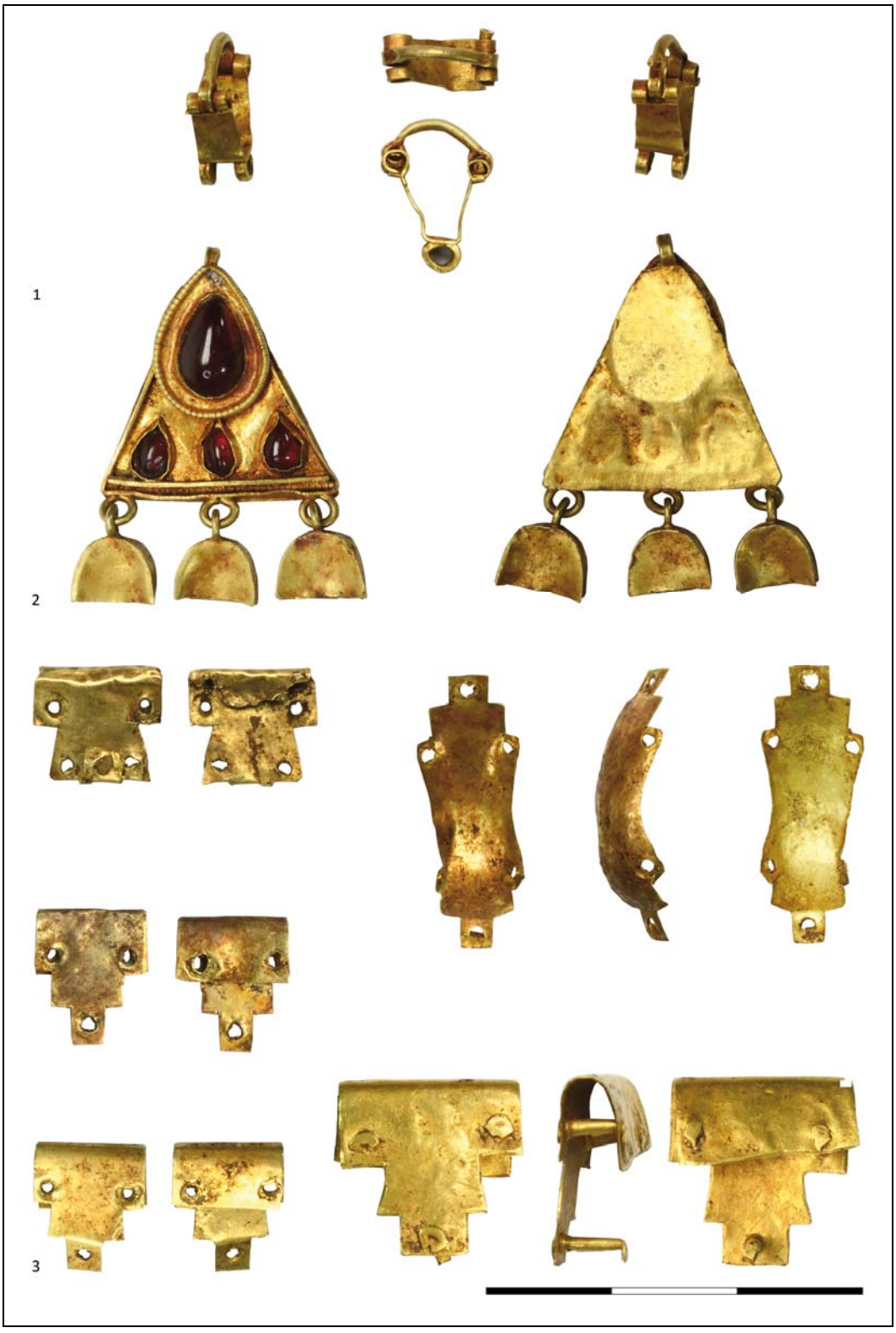

Рис. 16. «Горелый-I». Курган № 1/2003. Саратов, СОМК: *1—2* — подвеска серьги, инв. № 72910/1—2; *3* — накладки деревянного сосуда инв. № 72922–72926. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 16. “Gorelyi-I”. Burial-mound no. 1/2003. Saratov, Regional Local Lore Museum: *1—2* — earring pendant, inv. no. 72910/1—2; *3* — overlays of a wooden vessel, inv. no. 72922–72926. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

Рис. 17. Резная кость: *1—3* — Нож. Красногоровка-III. Курган № 18/1989. Погребение № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 24549/1; *4* — Накладки на ножны кинжала. Кардаилово-I. Курган № 24/1980. Погребение № 3. Оренбург, ОГИКМ, инв. № 17342/64–68; *5* — Рукоять ножа. «Горелый-I». Курган № 1/2003. Энгельс, ЭКМ, инв. № 15351. *1—2, 4—5* — фото М. Ю. Трейстера, 2015; *3* — рисунок В.К. Гугуева, 1991.

Fig. 17. Carved bone: *1—3* — Knife. Krasnogorovka-III. Burial-mound no. 18/1989. Burial no. 1. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv. no. 24549/1; *4* — Plaques of the dagger scabbard. Kardailovo-I. Burial-mound no. 24/1980. Burial no. 3. Orenburg, Governor's Historical and Local Lore Museum, inv. no. 17342/64–68; *5* — Knife handle. "Gorelyi-I". Burial-mound no. 1/2003. Engels, Local Lore Museum, inv. no. 15351. *1—2, 4—5* — Photos by M.Ju. Treister, 2015; *3* — drawing by V.K. Guguev, 1991.

Рис. 18. Гребень. «Горелый-I». Курган № 1/2003. Энгельс, ЭКМ, инв. № 15355. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 18. Comb. "Gorelyi-I". Burial-mound no. 1/2003. Engels, Local Lore Museum, inv. no. 15355. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

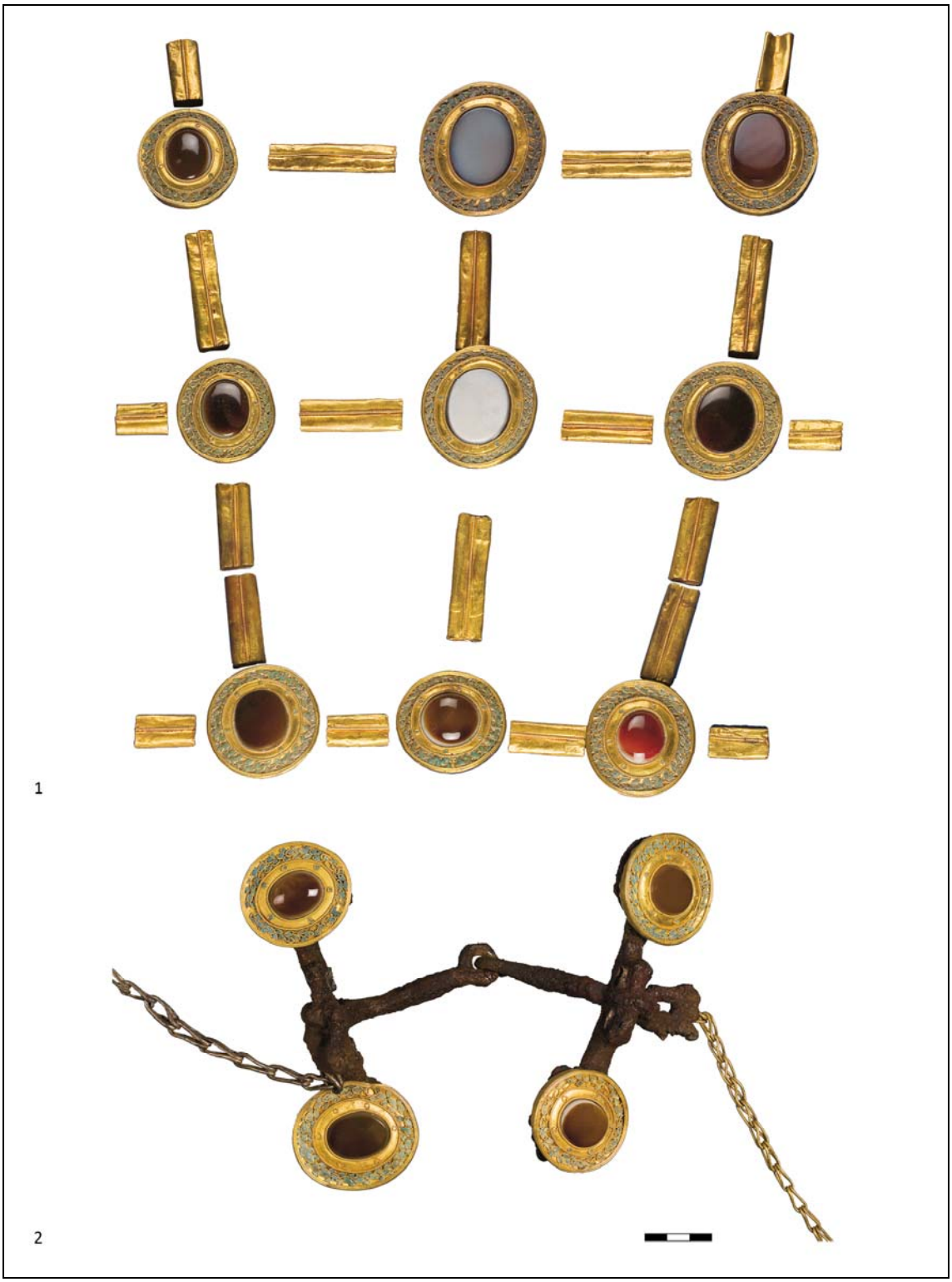

Рис. 19. Бляхи ремней оголовья и псалии. Дачи. Курган № 1/1986. Тайник № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № инв. № 23458/34—49. Фото В.С. Теребенина.

Fig. 19. Plaques of horse harness and psalia. Dachi. Burial-mound no. 1/1986. Cache no. 1. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv. no. 23458/34—49. Photos by V.S. Terebenin.

Рис. 20. Кинжал с ножнами. Общие виды и детали. Дачи. Курган № 1/1986. Тайник № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 23458/29—30. Фото В.С. Теребенина.

Fig. 20. Dagger with a scabbard. General views and details. Dachi. Burial-mound no. 1/1986. Cache no. 1. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv. no. 23458/29—30. Photos by V.S. Terebenin.

Рис. 21. Пряжки. Астрахань, ГОИАМЗ: *1* — Никольское. Курган № 12/1965. Погребение № 1, инв. № 14317; *2* — Барановка. Курган № 13/1972. Погребение № 1, инв. № 45625. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 21. Buckles. Astrakhan, State Joint Historical and Architectural Museum-Reserve: *1* — Nikol'skoe. Burial-mound no. 12/1965. Burial no. 1, inv. no. 14317; *2* — Baranovka. Burial-mound no. 13/1972. Burial no. 1, inv. no. 45625. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

Рис. 22. Фрагмент деревянной ножки и серебряные обкладки ножек предмета мебели. Курган Хохлач, 1864. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/28—35. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 22. Fragment of a wooden leg and silver overlays of legs of furniture item. Khokhlach, 1864. Saint Petersburg, State Hermitage, inv. no. 2213/28—35. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

Fig. 23. Халцедоновые навершия рукоятей мечей: *1* — Лебедевка. Курган № 1/1967. Астана, НМРК; *2* — Тузлуки. Курган № 17/1980. Погребение № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. 17367/232; *3—4*: Высочино-I. Курган № 10/1976. Погребение № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 16169/498/1—2; *5* — Лебедевка-VI. Курган № 3/1978. Погребение № 1. Астана, НМРК. Фото: М. Шихта, Bochum, DBM (*1, 5*), 2011 и М.Ю. Трейстера (*2—4*), 2015.

Fig. 23. Sword hilt finials of chalcedony: *1* — Lebedevka. Burial-mound no. 1/1967. Astana, National Museum of Republic Kazakhstan; *2* — Tuzluki. Burial-mound no. 17/1980. Burial no. 1. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv. no. 17367/232; *3—4*: Vysochino-I. Burial-mound no. 10/1976. Burial no. 1. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv. no.16169/498/1—2; *5* — Lebedevka-VI. Burial-mound no. 3/1978. Burial no. 1. Astana, National Museum of Republic Kazakhstan. Photos by: M. Schicht, Bochum, DBM (*1, 5*), 2011 and M.Ju. Treister (*2—4*), 2015.

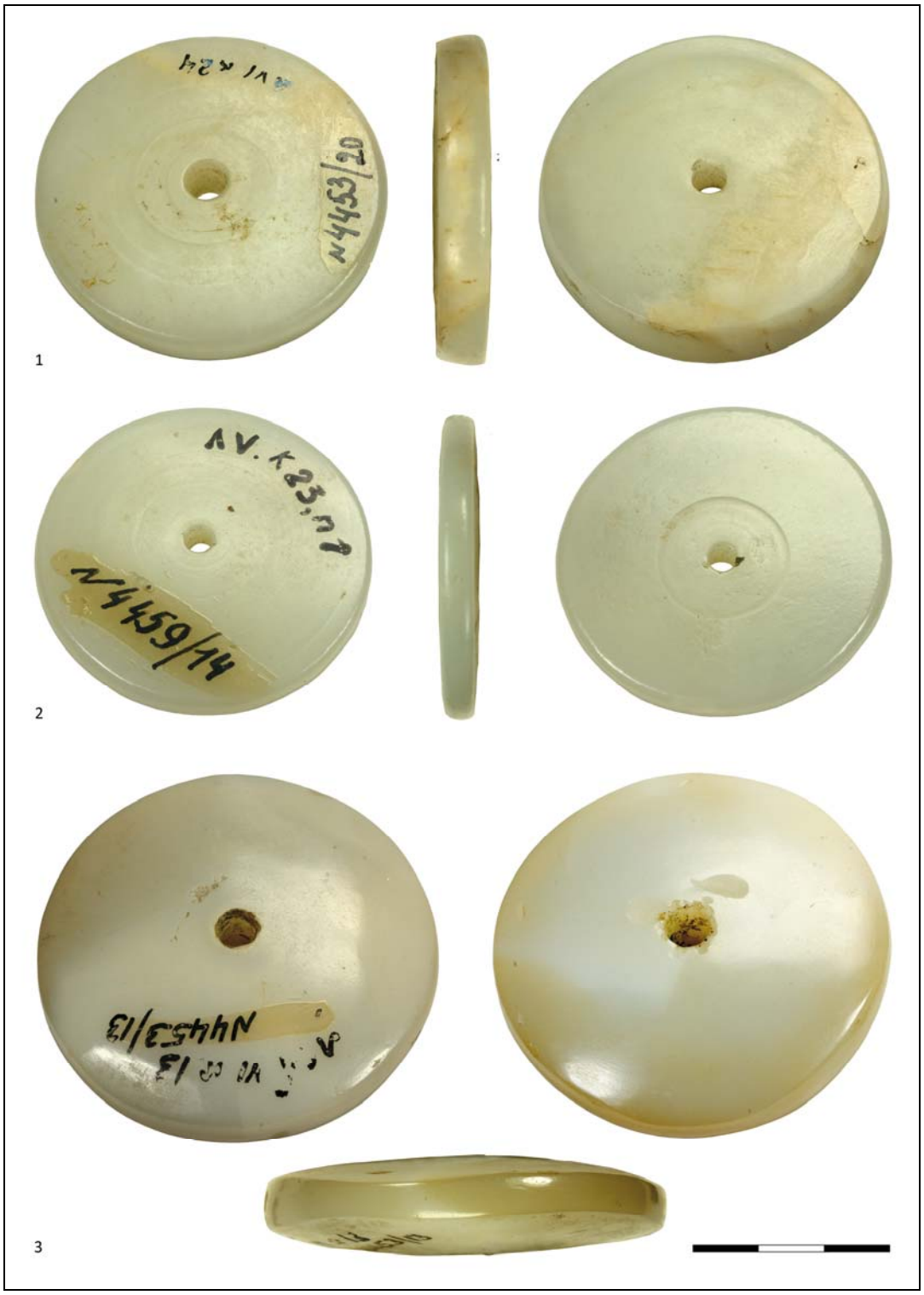

Рис. 24. Халцедоновые навершия рукоятей мечей. Уральск, ЗКОИКМ: *1* — Лебедевка-VI. Курган № 24/1979. Погребение № 1, инв. № 4453/20; *2* — Лебедевка-V. Курган № 23/1979. Погребение № 1, инв. № 4459/14; *3* — Лебедевка-VI. Курган № 13/1979. Погребение № 2, инв. № 4453/13. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 24. Chalcedony sword pommels. Ural'sk, West-Kazakhstan Regional Historical and Local Lore Museum: *1* — Lebedevka-VI. Burial-mound no. 24/1979. Burial no. 1, inv. no. 4453/20; *2* — Lebedevka-V. Burial-mound no. 23/1979. Burial no. 1, inv. no. 4459/14; *3* — Lebedevka-VI. Burial-mound no. 13/1979. Burial no. 2, inv. no. 4453/13. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

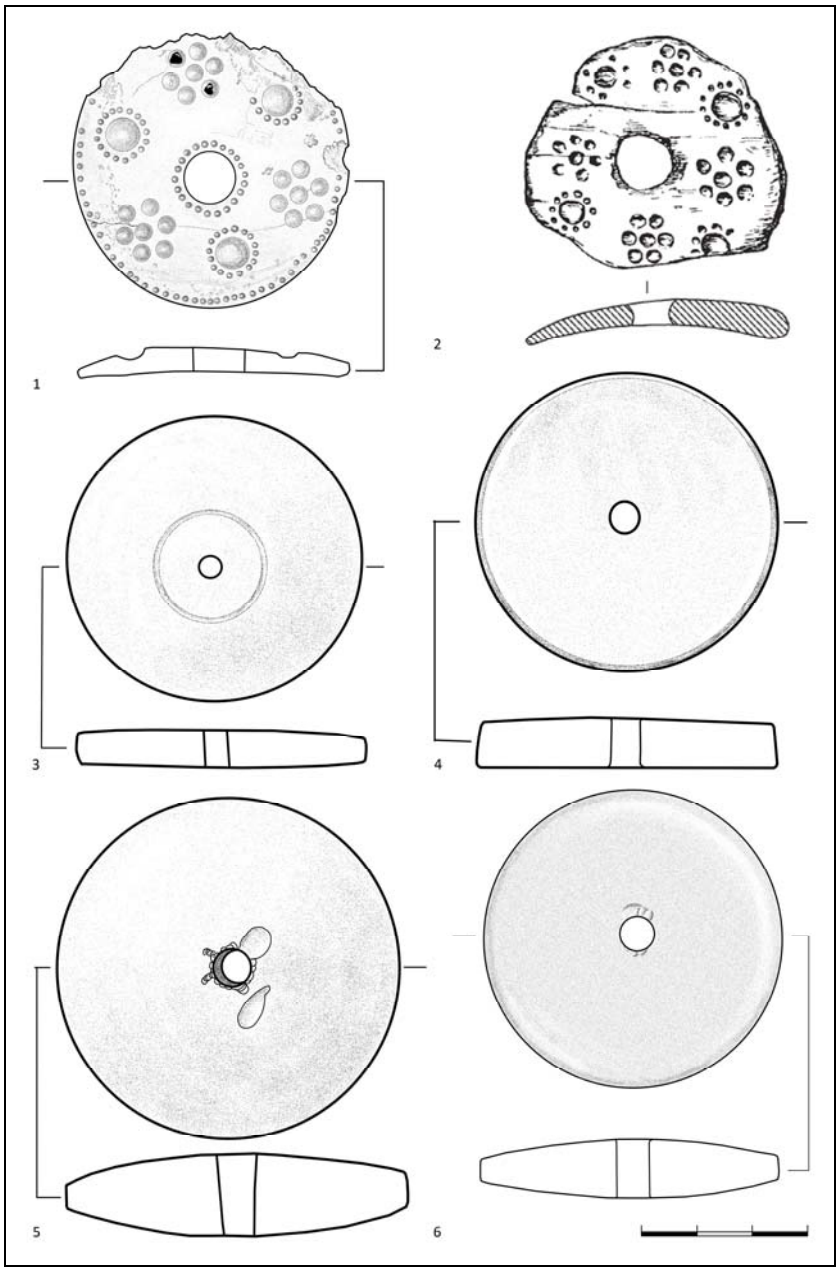

Рис. 25. Поясные бляхи из раковин: *1* — Красный Яр. Курган № 20/1999. Погребение № 1 Оренбург, ОГПУ, инв. № 490; *2* — Тарасовский могильник. Погребение № 4. **Халцедоновые навершия рукоятей мечей:** *3—5* — Уральск, ЗКОИКМ. *3* — Лебедевка-V. Курган № 23/1979. Погребение № 1, инв. № 4459/14; *4* — Лебедевка-VI. Курган № 24/1979. Погребение № 1, инв. № 4453/20; *5* — Лебедевка-VI. Курган № 13/1979. Погребение № 2, инв. № 4453/13; *6* — Красногор. Курган № 1/1936. Оренбург, ОГИКМ, без инв. №. *1, 3—6* — рисунки Н.Е. Беспалой, 2015, *2* — по Голдина, Бернц 2016.

Fig. 25. Belt plaque made of shells: *1* — Krasnyi Yar. Burial-mound no. 20/1999. Burial no. 1 Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, inv. no. 490; *2* — Tarasovskii burial-ground. Burial no. 4. **Chalcedony sword pommels:** *3—5* — Ural'sk, West-Kazakhstan Regional Historical and Local Lore Museum. *3* — Lebedevka-V. Burial-mound no. 23/1979. Burial no. 1, inv. no. 4459/14; *4* — Lebedevka-VI. Burial-mound no. 24/1979. Burial no. 1, inv. no. 4453/20; *5* — Lebedevka-VI. Burial-mound no. 13/1979. Burial no. 2, inv. no. 4453/13; *6* — Krasnogor. Burial-mound no. 1/1936. Orenburg, Governor's Historical and Local Lore Museum, without inv. no. *1, 3—6* — drawings by N.E. Bespalaya, 2015, *2* — after Goldina, Bernts 2016.

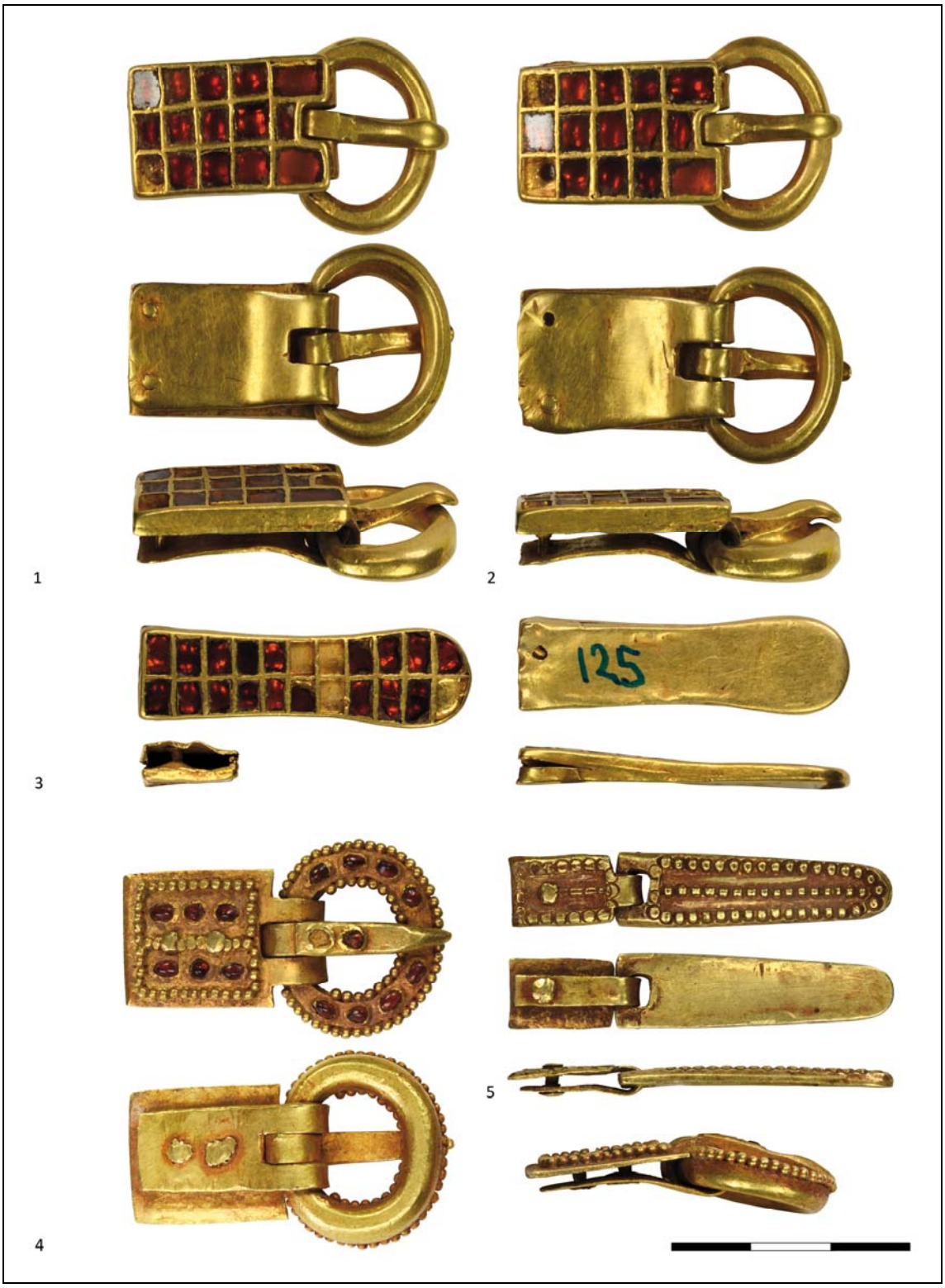

Рис. 26. Пряжки и наконечники поясов. Оренбург, ОГИКМ: *1—3* — Бердянка-V. Курган № 6/1995. Погребение № 1, инв. № 19427–19429; *4—5* — Покровка 10. Курган № 19/2001. Погребение № 2, инв. № 18338/655–656. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 26. Buckles and belt tips. Orenburg, Governor's Historical and Local Lore Museum: *1—3* — Berdyanka-V. Burial-mound no. 6/1995. Burial no. 1, inv. no. 19427–19429; *4—5* — Pokrovka 10. Burial-mound no. 19/2001. Burial no. 2, inv. no. 18338/655–656. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

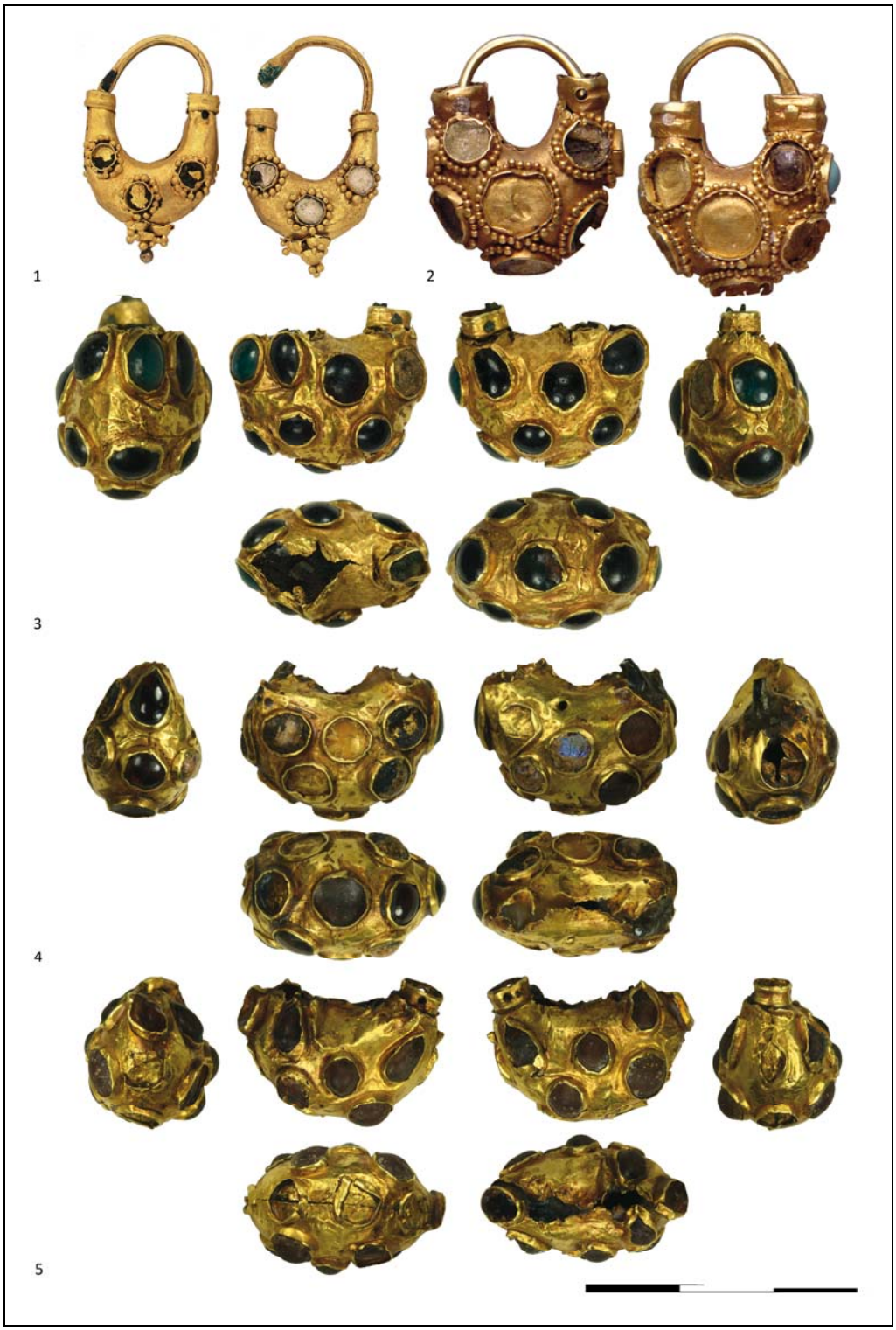

Рис. 27. Серьги. Уральск, ЗКОИКМ: *1* — Лебедевка-VI. Курган № 39/1979. Погребение № 1, инв. № 4453/49; *2* — Лебедевка-V. Курган № 49/1980. Погребение № 1, инв. № 4459/44; *3* — Лебедевка. Курган № 2/1966, инв. № 3745/4; *4—5* — Лебедевка-II. Курган № 1/1969. Погребение № 1, инв. № 3441. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 27. Earrings. Ural'sk, West-Kazakhstan Regional Historical and Local Lore Museum: *1* — Lebedevka-VI. Burial-mound no. 39/1979. Burial no. 1, inv. no. 4453/49; *2* — Lebedevka-V. Burial-mound no. 49/1980. Burial no. 1, inv. no. 4459/44; *3* — Lebedevka. Burial-mound no. 2/1966, inv. no. 3745/4; *4—5* — Lebedevka-II. Burial-mound no. 1/1969. Burial no. 1, inv. no. 3441. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

Рис. 28. Серьги. Большая Дмитриевка. Саратов, СОМК: *1—2* — Курган № 5/1988–1992. Погребение № 1, инв. 53051/1–2; *3—4* — Курган № 13/1988. Погребение № 2, инв. № 51963/27.1–2. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 28. Earrings. Bol'shaya Dmitrievka. Saratov, Regional Local Lore Museum: *1—2* — Burial-mound no. 5/1988–1992. Burial no. 1, inv. no. 53051/1–2; *3—4* — Burial-mound no. 13/1988. Burial no. 2, inv. no. 51963/27.1–2. Photos by M.Ju. Treister, 2015.

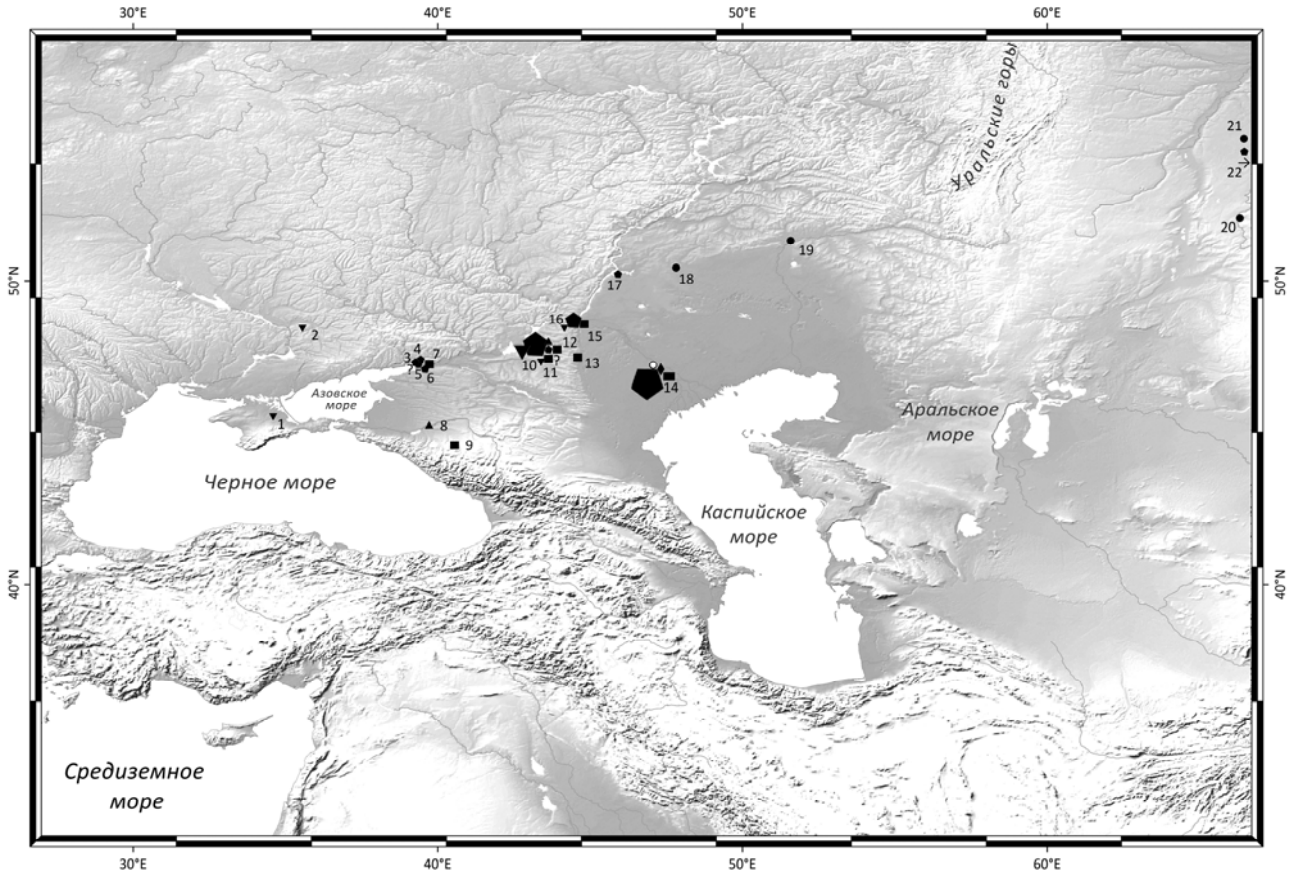

Рис. 29. Находки II–I вв. до н.э.: *1* — Ногайчинский курган, *2* — Булаховка, *3* — Танаис, *4* — Царский, *5* — Ново-Александровка-I, *6* — Высочино-VII, *7* — Крепинский-I, *8* — Усть-Лабинская, *9* — Острый, *10* — Октябрьский-V, *11* — Жутово, *12* — Аксай-I, *13* — Эвдык-I, *14* — Косика, *15* — Царев, *16* — Верхнее Погромное, *17* — Майеровский-III, *18* — Новоузенск, *19* — Володарка, *20* — Ишим, *21* — Исаковка-I, *22* — Сидоровка. Круг — серебряные с позолотой фалары, круг без заливки — фалары с вихреобразной розеттой из голов грифонов, пятиугольник — серебряные и золотые сосуды, перевернутый пятиугольник — серебряные с позолотой сосуды, созданные под влиянием парфянских мотивов и техники, треугольник — переделанные серебряные сосуды, квадрат — глазурованная керамика, перевернутый треугольник – бляшки в форме мерлонов, ромб – меч, прямоугольник – поясной набор. Карта составлена М.Ю. Трейстером, 2018.

Fig. 29. Finds of the 2nd — 1st centuries BCE: *1* — Nogaichin Burial-mound, *2* — Bulachovka, *3* — Tanais, *4* — Tsarskii, *5* — Novo-Aleksandrovka-I, *6* — Vysochino-VII, *7* — Krepinskiĭ-I, *8* — Ust'-Labinskaya, *9* — Ostryi, *10* — Okt'yabrskii-V, *11* — Zhutovo, *12* — Aksai-I, *13* — Evdyk-I, *14* — Kosika, *15* — Tsarev, *16* — Verkhnee Pogromnoe, *17* — Maĭerovskiĭ-III, *18* — Novouzensk, *19* — Volodarka, *20* — Ishim, *21* — Isakovka-I, *22* — Sidorovka. Circle — silver-gilt phalerae, circle without filling — phalerae with a whirl-rosette composed of griffin heads, pentagon — silver- and goldware, inverted pentagon — silver-gilt vessel made under the influence of Parthian motifs and techniques, triangular — refurbished silverware, quadrate — glazed pottery, inverted triangular — appliqués in form stepped pyramids, rhombus (vertical) — sword, rectangular — belt set. Map, M.Ju. Treister, 2018.

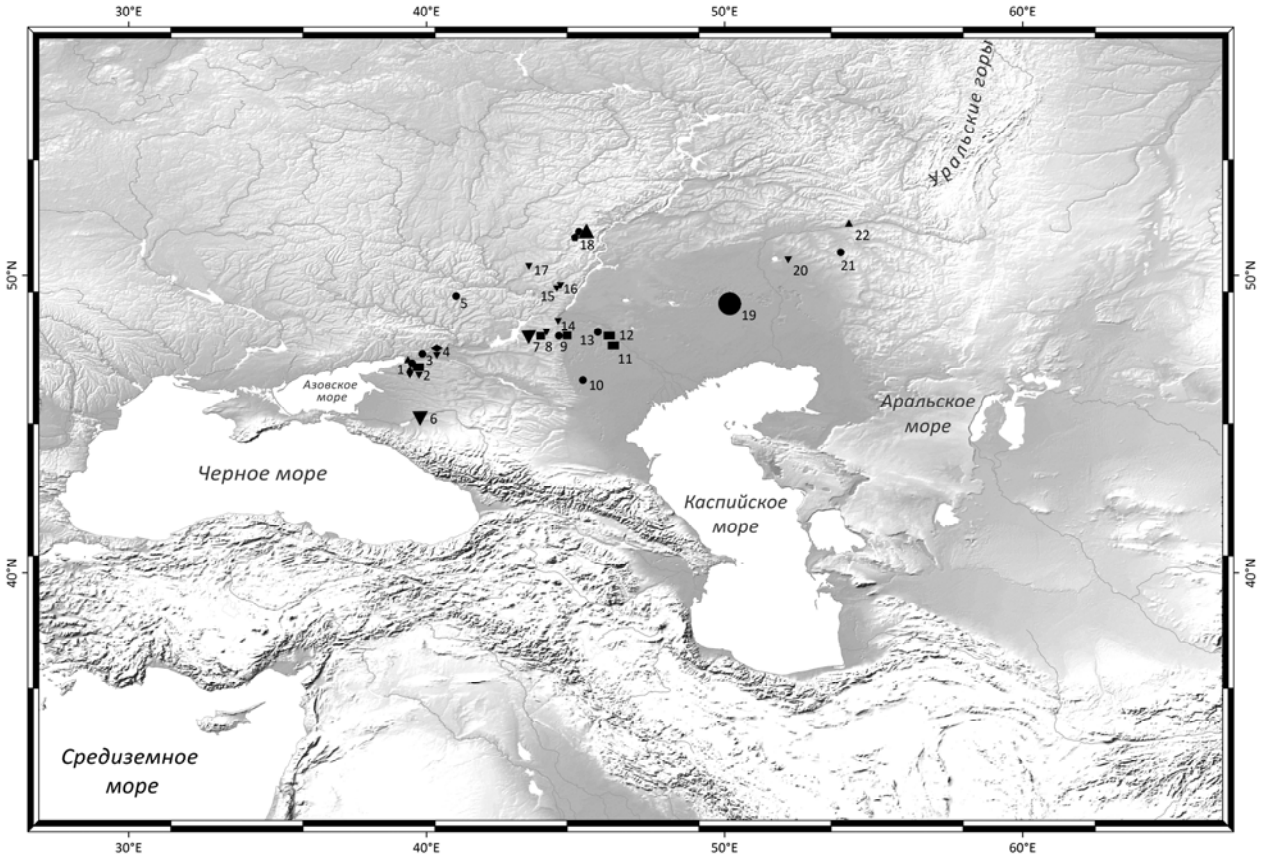

Рис. 30. Находки I — первой половины II в. н.э.: *1* — Красногоровка-III, *2* — Дачи, *3* — Кобяково, *4* — Хохлач, *5* — Сладковский, *6* — Усть-Лабинская, *7* — Октябрьский-I–II, *8* — Жутово, *9* — Аксай-II–III, *10* — КВЧ, *11* — Никольское, *12* — Барановка, *13* — Старица, *14* — Заканальный, *15* — Бердия, *16* — Малая Воробцовка, *17* — Королева могила, *18* — Горелый-I, *19* — Кос-Оба, *20* — Аралтобе, *21* — Покровка-I, *22* — Кардаилово-I. Круг — ювелирные украшения и геммы, пятиугольник — обкладки деревянного сосуда, треугольник — изделия из резной кости, квадрат — глазурованная керамика, прямоугольник — поясные бляхи и пластины, ромб вертикальный — меч, ромб горизонтальный — предмет мебели, перевернутый треугольник — бляшки в форме мерлонов. Карта составлена М.Ю. Трейстером, 2018.

Fig. 30. Finds of the 1st — first half of the 2nd century CE: *1* — Krasnogorovka-III, *2* — Dachi, *3* — Kobyakovo, *4* — Khokhlach, *5* — Sladkovskii, *6* — Ust’-Labinskaya, *7* — Okt’yabrskii-I-II, *8* — Zhutovo, *9* — Aksai-II–III, *10* — KVCh, *11* — Nikol‘skoe, *12* — Baranovka, *13* — Staritsa, *14* — Zakanal’nyi, *15* — Berdiya, *16* — Malaya Vorobtsovka, *17* — Koroleva Mogila, *18* — Gorelyi-I, *19* — Kos-Oba, *20* — Araltobe, *21* — Pokrovka-I, *22* — Kardailovo-I. Circle — jewelry and gems, pentagon – overlays of a wooden vessel, triangular — items of carved bone, quadrate — glazed pottery, rectangular — belt plaques and appliqués, rhombus (vertical) — sword, rhombus (horizontal) — piece of furniture, inverted triangular — appliqués in form stepped pyramids. Map, M.Ju. Treister, 2018.

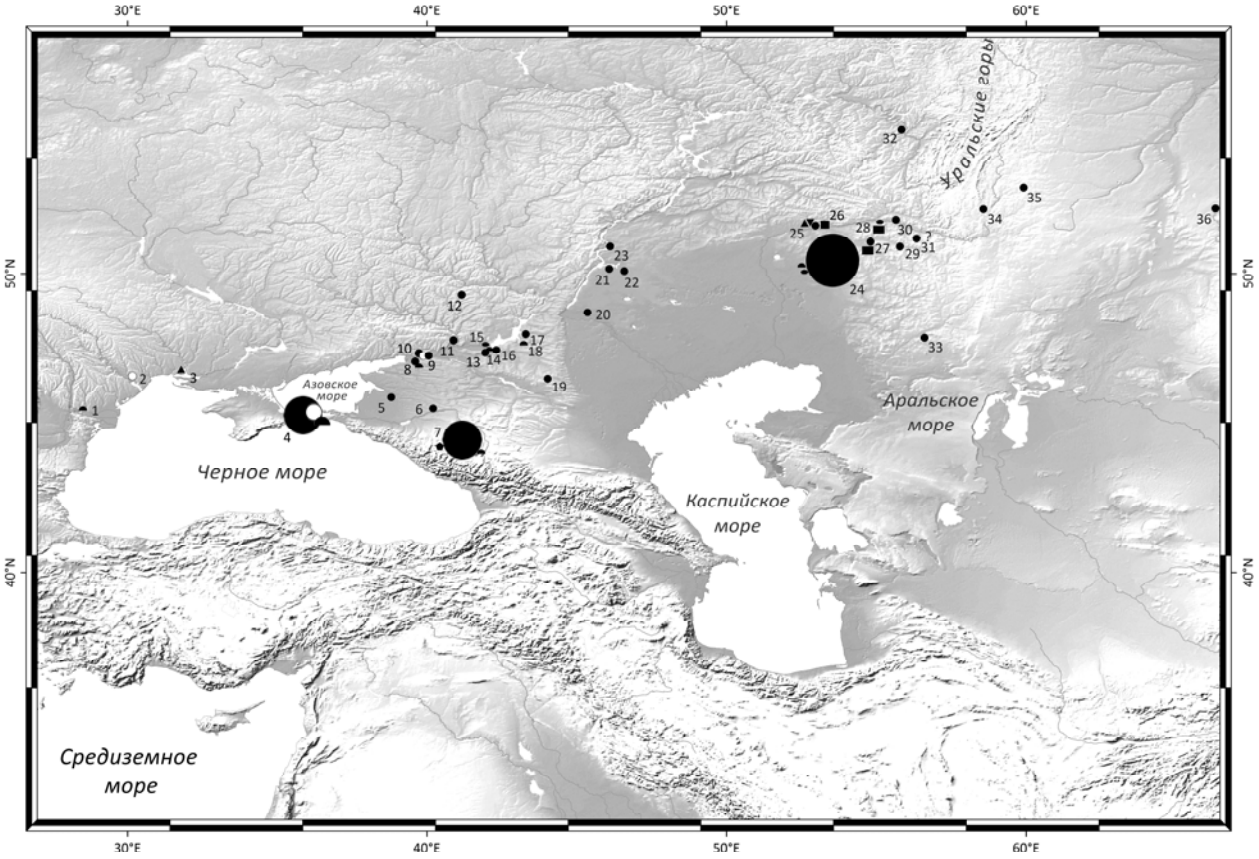

Рис. 31. Находки второй половины II—III в. н.э.: *1* — Градешты, *2* — Маяк, *3* — Ольвия, *4* — Пантикапей, *5* — Новокорсунская, *6* — Тбилисская, *7* — Даховская, *8* — Высочино-VII, *9* — Кобяково, *10* — Ростов-на-Дону (ул. Вятская), *11* — «Четыре брата», *12* — Сладковский, *13* — Ильиновский-I, *14* — Центральный-VI, *15* — Камышевский-I, *16* — Подгорненский-IV, *17* — Новоаксайский, *18* — Гремячая, *19* — «Три Брата», *20* — Колобовка-III, *21* — Солянка-I, *22* — Альт-Ваймар, *23* — Кочетное, *24* — Лебедевка, *25* — Красный Яр, *26* — Мухраново, *27* — Покровка-10, *28* — Бердянка-V, *29* — Целинный-I, *30* — Красногор, *31* — место находки неизвестно (Оренбург, ОГИКМ), *32* — Уфа, *33* — Кара-Тобе, *34* — Комсомольский-IV, *35* — Агаповский, *36* — Покровский. Круг с заливкой — навершия рукоятей мечей — диски халцедоновые, круг без заливки — диски из других материалов, полукруг — навершия сегментовидного и полусферического сечения, овал — навершия овального сечения, треугольник — изделия из резной кости, квадрат — глазурованная керамика, прямоугольник — золотые детали поясных наборов, пятиугольник — серебряный сосуд, перевернутый треугольник — портупейная бляха из раковины. Масштаб значков, обозначающих находки в Керчи, — условный (точное количество находок неизвестно). Карта составлена М.Ю. Трейстером, 2018.

Fig. 31. Finds of the second half of the 2nd — 3rd century CE: *1* — Gradeshty, *2* — Mayak, *3* — Olbia, *4* — Pantikapaion, *5* — Novokorsunskaya, *6* — Tbilisskaya, *7* — Dakhovskaya, *8* — Vysochino-VII, *9* — Kobyakovo, *10* — Rostov-on-Don (Vyatskaya st.), *11* — “Four Brothers”, *12* — Sladkovskii, *13* — Il’inovskii-I, *14* — Tsentral’nyi-VI, *15* — Kamyshevskii-I, *16* — Podgornenskii-IV, *17* — Novoaksaiskii, *18* — Gremyachaya, *19* — “Three Brothers”, *20* — Kolobovka-III, *21* — Solyanka-I, *22* — Alt-Weimar, *23* — Kochetnoe, *24* — Lebedevka, *25* — Kryasnyi Yar, *26* — Mukhranovo, *27* — Pokrovka-10, *28* — Berdyanka-V, *29* — Tselinnyi-I, *30* — Krasnogor, *31* — findspot unknown (Orenburg, Governor’s Historical and Local Lore Museum), *32* — Ufa, *33* — Kara-Tobe, *34* — Komsomol‘skii-IV, *35* — Agapovskii, *36* — Pokrovskii. Circle — hilt pommels of swords — discs of chalcedony, circle without filling — discs of other materials, half-circle — pommels of segment and half-spherical section, ovals — pommels of oval section, quadrate — glazed pottery, triangular — gold belt sets, pentagon — silver vessel, inverted triangular — sword belt plaque made of shell. The scale of the signs, marking the finds from Kerch is conventional (the exact number of finds is unknown). Map, M.Ju. Treister, 2018.